Вещь

3(20)/2019

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Поэзия

Катя Рубан

Современная феминистская поэзия

Драматургия

Валерий Шергин

In memoriam

Вячеслав Запольских

Вещь

3(20)/2019

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

18+

Содержание

3 .....**Елена Соловьёва** *Путешествие в иной мир (рассказ)*

10 .....**Виталий Аширов** *Над лепетом и ветром (стихи)*

13 .....**Ольга Роленгоф** *Мальчик и молоко (рассказ)*

18 .....**Екатерина Рубан** *В десятке сантиметрах от земли (стихи)*

22 .....**Валерий Шергин** *Правила (драматургия)*

66 .....**«Из ветвящегося понимания»** *Современная феминистская поэзия от журнала «Ф-письмо» (составитель и автор предисловия Галина Рымбу)*

86 .....**Егана Джаббарова** *Двенадцать (рассказ)*

93 .....**Игорь Ваньков** *В объятиях грунтовых улиц (стихи)*

96 .....**Нина Горланова, Владимир Киршин** *Памяти Вячеслава Запольских (1958–2019)*

101 .....**«Эта серия – жест любви к поэзии и поэтам»** *(интервью с Юлией Подлубновой, Екатериной Симоновой и Наталией Санниковой)*

105 .....**Константин Комаров** *Про кожуру и мишуру (критика)*

108 .....**Егана Джаббарова, Юлия Баталина** *«Социальные сети исчислимого одиночества»; «Девяностые, пришельцы и учитель иврита в доме со всеми неудобствами (рецензии)»*

114 .....**Авторы номера**

Елена Соловьёва

Путешествие в иной мир

(история в пяти открытках)

Из Москвы она нам не писала. Только из путешествий и эмиграции. Сначала из Берлина. Лера перебралась туда, когда в Коломне умерла её бабушка. «Она всегда чувствовала, — говорит, — что я должна приехать. И всегда к моему приезду были блины». Блины со сметаной, блины с вареньем, блины с мёдом. Любовь, которую наши немногословные бабушки умеют выражать так просто и естественно с помощью еды. Каток и коньки зимой, велосипед летом. В рассказах Леры бабушкина Коломна всегда приобретала (или мне так казалось) черты немножко лубочного русского рая.

Из Берлина, где Лера устроилась программистом, она писала: «Я украла книжку в лавке букиниста Der Tod in Venedig. Я покупаю газеты, я покупаю немецкие газеты из эстетических соображений, из-за платонической любви к Гутенбергу. От вожделенья я учусь читать». Обычно открытки адресовались моему мужу. Они дружили ещё до меня. Всегда капиллярная синяя ручка и по-эстетски печатные буквы. Иногда Лера мельчила, буквы выплёскивались за край листа, и я вспоминала её захлёбывающуюся манеру говорить, почти не оставляющую пауз для собеседника.

Нам Лера, с годами всё больше похожая на худого, высокого подростка, всегда нравилась. Даже несмотря на то, что имела не только степень кандидата физико-математических наук, но и высшее искусствоведческое

образование. Слишком вопиющее превосходство, согласитесь. Она любила учиться. И бежала на итальянский или английский, когда мы садились с бутылочкой пива на берегу Исети. Нравилась она и пожилым иностранным джентльменам. Ещё в одной открытке с итальянской маркой, по-моему, из первого её путешествия в эту страну, она писала: «В музеях я брожу одна, пока Саша смакует кофесигареты в кафе, и мой проникнутый живым вниманием к искусству взгляд притягивает ☺ Всегда притягивает пожилых высокообразованных джентльменов. Вот и на этот раз. Полтора часа в палаццо Кьерикати (шедевр Палладио) мой спутник не умолкал и рассказал мне обо всех картинах Пинакотеки (мы сделали два полных круга по залам). Я говорила: si, mi, piace. Он активно интересовался моим возрастом, сравнил мой размер груди с шестым размером Артемиды, шутил по поводу необходимости знать хотя бы два слова по-итальянски — tetto и cazzo, которые всегда ворочаются во рту… И это при том, что я была скромняшкой и сказала… и осмелилась предположить, что главное сокровище галереи — «Распятие» великого северянина Мемлинга и что устаю я от «мяса» итальянских картин. И я уже начала беспокоиться по поводу того, чем может закончиться наша беседа, как вдруг мой почтенный друг взглянул на часы, попрощался и унёсся вниз по винтовой лестнице по неотложным делам».

Лерин друг Саша больше любил и знал кино, чем живопись. Он прекрасно готовил. Плов у него, например, получался вполне аутентичным. Но отлепиться от холода родных палестин вместе с Лерой он не смог. В очередное французское путешествие, устроенное способом couchsurfing, модного среди тех, кто знает языки, она отправилась одна. На открытке, полученной нами, среди лазурного моря крепким орешком белел форт, превративший в свои стены обрывистые берега. «Salut! Привет! Мой хитроумный план проникнуть во Францию (через Италию и Корсику) удался! Марсель, город у моря, порт со своей собственной жизнью, а не фальшивый курорт, — лучшее место, чтобы отдохнуть от города М. Морская вода здесь холодна, и заплывы бодрят, сильный ветер (мистраль) придаёт напряжение походке, крики чаек (говорят, случается, они кусают туристов) придают впечатлениям ту необходимую резкость, которая, я надеюсь, позволит мне ещё какое-то время «пружинить» на «родимой» земле.

…Ветер с моря, и ты не поверишь ☺, я влюбилась тут в длинные шарфы и недлинные юбки…»

В Москве тогда у Леры был тяжелый период. Позже она не раз вспоминала о «последней капле», заставившей начать оформление документов на выезд. И, может быть, надо сказать «спасибо» её сумасшедшему старику-соседу по разбитой съёмной квартире, который регулярно заявлял в полицию, что она ведёт себя аморально и покушается на его жизнь. Полиция, по Лериным рассказам, всегда почему-то принимала сторону соседа. Наверное, эта потрепанная жизнью птица казалась им менее экзотичной, чем одинокая девушка-программист. Жить в Европе, в одиночку решая проблемы трудоустройства и съёмного жилья, ей показалось проще. В конце концов, игнорируя крупные города, от которых устала, Лера осела в Пизе. 20 минут до увитого плющом здания аэропорта, 30 минут до Тирренского моря.

Падающая башня и баптистерий, ставшие домашней географией. Четырёхпалубный корабль Кафедрального собора, на внутренних фресках которого плещется море, а Нептун с мозаики на фасаде прикидывается Иоанном Крестителем. Солнечные площади с блошиным рынком по выходным. Вечный полумрак щелей-переулков, в которых медленно оседают на камни мостовой птичьи перья и пахнет голубиным помётом. Мандарины, висящие на деревцах у ратуши до рождества. Парк за домом Шелли, с развалинами древней крепости и вай-фаем, где так хорошо греться на солнышке в январе, когда из экономии отключено отопление и спасает только электроодеяло. Граффити на задней стене церкви Сан-Антонио, сделанное Китом Харрингом, открытым геем, умершим от СПИДа. Арно, местами напоминающая Исеть, и университет, в котором медицину осваивал ещё Галилей.

Учиться в университете можно хоть до старости. Тем более что пожилым студентам и иммигрантам предоставляется скидка. Впрочем, Лере, бодро рассекающей на велосипеде в короткой юбке и длинном шарфе, больше тридцати никто не давал и не даёт. Некоторые зовут её «девушка-ракета». Отмечаться по своим иммигрантским делам она ходит в управу, в основном вместе с темнокожими сенегальцами, бодро торгующими фальшивыми часами «ролекс» и зонтиками. Пиза — один из самых дождливых итальянских городов, и мрамор скульптур, которыми она гордится, приобретает от водяной мороси удивительный цвет: что-то между пепельно-розовым и слоновой костью.

В Пизе два своих российских образования Лера сливает в одно на специальности «гуманитарное программирование». Её зарплаты хватает на то, чтобы снимать приличную квартиру, оплачивать учёбу и немного путешествовать.

«Пишу из итальянского послеполудня, облокотившись на согретые солнцем камни набережной. Воскресенье, тишина невозможная, чаек никто не перебивает. Заканчивается марафон: то и дело мимо ковыляют старички в спортивных трусах, зрителей нет, в отдалении — скорая помощь и невдалеке — пара фотографов запечатлевает подвиг. Я свой подвиг сегодня уже совершила: установила систему виндоус в виртуальную машину под линуксом и в неё пиратскую версию программы Dragon. Эта штука умеет распознавать речь и переводить её в печатный текст. Уровень ошибок 3%. Моя задачка (университетская) была перевести 15 минут диалога аудиозаписи в текст и потом проанализировать результат. После марафона с установкой программы текст я получила автоматом за 15 минут, проиграв запись. Меня ждёт тридцатка в школе. А миру потихоньку угрожает (а может, не угрожает, а сулит? ☺) трансформация национальной журналистики. Так как новости на разных языках уже производят крупные корпорации, и местной журналистике надо с этим считаться. Во время моих одиноких прогулок в Пизе обнаружены два музея живописи: в Королевском дворце и в церкви Сан-Маттео. Дождусь дождливых дней и проведу пробную разведку ☺ С Новым годом!»

Теперь Лера поселилась в достаточно тихом и буржуазном районе Porta a Lucca, что означает «Ворота в сторону Лукки». Скромные виллы, небольшие дома на четыре семьи. В её подъезде витал один из любимых запахов моего детства: еле слышно и сладко пахло нафталином. По стенам висели маленькие репродукции Ван Гога и фотография парусника. Стояло ведро для зонтиков, оставлять в котором свой Лера никак не могла привыкнуть, чем немало удивляла соседей. Двор дома ограждал невысокий каменный забор, и Лера провела сложные переговоры, чтобы было где парковать два велосипеда, специально приготовленные для наших с ней совместных прогулок. На застеклённой двери подъезда висело сделанное от руки объявление: перечёркнутая крест-накрест кошачья морда. Сеньора сверху, старушка с суровым лицом героев итальянского неореализма, на правах главной мойщицы общественных полов, просила не пускать в подъезд Оливию, кошку сеньоры снизу. На одном из четырех почтовых ящиков среди фаянсовых табличек с фамилиями владельцев квартир, на скромной бумажке в клеточку стояло имя Valeriya, как эфемерный знак вписанности в здешнюю жизнь.

Первый раз мы с мужем прилетели в гости в Пизу на две сентябрьские отпускные недели и уже на второй день, в соответствии с Лериным планом, отправились на велосипедах в Чертоза ди Кальчи, картезианский монастырь молчунов. На тамошних монахов был наложен обет молчания, и увольнительная давалась только два раза в год. Тогда они могли, прогуливаясь парами вокруг монастыря, беседовать не на духовные темы. Поначалу всё казалось очаровательным: и погода, и сама идея прогулки, и тающие в солнечных лучах виды окрестностей. «Дотуда всего 10 километров в гору!» — беспечно сообщила Лера людям, которые в последний раз сидели в велосипедном седле лет 20 назад. Понятно, что на обратном пути задницы свежеприобщённых к спортивному образу

жизни превратились в один большой синяк. Красоты Тосканы, открывающиеся по обочинам оживлённой автотрассы, пошли насмарку. И возникла стойкая неприязнь к прекрасным пиниям, полено одной из которых дало когда-то жизнь Пиноккио. Оказалось, что корни этих мощных деревьев почти повсеместно взбугрили асфальт до состояния стиральной доски. А любая, даже самая маленькая кочка уже с середины путешествия вызывала острую боль в пятой точке, несмотря на то, что под неё были подложены все лишние элементы скудного по случаю жары гардероба.

Из того первого столкновения с настоящей Италией в памяти осталась лишь Лерина история о том, как она начинает свои весенние прогулки с книжкой и велосипедом. С утра, пока солнце ещё не нагрело землю и предметы, останавливается передохнуть и почитать на деревянных лавочках. Ближе к обеду задействует кованые, у которых «неплохая теплопроводимость», и уже в конце дня рискует опуститься на каменные. Идея таких прогулок показалась мне вдохновляющей, особенно в виду оливковой рощи монастыря молчунов, где была рассказана. Но долго не проходящий синяк на заднице как бы намекал, что между идиллическими картинками и реальностью всегда остается зазор. Существенный зазор имелся и в наших с Лерой взглядах на организацию питания.

К еде и к кухне вообще она подходила не с утилитарной, а с эстетической точки зрения. «Я не сентиментальна ☺, — писала Лера в одной из открыток с чёрно-белым портретом Марлен Дитрих на лицевой стороне. — У меня умерли розы, я любуюсь на сухую колючку в горшке, я обещала поливать их, я поливаю колючку в горшке, базилик и шалфей. Розмарин, базилик и шалфей себя чувствуют прекрасно и колосятся на окне. Я чувствую себя прекрасно, я учусь готовить. У меня два ножа, один — киллер-нож как у Хичкока в «Психо» и другой — маленький и острый, чтобы быстро покрошить базилик… или чеснок, или шалфей».

Профессиональные ножи и добротные разделочные доски, вывезенные ещё из Германии, действительно, по нашему приезду обнаружились на кухне её просторной, очень светлой двухкомнатной квартирки с двумя балконами и «тосканским», то есть выложенным плиткой, полом. При виде солидных досок сразу вспоминались огромные вяленые окорока из здешних магазинов. Но сама кухня производила не самое обжитое впечатление. Отлично укомплектованный кухонный комбайн в невскрытой упаковке. Тут не готовили, а перекусывали. В холодильнике скучали кусочек сыра и коробка с баночками йогурта. В блюдах на столе картинно лежали фрукты. В бумажном пакете томился здешний дорогой хлеб: белый, без соли, с ноздреватой мякотью под твёрдой хрустящей коркой. Не часто бывшие в деле кастрюльки дремали по шкафам. Имелся небольшой запас кьянти и пасты.

Лера даже утренний кофе пила вне дома. Вставала в семь, молниеносно собиралась, в любую погоду садилась на велосипед и отправлялась за восемь километров в район офисов. На полпути заезжала в кафе. Всегда одно и то же. Там болтала с барменом, упражняясь в итальянском. Необходимостью языковой практики объясняла и свою привычку брать фрукты в живописных маленьких лавках, а не безликих супермаркетах. Радостно рассказывала, как хозяева угощали её в довесок к купленному, но, похоже, для Леры это был символический ритуал, попытка через материю пищи вписать себя в здешнюю жизнь, покупка индульгенции за грех инородности, Valeriya на листочке в клеточку.

Однажды её угостили сморщенным, утыканным иголками фруктом. Потом ввиду дешевизны муж прикупил такие же в супермаркете портового города Ливорно. Скромные зарплаты библиотечных работников заставляли нас экономить, к тому же сильной разницы между иглокожими особями из лавки и из магазина не просматривалось. Алая мякоть под зелёной шкуркой на вкус совсем не отличалась. В супермаркете фрукты фигурировали под именем «индийские фиги», но мне что-то неотступно напоминали. «По-моему, друзья, — робко предположила я, — это шишки кактуса, который тут повсю-

ду растет». После того, как меня освистали, на прогулках я стала с утроенной силой озираться по сторонам в надежде доказать свою правоту. В конце концов, кактус был обнаружен в скверике перед городской ратушей. Плоды его с грехом пополам бесплатно собраны. Муж, правда, изрядно занозил пальцы и задумался над рационализаторским подходом к строптивым ёжикам. Ответ лежал на поверхности — бритва. «Жиллет фьюжен» с четверным лезвием подошел вполне. Бритые фиги разделывать оказалось значительно проще. К тому же спонтанно родилась идея для нестандартного рекламного ролика бритвенного станка. Продать идею было некому. И мы пошли дальше по пути бюджетного изучения окружающей среды и итальянских деликатесов.

Мидии, собственноручно открученные нами с камней общественного пляжа в Маринеди Пиза, по виду не отличались от тех, что красовались тут же в специализированных ларьках за 4 евро кило. Лера смотрела на нашу добычу с недоверием. Устрицы, которые мы разыскали уже в свой второй, зимний приезд в Пизу, её тоже не вдохновили. Их продавали в рыбном отделе французского супермаркета Carrefour. Он располагался несколько на отшибе, за автостоянкой, где по субботам разворачивалась ярмарка дешёвого товара. И работал не в вольном режиме основной массы итальянских магазинов, а строго по расписанию, до 23:00. Увесистые, корявые раковины, приятные даже на ощупь, были упакованы в симпатичные деревянные ящички с морским коньком на крышке. Бутылка светлого вина и лимон — всё, что требовалось к ним в комплект для превращения счастья в полное.

С устрицами у нас случилась любовь с первого глотка. Удовольствие оказалось пронзительным: вкус моря, свежего ветра, самой жизни и почему-то солёных огурцов из детства, которые продавщицы вылавливали в необъятных деревянных бочках с рассолом. Муж научился вскрывать моллюсков перочинным ножом с коротким, крепким лезвием. Они немного крошились, и, чтобы не мусорить на идеальной Лериной кухне, мы приноровились устраивать свои пиры на зимнем, почти безлюдном пляже или в укромном углу на набережной Арно. Как раз напротив церкви Сан-Маттео, о которой когда-то она нам писала. Туда, действительно, хорошо было ходить в дождь, в будний день, чтобы при полном отсутствии посетителей бродить по этажам, заполненным изображениями младенцев и мадонн. Рыжие, русые, блондинки и брюнетки, с широким разрезом глаз, узким разрезом глаз, с тонкими бровями, с обычными бровями, с румянцем и без, смуглые, бледные, суровые, задумчивые, скорбные, рассеянные, с загадочными улыбками, подсвеченные тусклым золотом в слабо освещенных залах, пол которых перечёркивали тени, падающие от выставленных тут же ажурных крестов.

Лера гуляла с нами редко. Она работала в обычном офисном режиме: с девяти до пяти. Её рассказы о «производственной» жизни тоже мало отличались от российского стандарта: кого-то держат на службе из-за того, что он племянник босса, кто-то норовит спихнуть свою работу на других, кто-то толком не умеет делать сайты, но прекрасно проводит показательные выступления перед заказчиком. Заказчики вообще везде одинаковы. А вот на встречи в соседнюю Флоренцию Лера ездить не любит. Суетно. И возникающие на работе конфликты предпочитает решать в соответствии с буквой контракта. В последнем мы с мужем её не одобряли, считая, по разгильдяйской русской традиции, что лучше как-то по-человечески договариваться, а букву циркуляра всегда можно обойти. Но у всех свои навыки взаимодействия с действительностью, свои способы с нею стыковаться и её обмануть. Лерин путь, как ни странно, выглядел более прямолинейно, а может быть, цельно.

Потчевать нас «своей Италией» она предпочитала в ресторане. Её любимый так и назывался «Ресторан №11» с потолками под восемь метров и перекрытиями пойди разбери какого века. Работало заведение только во второй половине дня и не всегда по тому графику, который был заявлен на дверях. Хозяин лично стоял на раздаче, официантов

не держал, гости сидели на простых скамьях за длинными столами. «Когда будут кричать лингва, паста, конильо — это наше», — предупредила Лера. Язык подали с хитро приготовленными луковицами, кролика с неопознанной тушёной травой, напоминающей пиканы. На глазах не особо изумлённой публики — здесь в основном столовались студенты пизанского университета — мы, дегустируя блюда, лихо обменивались тарелками, сдабривая ужин красным сухим вином.

Расплатиться за всех Лера намеревалась сама, и широким этим жестом напомнила свою маму. Сильную женщину советской закалки, которая без помощи мужа «подняла» двоих детей, дала им хорошее образование и уверенно вела семейный корабль сквозь все шторма российских девяностых и двухтысячных. Научилась зарабатывать неплохие деньги и с возрастом приобрела довольно высокий «потребительский стандарт», считая «качество жизни» показателем счастья. Подарки для неё Лера всегда выбирала с большим тщанием, ссылаясь на то, что маме с каждым годом всё труднее угодить. С визитом родственников в Италию тоже пока не складывалось: сперва Леру не удовлетворяла съёмная квартира, теперь хотелось подгадать момент, чтобы представить «свой мир» в самом выгодном свете. Когда-нибудь все семейные графики должны были сойтись.

А пока мне нравилось наблюдать, как в Лерином быте эстетические излишества сочетаются со спартанской простотой. Пара джинсов, пара ветровок, комодный ящик, занятый одними шарфами, несколько футболок, несколько юбок, практичная обувь без каблука. Каблуки и короткие выходные платья для особых случаев — оперной музыки, а точнее, оперной страсти. Вот здесь Лере нипочём становились и перелёты по шумным столицам, и суета, и дорогие билеты.

«Мой поход «за Сералем», — писала она ещё из Берлина, на обороте открытки, где Брежнев целуется с Хоннекером, — вот и заканчивается. Опера про фею, которая превращает всех, кто её не любит, в зверушек — Alcina — так и осталась одной из моих любимых, несмотря на то, что исполняла волшебницу прима (бессменная, как выяснилось, уже лет 20) — здешнего феста: 60 лет — 100 кг. По-настоящему же опасными оказались две другие волшебницы, на концерты которых я купила билеты — Gemma Bertagnollie и Vesselina Kasarova, вот начну теперь ездить на все их выступления и не смогу остановиться...»

Ради меццо-сопрано Чечилии Бартоли она могла сорваться на один день в Париж, засунув парадный наряд в рюкзак, чтобы потом сидеть в первом ряду с букетом и надеждой на автограф. Нам с мужем на Новый год Лера тоже подарила два билета в местный театр «Верди» на оперу «Ирис» и концерт барочной музыки. Так мы узнали, что театр в Италии начинается совсем не с вешалки, большинство посетителей сидят в партере в верхней одежде или оставляют её в «предбаннике» театральной ложи, если им достались билеты подешевле, на яруса. Нам повезло, мы оказались за тяжелой бордовой портьерой одни. Разложили фляжку с коньяком и шоколадку на соседнюю банкетку, радостно махали Лере, обосновавшейся двумя «этажами» ниже, и получали кайф не столько от музыки, столько от того, что весь антураж театра и бархатные внутренности зашторенной ложи живо напоминали сцены со стрельбой из «Крёстного отца» (тоже какая-никакая, а вписанность в мировую культуру).

С мессами и светскими мадригалами итальянских композиторов 17 века оказалось сложнее. Во-первых, мы сидели в первом ряду партера и достать у всех на виду фляжку представлялось не комильфо. Во-вторых, невиданные музыкальные инструменты и ажурный, сложный вокал не просто озвучивали просмотренные за время путешествия картины с их золотыми небесами, алыми плащами, прекрасными лицами и бесчисленными мадоннами. Нет! Они пытались перекодировать нас на генном уровне, как сладкоголосые сирены несчастных моряков, пытались заставить забыть о монотонном колокольчике русского ямщика, который плачет над заснеженной равниной. Но он неотступно звенел в самом потаённом уголке наших душ, разнежившихся на итальянском солнце.

– Ты бы хотел остаться здесь навсегда? — спросила я мужа.

– Торговать фальшивым «ролексом» или зонтиками? Можно ещё завести собаку и просить денег на её прокорм…

– А если бы ты знал язык и имел работу?

Муж поёжился, будто пытаясь ещё раз примериться к пространствам, которые предписаны здесь иммигрантам нашего достатка и «неделового» склада характера: строго поделенные между соседями метры двора, выговоры за слишком громкие разговоры на кухне, мусорные баки, запирающиеся на специальные магнитные карты, наши имена на бумажке в клеточку. Приплюсовал свою маму семидесяти восьми лет, отсутствие товарищей, которые, может, и допекают порой на родине, но без которых весёлые кутежи превращаются в одинокое бытовое пьянство.

— Нет, — ответил уверенно, — старые мы уже, только в отпуск, только в отпуск.

А Лера всё-таки начала готовить. В наш второй, зимний приезд. Пасту с сосисками. Причём последние она потрошила, добывая из тонкой кишки начинку, чтобы обжарить на сковороде. Я помалкивала, а муж, как большинство мужчин, плохо понимающих такие сложности, недоумевал — не проще ли сразу купить фарш? Лера в плане алиби показывала ему ролик из интернета. Там потрошили именно такие сосиски. Паста тоже была строго специальной, по-моему, фузилли — спиральки из твёрдых сортов пшеницы. Готовка проходила очень серьёзно, в точном соответствии с видеоинструкциями, мы плотно ужинали, несмотря на поздний час, и хвалили.

За окном кухни, оттеняя края невысоких гор, окружающих Пизу, гас январский закат. К соседке снизу, молодой женщине с ребёнком, пришёл мужчина, и знай мы язык, вполне бы могли понимать, о чём он говорит. Я же думала про то, что фузилли очень похожи на продукцию челябинского комбината «Макфа», а тот, кто готовит пищу для другого, наверняка хочет принести этому другому радость. Ещё важно не просто оделять кого-то своей щедростью, но научиться искренне говорить «спасибо», когда пытаются оделить тебя. И стоит, наверное, написать рассказ или даже маленькую повесть под названием «Кулинарные курсы счастья», где обучение стряпне играло бы роль психотерапевтических сеансов.

Вела бы курсы старушка, очень похожая на Лерину бабушку из Коломны. Но была бы она, разумеется, немного волшебницей и итальянкой, вроде той, с которой Лера познакомилась на концерте скрипичной музыки в Кампосанто на пизанской Площади чудес. Возможно, изображение этой пожилой сеньоры даже бы отыскалось на полустёршихся фресках, украшающих стены знаменитого кладбища. «Триумф смерти», «Страшный суд», «Жизнь отшельников» населял удивительно сильный и красивый народ. Редко где мне доводилось испытать такое торжество жизни, как рассматривая их лица и слушая струнные с фортепиано среди здешних саркофагов. И без того невозможную красоту здания удваивали звуки Баха, Генделя, Вивальди. Сквозь арки открытой галереи хорошо просматривалось, как луна движется от купола Кафедрального собора, отсчитывая тонкие резные колонны. Сеньора бы внимательно оценивала того, кто желает научиться кулинарному искусству, определяла бы про себя его душевный недуг (а все мы немножко больны, чего уж тут), прописывала бы в качестве лечения готовку определённого блюда, кому бифштексы с кровью, кому сложный десерт. А в уме держала бы дозу любви, необходимую для достижения успеха, и по мере возни со стряпней, с тёплой материей жизни, у каждого соприродной именно ему — печаль бы таяла, таяла, таяла.

Виталий Аширов

Над лепетом и ветром

***

Кочуют птицы по губам
Горячих женщин на диванах
И к осторожным их шагам
Тепло прислушивается рана
Оставим птицу на столе
В оцепенении канючем
В бесперебойном хрустале
И оперении колючем
Ночуют птицы на балах
С размахом ветреного принца
Когда какое дело швах
Они сумеют отлучиться
Оставим птицу корчевать
Бездельный ужас рукомясо
Положим лампочку в кровать
Она и так уже без глаза

***

Убитых наповал приветствуют на рынке
Огромные врачи и яблоками глаз
Торгуют — торгаши, торгуя без запинки
Как краснобай враньем разжалобленных
врас

Как лепесток — литьем, подарочек —
пружиной
Вонзается земля (она не шар — игла)
В горячий магазин на улице неглинной
Где властвует аборт и кровоточит мгла

Аборт, мой милый пес, лети без остановки
До остановки той, где грязная игла
И голубая ночь лежит наизготовку
В немой сумятице блестящего стекла

Да, платья лысые и плачущие тоже
Никак не объяснить, что я нагородил
Они водили мной — как бы иглой по коже —
Я перещупал мглу как сотни грязных рыл

Язык не удивлен, ломается молитва
На полпути до дна, и на стихах вода
Обрезана как тень трепещущая бритвой
И в гулкой желтизне стрекочут поезда

Какие поезда? Какие-то такие
Которые, когда направлен разговор
На полпути до дна, они летят лихие
Как в сумерках густых летит с обрыва вор

Оборван, как язык, попавший в мясорубку
Чудовищного сна, пока не надоест
Он выжимает нас как выжимают губку
Ночные поезда летят наперерез

Навстречу жизни той, которая, как эта
Сурьмянится, иглой пронизывает глаз
И вытекает речь, как жир из мертвой кеты
А если нет его — как слизь канючих фраз

И в сумраке ночном взрываются ракеты
Пожалуй, и меня когда-нибудь взорвут
Пожалуй, подождут, покамест есть. Все это
Займет не целый час, а целых пять минут

Я удивлен. Я глаз, разрезанный могилой
Поющий наобум случайные слова
О том, что жизни соль, отравленная —
в жилах
В горячей слепоте любого естества
Отрезанная речь от ломтя дорогого
Я все тебе отдам — и чай и пахлаву
Перебинтуй пока кого-нибудь другого
Увиденного сном канючим наяву

***

и с улыбкой самопальной
громкой смерти проводник
Бог программки рисовальной
вырезает мне язык
и — ни слова об огромной
говорящей высоте
глубине слепой и темной
и придуманной звезде
как же ежится водитель
и в каком кошмаре спит
звезд колючих повредитель
победитель либо кит
и — ни слова. И ни слова
О любимой. Словно сон
Соткан из границы слова.
И вернулся с похорон
Ужас чести, ужас лести
И ворон горячий грай —
Обжигающие вести —
Сна велеречивый рай
Сердце пьяное стучится
В доме тихо и темно
И страница за страницей —
Колыбельное окно
И — ни слова. Словно слово
Солнце, встреча. Все равно
Голос жизни бестолковый
В колыбельное окно
На распахнутом зиянье
В неподвластной тишине
В черно-белом океане
И осточертелом сне
И — ни слова. И — ни слова.
Тишина. Земля молчит.
Дышит ангел бестолковый
Зверь колодезный урчит

***

Результата уже не вернуть.
Разрывают мне впалую грудь
Удалые ростки результата.

Глупо щурясь, выходят на свет
Камень, ножницы и пистолет
Из прозрачной реки пубертата.

Будем, значит, знакомы. Я свет,
Ты ребяческий пистолет.
Умирание — это учеба

Каждый день, каждый час по пятам
Не крадется, а кажется нам,
Что крадется голуба.

Воевали не деды — а смерть
Воевала, в огромную дверь
Пубертата просунуто дуло.

Это значит сквозняк. Это кот
Проскользнул и не запер. А год
Промелькнул и не замер. Со стула,

Улыбаясь, глядит пустота
С голой твердью прозревшего рта.
Умирание славно уснуло.

Я тебе напишу, как умру,
Не письмо, а обнимку. Совру,
Если ты не ответишь в обнимку,

Будто челюсти лязгают там,
Где не смерть, а стремглав по пятам.
Там за нами бегут фотоснимки.

Умирает заснеженный сад,
Ангел щупает пух между. Взгляд
Пробегает, как дьявол по коже.

Потому-то не снятся мне сны,
И не стоит стремиться на ны,
И не стоит обратно в моложе.

***

Как мертвецов холодные гробы
Не избежат бессовестной судьбы
Так я сыграю в очень долгий ящик

И буду долго гнать велосипед
Холодной смерти сквозь червей и бред
Чтоб стать хоть на мгновенье настоящим

Навязчиво, наверное, но бред
И знать не знает про велосипед
Сипит себе прокуренно — о, зрящий

Сквозь сотню лет не видишь ни хрена
Везде тебе судьба и стремена
Судьбы напоминают — настоящий.

***

Когда земля отхлынет, как волна отхлынет
И в полумертвом рту заговорит страница
Забытая в какой-то черной глине
Горячей мгле, как вечности зеница

Увечен тот, кто говорит о рае
В краю горячих скудных новостроек
Кто увлечен самой собой, как реей
И верит в речь, простой урок усвоив

Урок, а что еще бывают урки?
В могильном сраме возишься. Скликают
Своих сестер вертлявые фигурки
Не фигуристки. Нежности хватает

На то, чтоб разум сделать не раздольем
Зато почти что выбытым в граните
Прозрачный мой, мне хорошо на воле
На высоте, зените. Извините

Прозрачности ее невоеводство
Не понимаю, почему об этом
Не музыка — но света превосходство
Над лепетом. Над лепетом и ветром

Ольга Роленгоф

Мальчик и молоко

(рассказ о перевоплощении)

Нине Викторовне Горлановой

— Что ты хочешь на новый год? — спросил муж Марину. Она замялась. Паузы муж не переносил и тут же начал строчить:

— Платье? Хлебопечку? Новую микроволновку?

Новое тело, чуть не ответила Марина. Но удержалась.

Последнее время она все больше предпочитала молчать.

И слушать, что внутри.

Люди вокруг суетились, пытаясь замазать все, что им казалось некрасивым. Обрезали волосы, красили ногти, худели. Избавлялись от наскучивших отношений. Как будто этими нехитрыми действиями можно что-то изменить.

«А что, если мысли тоже обрезать?» — вдруг подумала Марина.

— Ну ты решай давай, а я побежал, — заторопился муж, нашаривая в кармане ключи.

«Или закрасить?»

Обижать мужа не хотелось.

— Пока, пап! — подбежал сынишка, ласкаясь. Папа по-деловому кивнул и бросил Марине:

— Письмо Деду Морозу не забудьте написать!

— Да-да, — уцепилась за протянутую соломинку Марина, — пойдем, Миша, напишем, пока тебе не надо в садик.

— Мам, ты что, веришь в Деда Мороза? — спросил поскучневший мальчик. — В садике все говорят, что его нет… А почему папа опять работает в воскресенье? Вот у Вити папа на лыжах с ними в лес в воскресенье ходит.

Марина посмотрела на сына невидящими глазами и не ответила.

— Садись, я тебе молока налью.

Она встряхнулась и подбодрила его:

— Ты же любишь с шариками, вот, насыпай из банки, сколько влезет.

Но Миша почему-то не хотел много, вяло сыпанул себе на дно тарелки — шоколадные шарики не полностью закрыли плоских улыбающихся пингвинят.

Марина наклонила над тарелкой кувшинчик — и молоко побежало вниз, ударяясь каплями о шоколад — прямо как в рекламе. Миша попробовал и сморщился:

— Мам, молоко какое-то кислое, я не буду…

Марина подняла на Мишу глаза.

— Пей давай.

— Мам, так оно испортилось…

— Ты что, — развеселилась она, — это же скисшее молоко — простокваша!

Она так обрадовалась, что произошло нечто не контролируемое ею в ее собственном доме. Что-то очень хорошее, о чем она сразу догадалась. Как будто бы нагрянули невидимые гости.

И еще догадалась, что приходить они будут по частям.

Но сын, не верящий в Деда Мороза, упирался:

— Убери эту квашу! — хотя уже видно было, что поддался на ее веселье.

— Молоко не портится! — решительно заявила Марина, наблюдая за удивлением Миши. — Оно превращается! Сначала — в простоквашу. Потом — в кефир. Еще постоит — в сметану. А сметана — во что, думаешь? В масло! А масло если потопить, оно десятки лет стоять будет.

— А тысячи будет? — тут же вдохновился Миша. Ему хотелось, чтобы тысячи.

— Тысячи не будет! — еще больше развеселилась Марина. — Потому что оно вкусное и его съедят!

— Ух ты! Хочу потопить масла! — раскинул от полноты чувств руки Миша — и чашка из набора — тоже с пингвинятами — полетела на пол.

То, что беспокоило Марину больше всего в этом новом пластиковом мире, в котором все мы жданно-гаданно оказались — вещи перестали изменяться. Они только умирали, не перевоплощаясь.

Но тут-то процесс оказался снова запущен, и она без сожаления собрала осколки.

Сын приготовился к ругани и заранее сделал испуганные глаза. Марина, не затуманенная гневом, пригляделась и заметила торчащий из него механизм пережидания ее криков.

Марина осталась спокойна. Ну, есть механизм и есть. Вдруг завтра пригодится. Но сейчас-то все пошло не так, как планировалось.

— Знаешь, — обратилась она к запрограммированному сыну, — во что могут превратиться осколки?…

***

Этот день оказался хорош. Они долго наслаждались превращением осколков в мозаику, складывали по-новому, вертели так и этак.

Потом наткнулись блуждающей мыслью на цветочный горшок.

И горшок был одарен мозаикой — от всего их большого одного на двоих сердца.

Жалко было только, что папа в этом превращении не участвовал. Но они, разгоряченные поисками и раздобревшие на находках, милостиво расположили, что и ему на его работе превращения оказались не чужды.

***

Хорошее, как известно, цепляется за хорошее, как и плохое за плохое. Помахав сыну из-за ограды, Марина, вспомнив, вдруг крикнула:

— В шесть заберу! — и вернулась домой. Дома ее обуяла страсть к приборке — и, слов-

но взяв сил и от земли, и от солнца, и от деревьев, со всех сторон окружавших ее дом, она мыла, и чистила, и выметала углы, и оттирала плиту, и даже добралась до плафонов, покрытых пылью, которая, как известно, великий подсказчик.

С плафонов ее взгляд упал на детский столик, и она замерла, скользя глазами по обложке книжки, взятой вчера в библиотеке. Маленький мальчик стоял на берегу реки, заложив руки за спину. Он смотрел прямо перед собой, и Марина точно знала, куда. Она громоздилась на табуретке, поставленной поверх стула, под самым потолком, держа в руках мокрую тряпку, когда нос ее почувствовал запах речной воды. Резко потянуло ногу — Марина наклонилась, чтобы посмотреть, что там — и увидела, что в большой палец впился осколок стекла. Пришлось присесть на песок и подтянуть ногу к себе. Сначала Марина согнула ее назад — но так, вся изогнувшись, она не могла увидеть осколок отчетливо. Тогда она положила ногу на колено левой ноги, согнулась, как часовщик над точным механизмом, и почти клюнула носом свой большой палец. Осколок поддался. Марина удовлетворенно крякнула, плюнула на палец и размазала слюну погуще. Потом села на коленки и принялась сосредоточенно разрывать песок двумя руками. Она копала с таким рвением, что песок закончился и начался слой глины, куда и попал после некоторого размышления осколок цветного стекла. Быстренько забросав ямку, Марина отвернулась к реке и замерла, откинувшись назад и уперевшись руками в мягкую траву.

«Не хочу здесь оставаться, — думала 5-летняя Марина, постукивая кулачками по твердой земле. — Мне обязательно надо уплыть. Я сделаю лодку!» И она принялась чертить на песке какие-то решительные полосы.

В дверь забарабанили. Марина покачнулась на табуретке и чуть не упала. «Тысяча чертей!» — выругалась она и спрыгнула с грохотом всего своего 30-летнего тела на пол.

— Мам, это я, открой! — басил за дверью Миша.

— Ты что, сынок, из садика ушел?

— Вадька меня бил! Я ему тоже врезал!

— А с носом что?

— Это Данил сосулькой стукнул!

Марина достала крем, купленный в их прошлый приезд к бабушке, — собрание нескольких французских трав, составленное известной в тех местах травницей, которая ловко обращается с 50 наименованиями одновременно, и щедро натерла покрасневший уральский нос.

Расстроенный мальчик присел к ней на колени. Уже смеркалось. К вечеру люди становятся совсем нереальными, вот и сидевший у нее на руках человек шести лет казался каким-то мерцающим, словно сквозь него можно было при желании увидеть совсем по-другому устроенные структуры. Марина знала за собой это наваждение. Привычная мысль спокойно расположилась в ее голове, но одно из слов в этом предложении, предложенном ей, как куски хлеба на блюде, оказалось на этот раз больше других по размеру. «Желание» — этот кусок был гораздо больше остальных.

— Марин, собери мне сменку, я через час на вокзал! — отзвонился муж.

— Мам, сказку... — плаксиво-устало попросил Миша.

Марина открыла ту книжку, с мальчиком на обложке. Сердце ее взволнованно забилось.

«Когда я был маленьким, — неторопливо прочла она, — мы вместе с сестрой деда по отцовской линии, тетей Мартиной, мирно жили на краю деревни в маленьком доме, бывшей ферме, одиноко стоявшей среди полей.

Тетя Мартина одевалась старомодно, носила набивные чепцы, платья в складку, на поясе у нее всегда висели серебряные ножницы. Она командовала всеми на свете: людьми, собакой, утками и курами. Меня же она распекала с утра до вечера. Между тем я был тихий, и, наверно, воспитывать меня было легко...»

А там, за поворотом, река. Марина покосилась на сынишку. Уставший Миша заснул мгновенно. Марина встала, положила книжку ничком и с тем же бьющимся сердцем стала собирать в сумку немного одежды для ко-

мандировки. Она не боялась, что забудет, о чем собиралась подумать. В ее голове по-прежнему лежали куски огромных слов на тарелке, они занимали все пространство, и ни одна новая мысль не могла бы туда попасть.

Это произошло три месяца назад.

***

Над дачным домиком вставала полная, яркая, светящаяся Луна.

«Говорят, это корабль пришельцев...» — сказал Миша из кресла. Спать ему не хотелось, и он пытался заболтать родителей, чтобы не отправили в постель.

«Глупости!» — отозвался папа.

«А еще говорят, что Луна всегда повернута одной и той же стороной к нам», — подначила Марина.

«Все спутники планет всегда повернуты к своим планетам одной стороной. Ни с Марса, ни с Юпитера, ни с Сатурна нельзя увидеть обратную сторону их спутников», — внес ясность муж.

«А с другой стороны можно увидеть?» — сообразил Миша.

«В смысле?»

«Ну, если с одной планеты смотреть на спутники другой....»

Разговор увлек всех, и Марина, взбивая подушки, думала благодарно: «Не хочу забывать это мгновение! Не хочу забывать этих близких и дорогих мне людей и наши прекрасные разговоры! Не хочу забывать эту жизнь!» В каком-то необъяснимом порыве она подняла руки к небу и попросила жарко: «Пожалуйста, я хочу помнить! Я хочу, чтобы моя память была всегда со мной!»

Порыв внезапно иссяк, и она замерла, оглушенная произошедшим. Что-то она явно натворила сейчас, но что именно, ей было самой непонятно.

***

Сначала ее стал мучить запах. Откуда-то все время доносился запах жареного мяса. Запах делился на ингредиенты — тут лук, пассированный в сливочном масле, тут сладкий перец, добавленный позже, тут умопомрачительные специи — и тушеная баранина, которая много часов томилась в какой-то высокой конусообразной посудине.

«Душа моя, ты же, вроде, вегетарианка?» — ласково спросил ее муж, когда она в ресторане вдруг заказала мясо в горшочке.

«Не знаю, что со мной происходит», — рассеянно отозвалась Марина, глядя на принесенное блюдо.

Вкус, цвет и запах тушеного мяса был не тот.

Тогда она накупила баночек со специями и принялась добиваться того, прилетевшего на каких-то неведомых ветрах запаха и вкуса.

На форумах она искала рецепты.

Она перебирала, как перчатки, кухни разных стран и народов.

Марина будто бы превратилась в собаку-ищейку, которой дали понюхать улику, но собаку, которая не видела того, кто протягивает ей эту самую улику, и не знает, куда ведет ее запах — к жизни или к смерти.

***

Вслед за запахом стали накатывать волны красок — насыщенные, яркие цвета — полнокрасный, глубокий бордовый, раскаленный песочный.

Городская мэрия чудила и устроила на эспланаде — огромной пустующей площади посреди города — фестиваль разных культур. После прыгания по деревянным чуркам, передвигания гигантских шахматных фигур и пускания пенопластовых кораблей по построенным вкруговую каналам семейство завалилось во времянку ресторана африканской кухни.

Марина утопла в подушках и, перебирая шерстяные кисточки привычным жестом левой руки, заправски пила чай со специями из серебряного стаканчика. Серебряные подносы, запах зеленого кардамона, настоянного в воде, от которого вкус воды становится как будто мягко-молочным, — все это достав-

ляло ей удовольствие, давно забытое. В этот момент она вдруг сказала себе: стоп!

Ее голова разделилась на две — одна повернулась к другой и спросила: что это? Почему тебе тут так привычно? Ответа не было.

***

Потом пришла музыка. Певец на неизученном языке приносил свою высоко взлетающую песню в дар любимому городу. Далекий город, построенный легендарным царем, вот уже больше полутора тысяч лет продолжающий свое круговращательное движение, раскинулся в волнах этого гимна так, будто Марина в нем родилась и выросла, глазея на неподвижных сфинксов. Ей захотелось присоединиться к этому улетающему вверх голосу, потом распластаться по земле, раскинув в стороны руки и ноги, стать знаком звезды, потом вскочить и начать кружиться — сбрасывая с себя слой за слоем пыль, ограниченность и грязь, за века налипшие на этом прекрасном имени.

Песня звучала как прощание, несмотря на то, что она навечно оставалась в твоем сердце.

Эти два чувства — обретение и потеря — как бы спорили между собой и разрывали на части Маринино существо. Как будто с сумасшедшего расстояния неведомая, давно забытая мать тянула к тебе руки, желая прижать тебя к сердцу.

Марина, не зная, как сбросить с себя наваждение, принялась переписывать текст песни. Значки когда-то как будто ведомого языка, ставшего на 30–40 лет родным, казались также желанными, написание их доставляло странное удовольствие, но смысл не возвращался, оказавшись один раз утерянным. Этот язык был частью флакона, который Марина, видимо, по своему желанию вскрыла той ночью, когда она захотела не забывать.

Обладать памятью.

Вспомнить все, что раньше хотелось забыть.

***

Кем она была тогда? И что она так тщательно старалась забыть?

Была ли она преступником, который обязательно, в «конце концов» — во времена, апокалиптические для него, — вернется на место преступления? Или жертвой, которая виновата не меньше, чем преступник, раз уж попала в этот узел хитросплетений?

Она знала теперь, что однажды уже возвращалась туда. В облике писателя-одиночки, чудака-француза, который, получив ранение, не стал лежать на больничной койке, ожидая окончания Первой мировой, а кинулся вдогонку за остатками Александрийской библиотеки. Писателя, который и во времени, и в пространстве переместился, чтобы разгадать самого себя.

Ей уже было знакомо это чувство — напряженного поиска и приближения скорой разгадки.

Но вскоре за нахождением разгадки следует новая загадка — и полной картины так и не удается достичь. Ее опыт подтверждал, что вселенная не голограмма, иначе бы в маленькой части ответа содержался бы весь ответ. Или то пространство, в котором все происходило, уже не работало по законам известной нам вселенной?

***

Иногда, чтобы привести человека к чему-то сохраненному забытому, но которое он силится вспомнить, приходится что-то другое разрушить — если человек развил чувствительность, то разрушений достаточно маленьких — перегоревшая лампочка, упавший на пол стакан. И вот он идет в кладовку за новой лампочкой — и натыкается на альбом с фотографиями или нужную книгу. Поднимает осколки стакана и глазами упирается в напоминающий нечто развод на обоях.

А если чувствительность невысокая, то резких падений не избежать. Но в итоге он все равно найдет ответ. Если спросит.

Екатерина Рубан

В десятке сантиметров над землей

Женщина-сизиф

День уходящий, зачти мне мои труды.
Я замыкаю фигуры стола и стула
В многоугольник любви и тоски.
Еды,
Пищи духовной и пыли, что в дом надуло
Ветром попутным.
Вскипающее шоссе.
Вне отпусков громыхают мосты и рельсы.
Мы погребли тишину. Да и Бог бы с ней.
Музыка мертвых, пролейся живым.
Пролейся.
Жатва грядущая — дымка и купорос —
Ты не сулишь мне ни отдыха, ни ответа.
Петь похвалу урожаю, что не пророс —
Благослови, чтобы завтра я сделал это.
Пусть надо мной ключевой из твоих фигур
Тлеет голубка — дебютное оригами:
Рисовый пепел слетает на абажур —
Дай не поверить, что это случится с нами.
Что это мутное видится вдалеке?
День наступающий. Выход один —
дотронься.
Это не буря. Не пятна на белом солнце.
Это всего-то ржавчина
на зрачке.

Шанти

Оболочки сосисок, пустая жестянка
«Балтики» —
подворотня встречает естественной красотой.
Одолеть зиккурат, демонстрируя траблы
с пластикой,
Заслужить на сегодня не оргию, так покой.

А в покое из тьмы выплывает веселый
боженька,
Выжимает в священный источник гигантский
лайм.
Ты лежишь в гамаке, с обгоревшего носа
кожицу
отдираешь и думаешь: «Вот и настал
прайм-тайм.

Я скажу ему все. И спасибо, и где шаболдался,
старый пень? Видишь, я основательно сбит
с пути».
Но покой разрастается, множится в сердце
логоса,
И становится незачем чувствовать, быть,
нести

чепуху, булку хлеба, надежду и (со) страдание.
И пора отпустить это все, как ненужный груз.
Так логичнее, так сокращается расстояние
между мной и вселенной.
Но близости я боюсь.

Дай неведенья мне. Беспокойному спится
хуже, но
до восторга, психоза пульсирует в теле жизнь.
Мой плутающий бог, возвращайся сегодня
к ужину,
Полумертвый, стареющий.
И за меня держись.

Гуттаперчевые пальцы тоски

Гуттаперчевые пальцы тоски
Запускаю в серебрянку волос
Тощим ангелом встаёшь на мыски
И стоишь как будто к небу прирос
Разливали разговорчивый чай
в тесной комнатке о чем
Ни о чем
Убывала теплота у плеча
Прибывала темнота за плечом
Плыло облако и месяц худой
на цепочке с небосвода свисал
Пили плакали ходили гурьбой
посмотреть на одичалый причал
Пенелопа не ждала одиссей
Не насвистывал сверчок
дурачок
Желтоглазая богиня полей
Отсыпала ей глаза в кулачок
Как кольцо из одуванчика блажь
Как пойдешь рыбачить выловишь ложь
Дал бы голоса да только не дашь
И стоишь как будто к небу идешь
А подснежная земля горяча
Что ты думаешь о чем
Ни о чем
Что ты молишься на холод плеча
Что ты славишь темноту
за плечом

Ма всегда говорит

Ма всегда говорит, что ее недонежил бог.
Повертел, открестился и бросил одну на свете.
Потому она зла, потому подгорел пирог,
потому у нее не такие, как надо, дети.
А вчера оказалось, что Па изменил ей с Тё.
Потому что, наверное, дети…
Пирог невкусный.
Просыпалась в поту, ворошила его пальто,
находила улики, вязала петлю на люстре,
говорила, что бога нет
и вставала на табурет.

Вани, Димы, Алеши по свету бредут одни,
В разной степени все недовольные
трудоднями:
Мол, швыряет нас пачками гнить на краю
земли.
Ма, послушай меня: разве мы не сбегаем
сами?
Не дождавшись печати и подписи высших сил.
Кто там их спросил.

Ма уходит все дальше, и юбки ее блестят,
шелестят крепдешином…
Но юбок она не носит.
Ма уходит без эпики: в двери, а не в закат.
Отворачивает лицо. Провожать не просит.

Кто бы ни был Ты там, да избави нас от потерь.
Я закрываю дверь.

Любовь

Влюблённые вечно склонны глобализировать
Вот у них исчезли материки
Вот у них осталась одна звезда
Только он все равно ее не отдаст
Никому никогда
Не звезду а самку тупее валенка
Впрочем он и сам недалеко ушел
Ее папа купит им трешку в сталинке
И все пойдет хорошо
Сталинки красивые
Еще в пятьдесят втором
Их строили военнопленные немцы
Это мне сказал бородатый экскурсовод
И проглотил хотдог как сожрал младенца
Боль моя куда ты еще спешишь
Кроме как в чужую страну и голову
Там и без тебя прошумел камыш
Износились лапти с подковами
Там своих хватает и жен и муз
И у каждой роли свои преимущества
Вот ты можешь ложечкой черпать арбуз
Хлюпать носом динамить поэта
Мучиться
Пока тебя заживо не предадут молве
Анафеме или недружелюбной почве
Чужеродному танцу не прорасти в земле
Не стать своим среди прочих
Хочется быстрее все это прекратить
Без перерождений взять и повеситься
Только как говаривал вымышленный Петир
Хаос это лестница
Склонность к глобализированию лучше
сменить на иронию
Так вообще не будет понятно кто ты и зачем
пришел

Кафку сменить на прессу
Ван Гога на Иеронима
И все пойдет хорошо
Вот у нас исчезли материки
Океан иссохся до дна
Девочка безликая на камее
Я топчусь под дверью не муза и не жена
и постучать не смею

А хочется идти

Любить тебя, как самое себя,
Спасать тебя от самого себя,
В теории, никто и не обязан.
Плеяды лиц бледнеют, пусть, но не сразу,
плывут, по Альмодовару любя.
Зеленым грибом сотню дней подряд
Взрывается речпортовский снаряд
И воет истеричка-мандолина.
Ни слова не проскальзывает мимо.
Но это, разумей, на первый взгляд.
Так по-сиротски хочется в дома
войти, но растворяются дома.
У всякого есть свойство — растворяться.
Как будто ряд успешных операций
Проводят не врачи, но жизнь сама.
Когда схоронят тело и уйдут,
В заброшенном и маленьком саду
Не шелохнется трепетная птица.
И ничего на свете не случится.
Как если бы пастух дудел в дуду,
Но замечтался вдруг о горстке слив
И временем исполненный мотив
Забыл и на ходу придумал новый.
Мы слышали, в начале было слово.
Но здесь нет слов, и бог нетороплив.
Торопятся лишь пташки по весне
Настроить гнёзд на каменной стене,
Чтоб возродился старый элеватор.
Как жаль, что мне и небо — не куратор,
Как пусто оттого, что хода нет.
А хочется идти к себе домой,
Благодарить дорогу, милый мой,
За все, что было с нами и не с нами,
И крепко землю чувствовать ногами
В десятке сантиметров над землей.

Не положено

О чем бы небо зиму ни просило —
Она придет, она свое возьмет,
И с криком «два дебила — это сила»
Отныне мы не выскочим на лед,
Родные, дальновидные едва ли,
Счастливые, как много лет назад.
Похолодела ночь — твоя, моя ли…

Но люди о таком не говорят.
О том, что на чужбине много пыли,
Что пресно — целоваться на бегу.
О том, что я и ты когда-то были
В лохматом или надцатом году.
Теперь мы каждый день даем концерты,
Бессилие обуздывая льдом.
Зачем нас фасовали по конвертам
и слали, уповая, что дойдем?

Знай: ты и я бессмертны, мы все можем:
Быть звездами катка и быть никем.
И если яркий колер не положен,
Зачем кровит бессонница, зачем
колышется левкой скрипучих ставен
и время поворачивает вспять?

...Дитя Франтишек любит хулиганить.
Дитя Франтишек любит рисовать.

* Франтишек — герой сказки Милоша Мацуорека, морозец, который рисовал на окнах не белые, а цветные узоры.

Валерий Шергин

Правила

ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Ты сейчас с бабами?
МАРК. Что?!
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Ничего! Ты сейчас со своими бабами?
МАРК. Что, прости?!! С какими бабами?!! Про что ты?!
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Просто скажи — ты сейчас не один? Ты дома, со своими…
МАРК. С какими — «со своими», Лиза? Да, я дома… только что вот зашел, ботинки снять не успел, и ты звонишь…
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Зашел с бабами?
МАРК. Так! Лиза, мы вообще-то обсуждали, нет? И к тому же ты от меня ушла! И сейчас задавать такие вопросы… Какое тебе дело, с кем я и что?!
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Да нет мне никакого дела, Марк! Ты с бабами сейчас?! Скажи!
МАРК. Бред… Слушай. Иди-ка ты вообще на…
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Нет… Не бросай трубку, Марк!
МАРК. Ага. И с какого мне этого не делать?
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. С такого, что я еду сейчас к тебе. Еду на папиной машине. А в машине у меня лежит пацан, которого я сбила.

МАРК. Что?!! Как сбила?!
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Потом расскажу! А сейчас… Я не знаю, что с ним делать, но он, вроде, еще даже живой. И даже дышит.
МАРК. Лиза, твою-то мать, ну какого… Что за пацан: ребёнок или взрослый?
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Увидишь! Не маленький… примерно как я… Короче! Папа не знает, что я взяла его тачку, потому что я взяла её без спросу. Потому что папа мой, как ты знаешь, — козел. И он бы никогда мне её не дал. А мне было нужно…
МАРК. Что тебе было нужно?! Зачем ты это…
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Так вот, и если он узнает, что я её взяла, то мне капзда! А если узнает про пацана, то мне капзда-капзда. А если даже просто кто-то узнает про пацана, то мне всё равно капзда. Поэтому мне нужна… я не знаю, че делать!
МАРК. Всегда с тобой какая-то херобора! Почему «скорую» не вызвала?! Или сама отвези в больницу…
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Ты тупой? Я оставлю пацана у тебя, верну папину машину на место, а потом я вернусь к тебе и решу, что дальше делать с пацаном. У тебя есть лопаты, кстати?
МАРК. Ты издеваешься?
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Нет, я просто соскучилась, не звонила месяц, а сейчас подумала, дай позвоню Марку, пошучу удачно. Конечно, я, блин, издеваюсь!
МАРК. Так… Подожди… Тебя видел кто-нибудь? Что ты пацана этого…
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Да. Бездомный видел… У баков стоял. Но он ниче не скажет. Он немой. Я ему еще денег дала, чтоб он мне его в машину закинул. Теперь воняет в салоне. Папа учует, убьет…
МАРК. А за пацана не убьёт?!!
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Пацана он не увидит! Не тупи, я же к тебе еду…
МАРК. И почему я должен тебе помогать?
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Да не надо мне от тебя помощи… Я бы не звонила даже. Но только вот в пятницу я прочитала твое сообщение, где ты просил вернуться к тебе. А когда мы последний раз виделись, ты сказал, что я могу обращаться к тебе за любой помощью. Но ты тоже козёл, и я знаю, что ты водишь к себе всяких баб. И если ты сейчас со своими бабами там, то они увидят меня и этого пацана. А мне это, как ты понимаешь, нихерашеньки не нужно.
МАРК. Прекрати! Не вожу я никаких баб!
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Да все я знаю… Кристина и Милана! Но сейчас мне на это плевать! Мне надо решить проблему. Поэтому ответь: ты сейчас со своими бабами?
МАРК. Нет. Я дома один. Вот только пришел… Слушай, я уже говорил, Кристина и Милана — это пациентки…
ГОЛОС ЛИЗЫ ПО ТЕЛЕФОНУ. Тогда отлично. Выходи. Я уже почти подъехала. Поможешь вытащить пацана.
МАРК. Уже?! Алло? Аллёоу…

С улицы слышен визг тормозов.
Марк убирает телефон, подходит к своему окну, отодвигает занавеску. Смотрит на улицу.

МАРК. Твою ж мать! *(Быстро идет к входной двери, открывает её и выходит.)* Лиза!..

Лампы синего и красного цвета, кушетка, диван, кресло, книги, ноутбук на прикроватном столике, торчащие из розетки зарядки для телефонов, коробки с остатками еды, скомканные бумажные салфетки, кружки, ложки, две мягкие игрушки. Все это — квартира Марка.

Действующие лица

МЕЛКИЙ (Мельников) 9 класс
ЛИЗА 11 класс
МАРК
ДРАМЧИК (Аврелий)
АЛЕВТИНА АНАТОЛЬЕВНА (Директор школы)
АЛЬБЕРТ (Бандит из 90-х)
СЕРГЕЙ (Коммерсант из 90-х)
ЖЕНЯ (Жена коммерсанта из 90-х)
КЛЮВДИЯ (Руководитель театрального кружка)
БОМЖ
ПОЛИЦЕЙСКИЙ
НАПАРНИК
И др.

Картина первая

Кабинет директора в обычной российской школе. В такой же школе, как и все остальные, где сдают каждый год «на окна», где на входе стоят турникеты и сидят охранники, школа, по которой бегают пацаны в пиджаках «на вырост», где в шкафчиках хранят «сменку» и сигареты. Где старые учителя еще с «совка», а молодые педагоги весьма прогрессивные и сидят в «одноклассниках», где все плохо с компьютерным классом, зато у школы есть свой сайт и система электронных дневников.

МЕЛКИЙ. Я не в курсах, Алевтина Анатольевна, про что Вы.
ДИРЕКТОР. Не в «курсах»?!
МЕЛКИЙ. Нет. Я же говорю Вам…
ДИРЕКТОР. «Что» ты говоришь?!
МЕЛКИЙ. Говорю — не в курсах вообще… про что Вы.
ДИРЕКТОР. То есть — ты не в курсе, почему я тебя вызвала?
МЕЛКИЙ. Нет. Вы всегда вызываете, а я не знаю за что… Ну, пока иду к Вам… не знаю.
ДИРЕКТОР. Так если ты не в курсе, Мельников, почему ты говоришь «не в курсах»? Что за слово такое? «Курсах» он! Почему вот надо вечно все коверкать-то, а? Или у вас это тоже — «свобода слова» в коверканье русского языка входит?
МЕЛКИЙ. Да нет… Просто так говорят…
ДИРЕКТОР. Революционер сидит тут. Знаешь, если вы за все лучшее боретесь, то хотя бы русский язык-то любите, пожалуйста.
МЕЛКИЙ. Я люблю русский язык.
ДИРЕКТОР. Так, ладно… Расскажи мне, какого ты черта делал опять на площади?
МЕЛКИЙ. А, вы меня из-за этого… Да ничего. Так… Постоял… Смотрел, что происходит.
ДИРЕКТОР. Ага… И больше ничего не делал? Мельников, ты хоть за свои поступки научись отвечать уже. В девятом классе учишься. На митинги вон ходишь. В автозаках катаешься. А отвечать за поступки боишься! Все вы только там, в толпе, такие смелые? В автозаках фотографии делаете, а в кабинет директора пришел, и посмотрите, какой вежливый, добрый мальчик. Ничего он на улице не делал. Просто смотрел стоял. Ага…
МЕЛКИЙ. Я правда ничего такого!
ДИРЕКТОР. А ты умнее меня себя считаешь, Мельников? Я, по-твоему, уже старая тетка и ничего не понимаю. Телевизор не смотрю, что в интернете творится, не знаю… Так?

Страницы учеников не вижу. Думаешь, если ты на странице подписан как little killer mode, то я по фотографиям не пойму, что это ты?

МЕЛКИЙ. Да это просто так.

ДИРЕКТОР. Маленький убийца режима. Ты, Мельников, совсем что ли? Что у тебя в голове за каша?! Скажи — ты фашист? Скинхед, может быть?

МЕЛКИЙ. Да нет. Я просто хочу, чтоб у нас в стране порядок был. Против коррупции и чиновничьего беспредела.

ДИРЕКТОР. А против национального меньшинства не выступаешь?

МЕЛКИЙ. Нет, Алевтина Анатольевна, я ничего такого не делаю. Я просто борюсь за свои права. Выражаю протест власти.

ДИРЕКТОР. Чтобы моя пенсия выросла, да? Ты, то есть так, еще и обо мне печешься? А то что я от твоих походов могу и вовсе не дожить до нее, об этом ты не думаешь? Что головой мотаешь? Не думаешь? А это что тогда, скажи мне, такое? *(Читает с монитора компьютера.)* Дорогие друзья, власть оборзела уже вконец… так, это пропускаем… Вот! «Не сидите дома, выходите на улицу, устроим факельное шествие, покажем этой власти, что нас много!» Что ты на это скажешь? Ходил?

МЕЛКИЙ. Скажу, что это правда так. Вы видели в интернете ролик про…

ДИРЕКТОР. Ты знаешь, кто проводил факельное шествие в 37 году. Знаешь, кто так делал? Ты понимаешь, чем это грозит всем? А если вы себя подожжете еще?

МЕЛКИЙ. Мы не поджигали ничего!

ДИРЕКТОР. А что вы делали?

МЕЛКИЙ. Мы просто вот так делали… *(Поднимает вверх руку с вытянутым средним пальцем.)* …и так гуляли по площади.

ДИРЕКТОР. *(Смотрит на руку).* И что это значит?

МЕЛКИЙ. Факельное шествие, Алевтина Анатольевна.

ДИРЕКТОР. Придурки вы все, Мельников. Если б родителей твоих не знала, давно бы уже исключила из школы… Я все понимаю… Бабушка умерла, и ситуация в семье такая… Не знаю, как мать твоя справляется с этим… Но взрослеть-то уже пора. Может, хватит уже таким быть и ерундой заниматься! Смотри, если не исправишься, в 10 класс не возьму. Давай договоримся, что это было в последний раз. Хорошо?

МЕЛКИЙ. Нет.

ДИРЕКТОР. Что?!!

МЕЛКИЙ. Я сказал — нет. Вы не имеете права говорить мне, что делать вне образовательного учреждения. По Конституции я вправе сам выбирать, как хочу жить. И вправе сам выбирать, как изъявлять свою волю. У меня свой выбор. И Вы не вправе за меня решать. Я на площади никого не трогаю. Это мирные митинги…

ДИРЕКТОР. Извини, перебью, скажи, а что ты хочешь-то этим добиться? Ты понимаешь, что все это наши враги спонсируют? Что это провокации. Что наш народ хотят рассорить! Хотите, чтоб было как у соседей?

МЕЛКИЙ. Вы так говорите, потому что сами не были там. Там умные люди всегда. Свободные… Смотришь на всех, а на лицах улыбки и лица светлые. Они не боятся, как все, вот так в кабинетах сидеть и отмалчиваться.

ДИРЕКТОР. И о чем я, по-твоему, молчу?

МЕЛКИЙ. О том, что плевать Вам на нас… Методички приходят или указания сверху, вы и исполняете. Потом отчеты пишете. Вам проблемы учеников своих не важны…

ДИРЕКТОР. Так… ты это…

МЕЛКИЙ. Меня в 7 классе Устюжанин доставал… После уроков поджидал… А я сделать ниче не мог… А когда сдачи давал, нас к вам отправляли, и оба виноваты были. Он лез, а виноваты оба. Я учиться просто хотел, а сам просто в школу приходил и прятался от него, чтоб на глаза не попадаться… А меня еще за двойки вызывали к Вам…

ДИРЕКТОР. Ты почему не говорил? Если у тебя такие проблемы были, я бы всегда тебя выслушала…
МЕЛКИЙ. Да говорил я Вам. Просто не помните Вы… Вам просто не до этого. И сейчас меня вызвали только потому, что я в автозаке был и Вам сверху ата-та сделали. Вы хотите, чтоб я просто учился и не рыпался, план по успеваемости не срывал. Только если мы все тихо сидеть и молчать будем, Вам все равно денег не дадут, да Вы и не ради того, чтоб дали, а чтобы не забрали, рубитесь. И знаете че?
ДИРЕКТОР. Что?
МЕЛКИЙ. Не думаю я, что это какие-то враги страну до такого довели… Но если мы молчать дальше будем, то я… Я не в курсах, Алевтина Анатольевна, че с нами дальше будет.
ДИРЕКТОР. Все сказал? Выговорился?
МЕЛКИЙ. Сами спросили, я ответил.
ДИРЕКТОР. Вот что, раз ты у нас такой умный… революционер… Не понимаешь по-нормальному, придётся отцу звонить.
МЕЛКИЙ. Ему зачем? Я с мамой живу!
ДИРЕКТОР. Что ж… Скоро увидишься с отцом. Свободен! Иди, Мельников…

Картина вторая

Квартира Марка. Светят лампы синего и красного цвета, кушетка, диван, кресло, книги, ноутбук на прикроватном столике. Марк лежит на кушетке.

МАРК. Не верю, что это опять со мной происходит… Фак! Сука… Да как так, а… Как так?
ДРАМЧИК. Да успокойся ты… *(Улыбается.)* Это ж просто телка.
МАРК. Это — Лиза! Это не просто телка…
ДРАМЧИК. Ах-ха-а… В прошлый раз была — Настя? Ща Лиза, потом Саша…
МАРК. Че за Саша?
ДРАМЧИК. Я не знаю… Такая же, как все, необычная, прекрасная, которая та самая и неповторимая… шлюха.
МАРК. Да хер ли ты угораешь?! Мне хреново, понимаешь? Эта херня происходит — со мной!
ДРАМЧИК. Джельк, чувак… тебе поможет джельк.
МАРК. Это че?
ДРАМЧИК. Это — джельк. Методика увеличения члена, круче твоей психологии. Че, не слышал? Ты че, у пацанов только и разговоры, что про джельк. За год занятий джельком увеличивают свой хер на 10 сантиметров… И это в толщину, чувак. Это в толщину!
МАРК. У меня все нормально с этим.
ДРАМЧИК. У тебя все нормально с этим, конечно… Поэтому ты ноешь сидишь здесь и скулишь о своей Кристине…
МАРК. Я о Лизе так-то!
ДРАМЧИК. А прикинь, годик джелька, член в длину 30 сантиметров, в толщину 15… Вот такой *(показывает),* вот такой хер! И это в спокойном состоянии! А если встанет, то… *(разводит руки в сторону.)* Тебя бы никто не кинул! Суть уловил?
МАРК. Сука, Аврелий, почему тебе так на все похер? Ты реально бездушный… У меня тут такое дерьмо. Ты даже выслушать не можешь. Поговорить, пообщаться. Может, это все. Все… Конец… Карьере моей конец. Полный крах. После такого дерьма и жить незачем.
ДРАМЧИК. О, мне еще раз это выслушать? Ноешь и ноешь, как тебя кинули. Спрашиваешь, че делать… Так я же отвечаю! Только ты не слушаешь.

МАРК. Ты фигню несешь.
ДРАМЧИК. Я просто говорю не то, что тебе хочется услышать. А джельк тема…
МАРК. Ты сам-то его делал?
ДРАМЧИК. Мне-то зачем? У меня все нормально с этим.
МАРК. Да конечно…
ДРАМЧИК. Че? Хочешь покажу? Давай? Я не обломаюсь…
МАРК. Вот ты говоришь, что с ней как со всеми… А там не так все. Это, короче, вот как… Ты думаешь об одном, а все на самом деле другое. А я-то прям не верил. Я думал, я все про нее знаю. Знаю про неё, как про всех. А она… просто вот, вот так меня развела, короче. Я облажался с ней. Я ей помочь хотел. Отгородить от дерьма всего этого. А в итоге я сам это дерьмо… Вот на хера это все ей было? Говорит: я врала, чтобы понравиться. Сама с собой поспорила, что разведёт меня. А она и так — нравилась. Че за бред, сука, че у неё за бред в башке?
ДРАМЧИК. Ты заколебал. Реально… Ты утомляешь. Тебя че, первый раз развели?
МАРК. Так че делать-то? Что с этим миром не так?! Я вот думаю, походу, что весь мир такой. И если он такой, то в жопу его.
ДРАМЧИК. Всё, значит? Ты уже решил всё?
МАРК. Что решил?
ДРАМЧИК. Как уходить будешь? Красиво или по-тихому? Че там по плану? Удалишь страницу, выключишь телефон… Или в качалку пойдешь. Собой займешься…
МАРК. Не… думаю, надо как-то быстро. По-настоящему. С крыши или под поезд.
ДРАМЧИК. Посмотрите-ка, кто это у нас тут смелый, перестал бояться смерти.
МАРК. Глупо бояться того, что неизбежно и естественно…
ДРАМЧИК. Что, серьёзно?
МАРК. Да нет. Конечно, я боюсь. Даже очень. Но это чувство страха можно перебороть. Заглушить… Я позвал тебя, чтоб ты мне помог в этом.
ДРАМЧИК. …И когда случится это с тобой, тебя встретит демон и скажет, что это — все. Ты все поймешь, но испугаешься в этом… признаться. Ибо признать «это» — самое страшное.
МАРК. Чего? Ты меня слышишь вообще?
ДРАМЧИК. А ты себя слышишь? Ты хоть понимаешь, о чем ты просишь? Какой же ты дебил, Марк… Какой же ты — дебил! Ты же не понимаешь, как этот мир устроен! Ты ничего не знаешь… Лечишь людей и думаешь, что до хера познал.
МАРК. Ты никогда никого не любил. Тебе легче.
ДРАМЧИК. Ты не всё про меня знаешь… Короче. Давай выведем тебя из этого мира. Смотри… Сегодня тебе несказанно повезло, и у меня есть это.

Аврелий кладёт на стол конфеты. Одна красная. Одна синяя.

МАРК. Это что?
ДРАМЧИК. Твой выход из этого мира. *(Улыбается.)* Выбирай… Одна унесёт тебя в космос, вторая не унесёт… И ты об этом забудешь. Че там было в кино, не помню… Давай выбирай.
МАРК. Наркота какая-то? Я не буду. Я к такому плохо отношусь.
ДРАМЧИК. Претит тебе, я знаю. Выбирай… Красная или синяя. А может, синяя? Или красная?
МАРК. Да че это, можешь сказать?
ДРАМЧИК. Я сказал уже. Бери!
МАРК. По-нормальному скажи.
ДРАМЧИК. По-нормальному сказал. Не ссы, сегодня твой день. Проснёшься новым человеком. Если повезёт. Ну?
МАРК. А если не повезёт?

ДРАМЧИК. Никогда не проснёшься больше. Ты же всё равно хотел, быстро и по-настоящему.
МАРК. Я могу подумать? Че, вот так сразу, прямо сейчас? А алкоголь то что пьём, это никак не скажется?
ДРАМЧИК. Да, не скажется… нормально, с этим можно. Красная? Синяя?
МАРК. Я думаю…
ДРАМЧИК. Пока ты думаешь, твою Лизу кто-то трахает. Прямо сейчас трахает. А ты ниче с этим сделать не можешь. А её трахают. А ты сидишь здесь. А её трахают. А ты здесь… Выбираешь красную или синюю… И твой выбор пал, на-а-а-а-а…
МАРК. Сука ты, Аврелий. Давай синюю…

Марк кладет в рот конфету.

МАРК. Это запивать надо?
ДРАМЧИК. Хочешь запивай, хочешь просто соси. Рассасывай.
МАРК. И че будет? Мне завтра так-то на работу.
ДРАМЧИК. Так успеешь че. Огонь всё будет. Может, завтра уже уволишься даже…
МАРК. Чтоб быть как ты? Ни хера не делать, писать свои опусы. Ты вообще как живёшь, я не понимаю. Как тебе платят еще за это?
ДРАМЧИК. Скоро поймёшь.

Аврелий забирает красную конфету и также кладет ее в рот.

МАРК. Урод, ты че мне дал? Это просто конфеты? Ты развел меня что ли?
ДРАМЧИК. Давай допивай, короче, и погнали… Люблю твою кушетку!
МАРК. А че будет-то, а? Че будет?
ДРАМЧИК. Погнали, погнали…

Картина третья

Небольшая подсобка в актовом зале той самой обычной школы. На стенах пожелтевшие афиши, нарисованные от руки на обычных ватманах. Пара дощечек с надписями: «Диплом», «Грамота», «Участникам», «Награждается», прибиты в ряд на ржавые гвозди. Парта, офисное кресло, скамейка и шкафчик с реквизитом. В принципе, все. А что еще нужно руководителю школьного театрального кружка?

КЛЮВДИЯ. *(Входит в кабинет, открывая дверь ключом)*. Разве что — денег ещё, а так у нас всё нормально. Проходите давайте, проходите…

Вслед за Клювдией входят Мелкий, Лиза и (вы не поверите!) Аврелий.

КЛЮВДИЯ. Вот, знакомьтесь, это Лиза, Мельников, а это… как вас звать-то? Валерий?
ДРАМЧИК. Аврелий.
КЛЮВДИЯ. Имя-то какое, ненашенское.
ДРАМЧИК. Родители философы были… по жизни. Решили повыделываться. С тех пор тащу сей крест.
КЛЮВДИЯ. Философы? Настоящие? Известные что ли?
ДРАМЧИК. Вторая легенда гласит, что в загсе бухой отец не смог выговорить «Валерий», и типа так и осталось… А вас почему Клювдией зовут? По коридору шли, я слышал, как вас все — «Клювдия, Клювдия».

КЛЮВДИЯ. Так это так… При школе скаутский отряд был раньше. Я руководила. А у скаутов имена лесные. У меня вот такое. Прижилось, не обижаюсь. Даже нравится. Я же человек простой…
ДРАМЧИК. …широкой души, типа. А это те самые? Бонни и Клайд, как Сид и Нэнси, только Бонни и Клайд. Ну, привет, ребятки.
ЛИЗА. А че делать надо?
КЛЮВДИЯ. Это писатель к нам пришел. Ему рассказали про вас. Он про вас напишет что-нибудь… Я так поняла, что-то совместное с нашим театром будет? Вам Алевтина Анатольевна звонила?
ДРАМЧИК. Она. Просила зайти вот… Интересные ребятки, говорят, вы.
ЛИЗА. Кто говорит?
ДРАМЧИК. Говорят… Марк. Помнишь ещё такого?
ЛИЗА. Так, всё, я пошла… *(выходит.)*
КЛЮВДИЯ. Кропачева? А ну вернись!
ЛИЗА. *(Из-за дверей).* Да у рок у меня еще, идти, правда, надо!
КЛЮВДИЯ. У тебя, Мельников, тоже урок? Пойдёшь?
МЕЛКИЙ. Не знаю. А можно не идти?
ДРАМЧИК. А кто такой Марк, знаешь?
МЕЛКИЙ. Знаю, да…
ДРАМЧИК. Ты с Лизой хорошо общаешься? Скажи ей, что там ниче такого от вас не надо. Я так понял, ты сам просил придумать что-то. Я просто интервью возьму. Если получится, замутим у вас что-нибудь. Перформанс, спектакль. Короткометражку снимем. Понял? Свои идеи если есть — расскажешь. А нет, так я помогу, придумаем чего-нибудь.
МЕЛКИЙ. Забавно. Не знаю, согласится она, нет…
ДРАМЧИК. А ты не против, значит? Тогда давай время, там, обговорим позже. Лизе объяснишь всё, и там спишемся, да?
МЕЛКИЙ. Ок.
КЛЮВДИЯ. Тогда он свободен сейчас? Не нужен вам? Мельников, иди в класс тогда.
МЕЛКИЙ. Ладно. До свидания.
ДРАМЧИК. Пока-пока. Увидимся…

Мелкий выходит из кабинета. Аврелий прикрывает дверь.

КЛЮВДИЯ. Так-то парень хороший, толковый. Говорят, что коммунист. Раньше на митинги ходил, а теперь вот Сталина защищает. А Лиза та еще… сказала бы я «кто», но я учительница. Мне такое нельзя вслух.
ДРАМЧИК. Не говорите… Про своё рассказывайте че-нить.
КЛЮВДИЯ. Ой, а я рассказывать так просто не умею. Если, конечно, никуда не торопитесь, то посижу… расскажу… У нас так-то хороший коллектив. Мы даже Шварца ставили. «Дракон». Слышали, наверно? Кино такое было. Так вот, кино по пьесе Шварца. Знаменитая такая вещь достаточно.
ДРАМЧИК. Ага, слышал.
КЛЮВДИЯ. А вы как о них узнали? Про Лизу с Мельниковым?
ДРАМЧИК. Интернет.
КЛЮВДИЯ. Ого! И там засветились. Ясно… Ладно, вы извините, к нам не каждый день такие люди приходят.
ДРАМЧИК. Какие такие?
КЛЮВДИЯ. Такие вот! Писатели, известные, как вы.
ДРАМЧИК. Да обычные мы. Пустое, как говорится. Полноте вам. Расслабьтесь.
КЛЮВДИЯ. Ой, давайте все-таки… *(Открывает шкаф, достает из него бутылку и ставит её на стол.)* …вот так поговорим. А то я не могу так просто вот…
ДРАМЧИК. О, это уже интереснее! Что это за напиток?

КЛЮВДИЯ. Водка… Ой! Вы, наверное, такое не пьёте, да?
ДРАМЧИК. Да что вы! Мы и не такое пьём! Ставьте, ставьте, не стесняйтесь… Правда, я считал, что учителя на рабочем месте не пьют.
КЛЮВДИЯ. В рабочее время нет, конечно, что вы.
ДРАМЧИК. Так, а сейчас, вроде бы, ещё уроки.
КЛЮВДИЯ. Вообще-то — последний урок… У первой смены…
ДРАМЧИК. Ладно че… давайте. Разливать? Или вы сами?
КЛЮВДИЯ. Подождите ещё… Сейчас-сейчас… Сейчас будет.
ДРАМЧИК. Что?

Раздается школьный звонок.

КЛЮВДИЯ. Всё, урок кончился. Я сама налью.

Картина четвертая

Квартира Марка. Светят лампы синего и красного цвета, кушетка, диван, кресло, книги, ноутбук на прикроватном столике, идеальная чистота.

ЛИЗА. *(Лежит на кушетке).* Как появилась мечта? Я вообще не знаю… Как появляются мечты обычно. Ну и капец вопросы. Мечта она просто… просто появляется, и все. Захотелось чего-то сильно, и ты уже мечтаешь… А эта мечта как появилась… Просто. Просто как-то… Мелкой еще совсем была, и мы с ним куда-то поехали в автосалон выбирать машину новую. Вот он поехал и меня с собой взял… «Поехали, Лизун, машинки посмотрим». Всегда меня так называл, а я бесилась, мне не нравилось. Лизун — это же противное что-то, слизкое… бу-э… фу-у-у! Как он меня мог так называть?! Я тогда еще толстенькая была…
МАРК. Жирная?
ЛИЗА. Сами вы жирный! Толстенькая! Пухленькая девочка… И очкастая. Всё время линзы просила, но я же мелкая, мне нельзя было.
МАРК. И что там с автосалоном?
ЛИЗА. Прикольно было бы так линзы надевать мелкой. Хотя то что очки носила, зрение исправилось. Теперь у меня идеально все.
МАРК. И похудела тоже.
ЛИЗА. Из-за очков типа? Ха-х… Ну да, ну да… Похудела… Пить столько, сколько мы… Не так похудеешь еще. И вот че, короче, в салон пригнали мы с ним. И я такая хожу там, машины смотрю… А они все такие одинаковые. И я ходила-ходила, ну, прикольно там все так… А потом, как сейчас помню, выхожу, а там мотоцикл стоит. Такой настоящий…
МАРК. Харлей типа?
ЛИЗА. Да! А какие еще бывают?
МАРК. Спортивные. Эндуро. Кроссы. Чопперы. Бобберы.
ЛИЗА. Сам вы — Боббер. Это же байки… А мотоцикл только один.
МАРК. Урал, Юпитер… Так-то тоже мотоциклы.
ЛИЗА. Сами и ездите на таких. Вам на такой как раз хватит заработать.
МАРК. Да хватит, хватит… И еще коляску взять, хватит. И что там дальше?
ЛИЗА. Это крутой мотоцикл был. Я бы тогда на него села и уехала бы. Или чтоб меня кто-то увёз… Ну, и я мелкая же, че, полезла на него, конечно… хотела сесть… И тут он подходит. И говорит: «Че, Лизунчик, крутая вещь, да? Мощь?» Я такая: «Мощь!» А он такой: «Дэ-а-а…» Только он его не купил. Сказал, что у нас нет столько денег. И мама не разрешит.

МАРК. Мотоцикл — это мечта?
ЛИЗА. Вы бы глаза его видели… Видели бы, как он смотрел… Мотоцикл! Нет, конечно, я бы взяла себе такой, но это не мечта.
МАРК. Чего рассказываешь тогда.
ЛИЗА. Мечта — это… Я бы хотела крутой стать, чтобы денег столько было, чтобы могла купить такой мотоцикл… И короче… Чтобы приехала к нему, молча ключи отдала и сказала ему — теперь он твой, папочка. И уйти… и ничего не слушать. Просто уйти… Что молчишь?
МАРК. Ничего. Просто… тебя слушаю…
ЛИЗА. Понятно.
МАРК. Правда думаешь, что станешь такой? Что прославишься, денег заработаешь, уедешь в закат и всё это сделаешь — сама?
ЛИЗА. Так и будет.
МАРК. Не хочу тебя расстраивать, Лиза. Мечта у тебя красивая, но так это не работает. По крайней мере не так быстро, как ты этого хочешь.
ЛИЗА. Да вам откуда знать?
МАРК. Чем ты будешь зарабатывать? Как? Без образования, без помощи родителей…
ЛИЗА. Дреды буду плести. Татуировки бить.
МАРК. И травой банчить?
ЛИЗА. Что?!! Серьёзно?!! Вот так вы думаете про…
МАРК. Я ничего не думаю… Хочу, чтоб ты посмотрела на это с другой стороны. Твоя проблема не в родителях. Не в папе. Твои родители такие же обычные родители, как у многих.
ЛИЗА. Мой папа — козёл.
МАРК. Послушай. У тебя красивая мечта, правда. Подарить папе, крутому авторитету из 90-х, то, что он никогда бы сам не купил. Так почему не пойти простым путём? Дай ему то, что он хочет! Бери у него то, что он даёт: образование, деньги, помощь, заботу. Пользуйся! И за это дай ему спокойствие — учись, не уходи из дома, не бухай, не шляйся с мужиками. Договорись с ним. Пройди это! Заработай на мотоцикл, и потом, когда подаришь его…
ЛИЗА. Нет, блин! Все вообще не так!
МАРК. А как?
ЛИЗА. Не важно. Не так.
МАРК. Не так? Ну, скажи тогда, как, если не так… То как?
ЛИЗА. Вы ниче не понимаете! Я не мотоцикл хочу подарить! Это не мечта!
МАРК. Тогда что? Ты сама рассказываешь, что…
ЛИЗА. Да я хочу сама! Без него! Мечта в том, чтобы я сама!
МАРК. Сама… Сама ты купишь его лет через 20. Это если честно работать. Ну если не честно, то, может, чуть раньше.
ЛИЗА. Марк… Я спросить хочу.
МАРК. Да. Спроси…
ЛИЗА. Я вам нравлюсь?
МАРК. В плане?
ЛИЗА. Скажи, Марк, я тебе нравлюсь? Я красивая?
МАРК. Так. Вообще-то я… Давай сделаем паузу, я поставлю чай и продолжим.
ЛИЗА. *(Поднимается).* Не хочу…
МАРК. Не хочешь, ладно. Зато я… Эй, ты чего? Обиделась? Почему ты встала?
ЛИЗА. Ничего. Просто… *(Пауза.)* Носки снять хочу… И штаны… И трусы…

Лиза раздевается.
Свет гаснет.

Картина пятая

1995 год… Мир эпохи видеокассет. И все, что мы видим, выглядит как на затертой видеопленке. Большая просторная комната в частном доме. Пустые коробки от импортной электроники с напичканным бытовым хламом, стоят в разных углах. А пустые жестяные банки из-под пива стоят на полках как украшение и имитация достатка. В комнате Сергей и его молодая жена Женя. Перекладывают коробки из одной кучи в другую.

СЕРГЕЙ. Вот смотри… Купил на одной фабрике… На, прочитай, что написано…

Женя берёт в руки кроссовок, читает лейбл на язычке.

ЖЕНА. «СапКоо»?
СЕРГЕЙ. Нет… Это буква «си», она как «К» читается тоже.
ЖЕНА. «КапКоо»?
СЕРГЕЙ. Ага! Мощь?
ЖЕНА. И где взял? Дорогие что ли? Опять все бабки вбухал в…
СЕРГЕЙ. А вот и нет! Это на самом деле — «СарКоо»… Сарапульский кооператив… Буду толкать и говорить, что импортные. Фирмы «КапКоо»… Возьмут ведь? А?
ЖЕНА. Ой не знаю…
СЕРГЕЙ. Ты же повелась! Остальные че? Не поверят?
ЖЕНА. Да наверно… дай посмотреть… нормальное качество?
СЕРГЕЙ. Фабричные!
ЖЕНА. Так, и за сколько взял?
СЕРГЕЙ. За семь… всего!
ЖЕНА. «Всего?!!» Ну, не знаю… проще из Китая везти уж… «АБИБАСЫ»…
СЕРГЕЙ. Да все будет! Главное продать, и долг отдам…
ЖЕНА. …долг отдашь, и сразу уедем.
СЕРГЕЙ. Угу.
ЖЕНА. Скажи же… уедем? Уедем? Скажи?

Пауза.

ЖЕНА. Ты опять передумал?
СЕРГЕЙ. Ты думаешь, там че, лучше где-то будет? Щас везде так… Не они, так другие…
ЖЕНА. Я боюсь их, понял! Они вообще отморозки! Наглухо отбитые. Как ты с ними говорить собрался? Они же не понимают…
СЕРГЕЙ. Я что-нибудь придумаю. Ну, они же люди все-таки. Бандиты, но люди… наверно… Я поговорю с Расулом, он поговорит с Альбертом.
ЖЕНА. Да он отмороженный вообще! Никого не слушает! Он у Расула как пёс… Цепной… Я-то его хорошо знаю…
СЕРГЕЙ. Да все уладится, вот увидишь… Они наехали, что «забашлял» мало. А выручка пойдет, они отстанут. Все равно все устаканится… Смотри сколько обуви! Кроссовки — ходовой товар.
ЖЕНА. Ты такие не продашь так быстро… Видела я, какой на рынке сейчас выбор. Почему ты всегда делаешь не как все?
СЕРГЕЙ. Так все! Всё в эту кучу сложил… Это на завтра мне. Смотри, как удобно зато, на коробке размеры подписаны!
ЖЕНА. Нашёл чему радоваться! Ехать надо! Валить отсюда, пока не поздно…

Слышен лай собаки на улице.

СЕРГЕЙ. Че это Полкан начал? Пришел кто-то…
ЖЕНА. Мать, наверно…
СЕРГЕЙ. Иди сходи открой ей, я пока закончу…

Женя выходит из комнаты, оставляя мужа с его «импортным» ходовым товаром. Сергей еще какое-то время складывает коробки, пока из-за дверей не послышался шум. Что-то звякнуло и с грохотом упало. Собака залаяла сильнее.

СЕРГЕЙ. *(направляется к выходу).* Да че за кипиш?! Эй!

Не успевает дойти, дверь открывается. В дом входит Альберт, вытирая рукавом рот.

СЕРГЕЙ. Альберт?
АЛЬБЕРТ. Ты че, коммерсант, не научил жену свою, как правильно надо уважаемых гостей встречать?
СЕРГЕЙ. Че?
АЛЬБЕРТ. Сюда иди! В дом, сказал!
СЕРГЕЙ. Альберт, да че такое?
АЛЬБЕРТ. Ща узнаешь…

В комнату, потупив взгляд, входит Женя.

СЕРГЕЙ. Жень, че случилось?
АЛЬБЕРТ. Походу не нравится ей че-то, не видишь? Кусается, как шавка ваша во дворе. Ты почему её в конуре не запираешь?
СЕРГЕЙ. Кого?
АЛЬБЕРТ. Шавку вашу, бешеную! Че она лает так? На людей уважаемых кидается?
СЕРГЕЙ. Да мы же не знали, что…
АЛЬБЕРТ. А жена твоя? Гостя встретить не может правильно? Я её целую, а она меня кусает!
СЕРГЕЙ. В смысле? Альберт, это моя жена!
АЛЬБЕРТ. Неправильный ответ…

Альберт проходит в комнату, садится на табурет.

АЛЬБЕРТ. Нет здесь ничего твоего. Земля чья здесь вся, знаешь же?
СЕРГЕЙ. Мы и так плотим… Расул в курсе.
АЛЬБЕРТ. Расул тебе только платить разрешил… А «сколько» платить, это решаю я. И если я здесь… то плотишь ты как-то мало. Я так просто по гостям не хожу…
СЕРГЕЙ. Слушай, я понял… Я заплачу. Сколько надо, столько забашляю… Ты скажи, мы — решим…
АЛЬБЕРТ. Че в коробках?
СЕРГЕЙ. Кроссовки… Импортные — «КапКоо»…
АЛЬБЕРТ. Китайка?
СЕРГЕЙ. Нет. Фабричные…
АЛЬБЕРТ. *(Кладет одну ногу на второй табурет).* Сорок второй.

Сергей и Женя не сразу понимают, что надо. Альберт кивает на коробки.

АЛЬБЕРТ. Мне долго ждать?

Сергей хватает коробку с цифрой 42, быстро открывает ее, достает кроссовок, протягивает Альберту.

АЛЬБЕРТ. Я че, их сам надевать буду?! Баба зачем тебе в доме?!

Женя соображает быстрее, тут же кидается к Альберту, снимает с него грязный ботинок и надевает новый кроссовок. Альберт довольный рассматривает свою ногу.

АЛЬБЕРТ. А ну иди сюда, женщина… Да иди, не бойся! Сядь сюда… Посмотрю, как бабы смотреться на коленях с этими «колесами» будут. Ну, че встала?! Садись!
ЖЕНА. Нет. У меня муж есть.
АЛЬБЕРТ. Че она сейчас сказала?
СЕРГЕЙ. Альберт, хорош уже…
АЛЬБЕРТ. Кому ты «хорош» говоришь?! *(Вскакивает с табурета, бьет Сергея в живот.)* Кого ты так назвал?.. А? А знаешь, кто она раньше была? Чем занималась женушка твоя…
ЖЕНА. Ты — выродок, конченый!!! Уходи отсюда!!!
АЛЬБЕРТ. А то че, Женечка? Не уйду, то че?! Брата позовешь? А нет, как его позвать теперь, он же сгорел в ларьке у себя… пожарную безопасность не соблюдал… Да? Или че? А! Или ты на шею мне броситься хочешь… По старой памяти? Помнишь, как раньше у нас было? Винцо, сигареты, шашлыки… На речку с палатками… Помнишь? Че молчишь? Садись иди… Или я продолжу вспоминать…
ЖЕНА. Заткнись…
АЛЬБЕРТ. Хорошо… А помнишь, как в палатке мы? Сколько нас было тогда… Я, Ты… Мага, и этот… как его… убили уже его… скажи — я скажу… Виталя что ли… А помнишь, я всегда самый первый был! Слышь, коммерсант, я с ней первым в палатку заходил. После меня все остальные. Со мной ей сильно нравилось. Да, Женечка? У меня член хороший. Нравилось тебе. Я б тебя замуж взял даже, если б ты в рот не брала…
СЕРГЕЙ. Да ты че, сука!

Сергей пытается ударить Альберта, но тот уже ждал удара, и, увернувшись, сам бьет в ответ. Сергей падает. Альберт пинает его пару раз ногой в новом кроссовке.

АЛЬБЕРТ. Кто тут «сука»?!! Слышь, эй… че скажу-то… Эта земля моя вся. И то, что стоит на ней, тоже мое. И здесь все делается, если я только хочу. Это мой мир здесь! Привыкай! Захочу — продавать будешь. А захочу — продаваться станешь. Понятно это? Не слышу?!
СЕРГЕЙ. Понятно…
АЛЬБЕРТ. Через неделю приду сам за деньгами. Не будет, буду брать натурой. Женя, ты еще помнишь, как мне нравится? Отработаешь? Отработаешь! Куда ты денешься… Где второй кроссовок?
СЕРГЕЙ. Вот…

Сергей протягивает кроссовок, но Альберт смотрит на него сверху вниз, кивком показывает на вторую ногу: «переодевай». Сергей снимает ботинок с Альберта и надевает новый кроссовок.

АЛЬБЕРТ. *(Улыбается).* О! «КапКоо»! Ништяк… Короче… Каждую неделю приходить буду, не будет денег, Женя отрабатывает. Будут деньги — Женя не отрабатывает. Ясно всем? Неделька пошла!

Альберт выходит из дома. Послышался лай собаки. Но недолго… Раздался выстрел. Собака заскулила. Ещё выстрел. За ним — тишина.

Картина шестая

На диване в квартире Марка сидит Мелкий. В руках кружка с чем-то горячим.

МАРК. Ты как? Нормально? Лучше стало…
МЕЛКИЙ. Голова…
МАРК. Да ладно… Главное, ниче не сломал. Головой ударился… Ты ее головой тормозил что ли?
МЕЛКИЙ. Нет. Телом всем…
МАРК. А потом упал и… *(показывает на голову.)* Вырубило?
МЕЛКИЙ. Наверно… Не помню.
МАРК. И че ты под машины-то бросаешься? Делать нече?
МЕЛКИЙ. По тротуару ехала… Я остановил.
МАРК. *(Улыбается).* Ага. Ясно… Правозащитник какой-то? Стопхам?
МЕЛКИЙ. А я не собираюсь проходить мимо, когда закон нарушают. Я номера записал. В полицию пойду. Вам спасибо за все… Что помогли. Но если это вы меня сбили, я на вас напишу заявление. Покрывать вас не буду. Раз нарушили закон, то понесете наказание.
МАРК. Воу-воу! Полегче… Ты меня за рулем видел?
МЕЛКИЙ. Нет. Там девушка сидела. Может, ваша… Я почему-то же у вас очнулся.
МАРК. А если я просто помочь хотел? Увидел тебя и…
МЕЛКИЙ. И вместо больницы к себе принесли? Думали, что денег дадите и замнете все.
МАРК. Прям стелешь не по-детски. Ты откуда такой вообще?
МЕЛКИЙ. Какой такой? Я не по приколу там стоял. Надоело, что кругом беззаконие. Что все правила там нарушают. А все ходят и сами же глаза на это закрывают. А я не буду. Коррупцию надо побеждать, начиная с нас самих.
МАРК. А, ты еще и против коррупции борешься. За честные выборы?
МЕЛКИЙ. Да. И что смешного?
МАРК. На митинги ходишь?
МЕЛКИЙ. Да. В автозаках поездил… Было дело.
МАРК. Крутой, слушай… Прям, вот… Молодец. Красавчик…
МЕЛКИЙ. Смешно вам, да? Смейтесь, че… Заявление напишу.
МАРК. А в доброту ты человеческую не веришь? Все так плохо, что уже все? Пора все менять?
МЕЛКИЙ. Давно пора. Вам что, самому нравится, как вы живете? Коррупция чиновников не противна? Как все время врут по телевизору. Что нас из-за этой власти все в мире ненавидят. Вы не хотите ничего менять?
МАРК. А что именно менять-то ты хочешь?
МЕЛКИЙ. Да все. Всех чиновников поменять. Президента. Правительство чтоб нормальное было. И новые люди пришли. Придут новые люди, тогда хоть что-то поменяется… Законы исполняться будут. Коррупции не станет.
МАРК. Ты в школе еще учишься? Какой класс-то?
МЕЛКИЙ. Девятый.
МАРК. Классно. Четко. Подрастающее поколение. Система образования тоже плохая.
МЕЛКИЙ. Да никакая она! Если честно… Такая же коррупция.
МАРК. Да уж… Беспредел какой-то.
МЕЛКИЙ. Вы если хотите, приходите на площадь, на митинг. Поддержите несогласных. У нас там шествие будет… Придете?
МАРК. Не знаю. Как с работой будет… Вообще у меня все по записи, и вроде как раз кто-то записан.
МЕЛКИЙ. Приходите. Если придете, все сами увидите. Только я заявление все равно напишу.

МАРК. Слушай, да пиши. Это ж не моя машина. Я-то тебя не сбивал. А в машине сидела бывшая клиентка… Так что мне все равно. Ты себя нормально чувствуешь? Чаю налить еще?
МЕЛКИЙ. Да я напился. Спасибо… Вы сами как-то не очень выглядите.
МАРК. Я просто старый. Добираться как будешь?
МЕЛКИЙ. Так я тут рядом живу. Я рядом с домом свой район патрулирую.
МАРК. Ох, парень, не хочу тебя расстраивать… Она тебя ко мне привезла. Я на другом конце города живу.
МЕЛКИЙ. ?!!
МАРК. Да ладно, не переживай, вызову тебе такси. За моральный ущерб, так сказать.
МЕЛКИЙ. Спасибо, не надо. Я позвоню, меня заберут…
МАРК. И что скажешь?
МЕЛКИЙ. Скажу, как есть…
МАРК. Ты тогда меня подставишь. Тебе совсем наплевать на тех, кто тебе помогает? Ты как жить собираешься-то с такими принципами дальше? Ты, батенька, эгоист, однако!
МЕЛКИЙ. В смысле?
МАРК. Да в прямом. Интересы свои выше остальных ставишь. Тебе удобно, так и делаешь. Захотел, под машину бросился, захотел, на митинг пошел… Ты еще ни в чем не разобрался, а уже все поменять хочешь. Ну, как бы ты так думаешь, что поменяешь. Люди-то по-твоему, кроме тебя, все идиоты.
МЕЛКИЙ. Я за справедливость просто. Правила нарушены, а отвечать никто не будет что ли? Закон для всех один должен быть. А то меня наказывают, в автозак ни за что садят, а потом в школу пишут. Это им можно. За это штрафуют. А то, что в неположенном месте ездят, они никого не штрафуют.
МАРК. Так… то есть не по-твоему идет все как-то, и ты от этого бесишься? А от чего бесишься, что тебе нельзя, а им можно… Твое эго задевает это.
МЕЛКИЙ. Нет.
МАРК. Да че нет, когда — да. Ты как менять все это собрался-то? На выборах? Или штурмом брать? Сменишь правительство и сразу все лучше станет?
МЕЛКИЙ. Да.
МАРК. Нет, пацан, ниче лучше не станет. Ты думаешь, все не по закону у нас, не по правилам. Но вот удивишься, все нормально работает, так, как надо, работает. И по телевизору говорят все правильно. И закон работает, как надо, и судьи работают, как надо, и чиновники так же. Только ты этого не понимаешь еще…
МЕЛКИЙ. Как это? Че-то не понял…
МАРК. О-о-о… Если расскажу, то ты уезжаешь на такси отсюда. Ок?
МЕЛКИЙ. Хорошо.
МАРК. Короче… Сейчас я чая себе налью.

Марк уходит на кухню.

Картина седьмая

Квартира Марка. Светят лампы синего и красного цвета. Книги и ноутбук на прикроватном столике. Аврелий лежит на кушетке. Марк достает из пакета еду и напитки, заказанные в доставке. Затем появляются кружки, ложки.

МАРК. Главное, делать все аккуратно…
ДРАМЧИК. Ты зачем это сейчас сказал?
МАРК. Не знаю… Просто. А через сколько это начнется?

ДРАМЧИК. Ты почувствуешь. Не сомневайся.
МАРК. Че-то я вообще не чувствую. Как было все, так и было все…
ДРАМЧИК. Ниче не поменялось, да?
МАРК. А че должно поменяться? Я просто не наркоман, я не знаю… Че у вас там за спецэффекты…
ДРАМЧИК. Да все будет, будет… Иди сюда, смотри…

Марк подходит ближе, Аврелий проводит рукой перед его лицом.

ДРАМЧИК. Осьминожку видишь?
МАРК. Как ты это сделал?
ДРАМЧИК. Сам попробуй.

Марк повторяет за Аврелием, проводит рукой по воздуху, внимательно смотрит на руку при этом.

МАРК. Это невероятно! Что происходит?! Что происходит?!
ДРАМЧИК. Вау, космос, да? Ты заходишь в реальность. Чувствуешь, как ты начинаешь существовать.
МАРК. Невероятная невероятность какая-то… Как это происходит? Как это все происходит?!
ДРАМЧИК. Ты это… Только не увлекайся сильно-то. А то улетишь… Ты уже понимаешь, где находишься?
МАРК. Я у себя дома. Я здесь живу…
ДРАМЧИК. Реальность на месте? Не потеряй ее.
МАРК. И че делать надо дальше?
ДРАМЧИК. Все, че хочешь делать. Можешь музыку слушать. За видео залипни. Танцуй, если хочешь. Существуй. Только в окно не выходи. Летать ты до сих пор не можешь. Бухать еще можно, курить можно… Из комнаты главное не выходить. За комнатой ниче не существует. Самое главное — это оставаться здесь сейчас. И тогда все нормально будет.
МАРК. Это нереально? Или это все реально? А что, если это реально, а все так нереально.
ДРАМЧИК. Все реально вообще… В принципе. Смотри. Вот это реальность. Прямо сейчас.

Аврелий открывает шкаф, смотрит…

ДРАМЧИК. О, халат… Халат чей, твой?
МАРК. А ты че делаешь?
ДРАМЧИК. *(Раздевается до трусов, надевает халат).* Принимаю максимально комфортное положение.
МАРК. Ах-хах-ах… Максимальное… Тебе вообще никак самому не это…
ДРАМЧИК. *(Возвращается на кушетку).* Нормально мне. Мы здесь из-за тебя сегодня. Ты хотел из жизни уйти. Я-то не хотел. Че, щас хочешь? Или все плохо всё ещё?
МАРК. Не, ваще нормально.
ДРАМЧИК. Че с Лизой? Стоит она того…
МАРК. Ты её помнишь ещё ?
ДРАМЧИК. Нормально! Продолжай в том же духе. Давай-давай!
МАРК. Лиза — нет… Я понял, что она не была моей судьбой… Она опыт, через который я… Она специально пришла, да? Или она это… Случайность такая. Если б я ее не встретил, я бы сейчас не сидел бы тут. Или бы я встретил другую? Или лучше было бы ее вообще не встречать. Чтобы она вообще не переступала порог этого дома.
ДРАМЧИК. Ты ее просто встретил, а потом она тебя просто бросила. Мир проще, Марк.

МАРК. Да… А как бы было, если б не встретил? Ты вот че, про такое не думаешь никогда? Тебе на всё похер ваще?
ДРАМЧИК. Я всего лишь не заморачиваюсь. Неинтересно мне про такое думать. Вот ты думаешь, че-то думаешь… Че тут думать! Живи, да и похер! Думая над тем, а че бы было, если бы я тогда сделал бы не так, а вот так, или по-другому… ответ будет один: ты сделал так, как сделал. А как бы там че было по-другому? Да никак! Так, как было, так и было. Зачем все происходит и кому это все нужно? Ты этого никогда не узнаешь! Так и че тогда думать-то?
МАРК. Ты просто никого не любил. У тебя мир какой-то свой…
ДРАМЧИК. Нет. Я просто лежу на диване. Все… Просто лежу. Все, у меня свой мир.
МАРК. Оп-па… У меня че-то ногу закололо, это нормально?
ДРАМЧИК. Да, бывает такое. Нормально-нормально… Оно пройдет сейчас. У меня так же…
МАРК. Аврелий, а сможешь написать про Лизу, если я все расскажу?
ДРАМЧИК. А там есть драматургическая составляющая?
МАРК. Еще какая! Я даже из-за этого сейчас здесь. Даже съел… Блин… Че ты мне такое дал?
ДРАМЧИК. Конфетку… Это была конфетка.
МАРК. А почему одна синяя, а другая красная?
ДРАМЧИК. Потому что они одинаковые.

Картина восьмая

Двор дома, который стоит напротив той самой школы, в которой все как обычно, так же, как в сотне других. Поэтому ученики бегают в соседний двор, чтобы покурить, так, чтоб их не спалили. У мусорных баков самое лучшее место, если что, за ними можно спрятаться. Рядом с баками спит бомж. Но Лиза его не замечает. Для нее он такой же мусор, как и все остальное в этих баках.

ЛИЗА. *(Говорит по телефону).* Я не буду говорить тебе, что все хорошо. Потому что так не будет, поэтому и не скажу. Ты еще не понял это? Сказать еще раз? А меня задолбало это говорить! Че ты звонишь-то опять, дебил? С чьего-то номера еще… Конечно, с твоего бы я не взяла. Но раз взяла, говори, че надо? Ниче не надо… Отлично. Всё, иди в попу. Че? Почему так жестко? Потому что ты не понимаешь. Че еще тебе сказать… *(Оглядывается, замечает лежащего бомжа.)* Ты мне не интересен, не нравишься… Меня от тебя воротит. И запах противный. Когда ты приближаешься, от тебя саньем несет. Ты че, не моешься никогда? Про кого я сейчас? Да про тебя, про тебя! Как ты достал…

Убирает телефон. Достает сигарету, закуривает. Появляется Мелкий.

МЕЛКИЙ. Это ты меня звала?
ЛИЗА. О, пришел! Привет…
МЕЛКИЙ. Привет. Ты меня звала?
ЛИЗА. Ага… Поговорить хотела.
МЕЛКИЙ. Место лучше не нашла?
ЛИЗА. Да я покурить заодно хотела…
МЕЛКИЙ. Говори.
ЛИЗА. Весь во внимании?
МЕЛКИЙ. Типа того.
ЛИЗА. Как дела, чего нового?
МЕЛКИЙ. Шикарно все…
ЛИЗА. Как дома?

МЕЛКИЙ. Обычно… с отцом щас живу… Приятного мало.
ЛИЗА. У меня с моим так же. Контроль вечный…
МЕЛКИЙ. А мой мать бросил. С другой живет. А я их видеть не хочу.
ЛИЗА. А мама че?
МЕЛКИЙ. Да ей пофиг. Но с ней попроще, просто… Хотя бы не лезла. А ты че звала-то? Я тебя так-то не знаю.
ЛИЗА. Познакомились уже считай. Теперь знаешь.
МЕЛКИЙ. Ладно… А че звала?
ЛИЗА. Да поговорить.
МЕЛКИЙ. Так про че?
ЛИЗА. Ты это… Прости меня, короче… Что я тебя сбила на машине.
МЕЛКИЙ. Это че, ты была?!
ЛИЗА. Ага. Просто мне надо было срочно. Дела там были…
МЕЛКИЙ. А по тротуарам-то че ездить?!
ЛИЗА. А откуда я знала, где ездить? Ездят там все, и я поехала. У меня прав даже нет… и вообще я девочка. Зато я тебя не бросила. Не оставила…
МЕЛКИЙ. Я понял уже…
ЛИЗА. Извинишь?
МЕЛКИЙ. Дайте-ка подумать… на сколько статей тут хватит. Незаконное вождение, наезд на пешехода, скрылась с места происшествия…
ЛИЗА. Да полегче ты! Ты че такой — стукач?! Я же больше так не буду!
МЕЛКИЙ. Ладно. Ты если только за этим, я пошел тогда.
ЛИЗА. Да подожди… Скажи, ты извинишь? Или че надо сделать, чтоб ты…
МЕЛКИЙ. Это тебе твой Марк сказал, что я номера записал? Ты со мной договориться решила…
ЛИЗА. Блин, а ты не такой тупой.
МЕЛКИЙ. Короче… заявление мое не приняли. Так что можешь не париться. Все?!
ЛИЗА. Да ладно тебе, че ты такой злой? Я же по-нормальному хотела…
МЕЛКИЙ. Да, я понял уже… И ты не виновата, что договориться хотела. Ты просто поступаешь, как все… у кого деньги есть. У тебя они есть.
ЛИЗА. С чего ты взял?
МЕЛКИЙ. На тебе шуба нормальная такая. Сумка…
ЛИЗА. Да это не мое. Поносить дали… Подарки…
МЕЛКИЙ. Даже если не такая. У нас сейчас все такие…
ЛИЗА. О, Марк тебя пролечил все-таки. Он это может…
МЕЛКИЙ. Да ниче не пролечил… Я сам выводы сделал. Теперь я понимаю общую картину.
ЛИЗА. Упс. Голову-то я тебе сильно ударила. А с виду вроде нормальный такой. Даже топчик. Я бы с тобой куда-нибудь сходила.
МЕЛКИЙ. У тебя уже есть парень.
ЛИЗА. Марк? Нет, мы расстались… Общаемся просто.
МЕЛКИЙ. Да тебя постоянно с кем-то видят.
ЛИЗА. Ты так-то вообще меня не знаешь.
МЕЛКИЙ. Ладно, мне пора…
ЛИЗА. Подожди меня. Я докурю… А че у вас по митингам там? Ты же ходишь. Меня возьмешь? Я бы сходила.
МЕЛКИЙ. Я больше таким не интересуюсь. Давай быстрее докуривай, мне опаздывать нельзя, а то к директору снова…
ЛИЗА. Да, сейчас… *(У нее звонит телефон.)* А блин, опять звонит… Слушай, ладно, иди… Давай после уроков увидимся?

МЕЛКИЙ. Посмотрим… *(Уходит.)*
ЛИЗА. *(Отвечает на звонок).* Да, алле… Это опять ты? Блин, че тебе надо? В смысле, с кем стою? Ты че, дебил, следишь за мной? Откуда ты меня пасешь?! Пошел в попень, а? Что? Еще раз скажи… Все исправить? Нет, ты ниче не сможешь исправить. Нечего там исправлять… В смысле?! Кто над кем доминирует?!! Ты конченный что ли?!! Я дала себя поиметь?!! Ты думаешь, ты меня поимел? Как?!! А-а-а-а… Ты засунул свои руки мне под лифчик, и я не сопротивлялась… Ага… Это в твоей голове проецируется как — «поиметь»? Хорошо, я сейчас объясню тебе, что такое доминировать и что такое «поиметь» по-настоящему. *(Выкидывает окурок, топчет ногой.)* Запоминай: если ты мне ещё раз позвонишь или напишешь мне, то я сейчас же, в ту же минуту, то есть сразу же — зайду в сеть, найду тебя и добавлю все твои вонючие аккаунты в свой черный список. Везде! И ты никогда больше мне не сможешь написать, позвонить и даже подойти ко мне… А если узнаешь мой новый телефон и все равно позвонишь мне еще раз, тогда я позвоню кое-кому-то, и тебя этот кое-кто-то найдет и засунет твои пальцы тебе в попу. Хочешь так?! Нет? Не хочешь?.. Теперь ты знаешь, что такое доминировать?! Так. Откуда ты меня палишь, с какого дома? *(Поворачивается в сторону соседнего дома, показывает в ту сторону средний палец.)* Разглядел? Молодец. *(Лиза убирает телефон.)* «Поимел» он меня, ага…

Лиза собирается уходить, но тут, пока она разговаривала, проснулся бомж. Он уже успел подняться и теперь стоял рядом с Лизой, показывая ей два пальца…

ЛИЗА. О, боги… Тебе-то че? Сигарету?

Бомж кивает.

ЛИЗА. *(Даёт сигарету).* Пожалуйста…
Бомж показывает большим пальцем *(имитируя шорканье колесика зажигалки)* — «А огоньку?»
ЛИЗА. За тебя, может, ещё покурить? *(Протягивает бомжу зажигалку.)* Можешь себе оставить…

Бомж кивает головой в знак благодарности.
Лиза уходит.
Оставшись один, бомж начинает рыться в мусорном баке, покуривая тонкую длинную сигарету со вкусом арбуза.

Картина девятая

1995 год. Мир эпохи видеокассет. И все, что видим, выглядит как на затертой видеопленке. Большая просторная комната в частном доме Сергея. Судя по всему, «неделька» уже прошла.
Коробок в комнате нет. Дома прибрано. Посреди комнаты накрытый стол. За столом Сергей, его жена Женя. Сергей сидит за столом пересчитывает аккуратно сложенные купюры, затем то складывает их в конверт, то снова вынимает и опять пересчитывает.

ЖЕНА. Говорила тебе, не продашь ниче… Сейчас бы уже уехали.
СЕРГЕЙ. Партию зато всю разом сбагрил…
ЖЕНА. И сколько получилось? Ему только отдать? А на жизнь нам?
СЕРГЕЙ. Пойди борщ разогрей.
ЖЕНА. Да хватит его разогревать. Скоро выкипит.
СЕРГЕЙ. Да и черт с ним. Пусть подавится придет. Чтоб ему…

Женя выходит изо стола, уходит на кухню.

ЖЕНА. И че мне теперь, скажи, под него ложиться? Да?
СЕРГЕЙ. Не начинай.
ЖЕНА. Не начинать? Вот так, да? Он меня трахать при тебе будет, а ты и слова не скажешь…
СЕРГЕЙ. Слушай, я все зарешаю. Я поговорю… Он же не совсем отмороженный…
ЖЕНА. Да нет, Серёженька, он — «совсем»!
СЕРГЕЙ. Я говорил с Расулом. Он беспределить Альберту не даст.
ЖЕНА. А по-моему, у него это хорошо получается… Это вот прям — его. Говорила, надо уезжать. Пока можно было…
СЕРГЕЙ. Ты думаешь, он серьезно все? Просто попугал… Власть типа свою показать. Хорошо, скажем, показал… Сделаю, что скажет…
ЖЕНА. Только и можешь это: «Сделать, что скажут». А сам ничего не…
СЕРГЕЙ. Да! Сам ничего… Мне за себя-то не жалко. У меня ты и мама есть. И если надо, чтоб вас не трогали, в коленях поползать… Поползаю. Не обломаюсь.
ЖЕНА. Мне тоже прикажешь — не обламываться в кровати с ним? Чтоб вас не трогали… А что? Кувыркаться начну с ним, может, вообще замуж возьмет. Если понравится… А я могу сделать так, чтоб ему — очень понравилось.
СЕРГЕЙ. Женя!
ЖЕНА. Что, Сережа, муж мой любимый? Не слушал меня… А теперь…
СЕРГЕЙ. Да че ты начинаешь опять? Может, он вообще не придёт сегодня…
ЖЕНА. Этот придет. Ему просто нравится, что мы ждем его. Уверена, он наслаждается этим. Томит нас, как в духовке, в собственном доме нашем… А кого-то и отжарит сегодня, хорошенько…
СЕРГЕЙ. Успокойся, Женя! Хватит!
ЖЕНА. Может, ты ему — себя сегодня предложишь, а?! Как-то я не очень сегодня, с чужим мужиком спать.

С улицы доносится звук лязгнувшей калитки.

ЖЕНА. О, вот и идет господин мой сегодняшний…
СЕРГЕЙ. Идет? Он?!
ЖЕНА. Без собаки-то сейчас непонятно, да? Ничего… Я зато слышу…
СЕРГЕЙ. Женя, ну перестань, я все зарешаю… Новую собаку заведем.
МАМА. У меня тут разогрелось, кстати.

В дверях появляется Альберт.

АЛЬБЕРТ. Добро в хату! Не встречает никто? Как-то опять негостеприимно.
СЕРГЕЙ. *(Встает изо стола, идет встречать).* Вот… Прошу к столу, Альберт. Здравствуй…
АЛЬБЕРТ. Оплата где?
СЕРГЕЙ. Оплата вот. В конверте… Сейчас, будет! Все будет…

Сергей берет конверт с деньгами со стола и предаёт их Альберту.

АЛЬБЕРТ. Сказать тебе, куда сунуть его… конверт твой…

Альберт вынимает деньги, бросает на пол конверт. Пересчитывает.

АЛЬБЕРТ. Что-то мало здесь… Не всё?!
СЕРГЕЙ. Почему? Там дальше крупные пойдут… Считай.
АЛЬБЕРТ. Женечка, мылась ли сегодня? Придётся отработать!

СЕРГЕЙ. В смысле? Альберт? Тут — «всё».
АЛЬБЕРТ. Всё, да не всё. А проценты? За прошлый косяк не возместил.
СЕРГЕЙ. Альберт, да че мы как… Давай как люди, за столом поговорим. Что мы — не люди что ли? Она же моя Жена, понимаешь? Проходи за стол… Мы тебя ждали…

С кастрюлей борща в комнату возвращается Женя.

АЛЬБЕРТ. О-о-о… Люблю этот запах… *(Проходит к столу, садится.)* Запах «покорности»… Ты не бойся, помнишь ведь, как мы… Женечка… хорошо же было… Даже тебе хорошо.

Женя ставит перед Альбертом тарелку с борщом. Накладывает ещё одну, Сергею.

СЕРГЕЙ. Альберт, это не по-людски совсем… Зачем ты прошлое вспоминаешь? Дни минувшие…
АЛЬБЕРТ. Да не умничай, э… Минувшие, блин… Ты не понял ещё? С первого раза не дошло? Я че сказал? Здесь всё по-моему будет. Так, как я захочу. А я сегодня вот так хочу… Ложку-то дайте! Перец там, хлеб…
ЖЕНЯ. Сейчас…
СЕРГЕЙ. Я сам принесу нам…
АЛЬБЕРТ. Неси. А ты, Женечка, сядь сюда…

Женя садится за стол.

АЛЬБЕРТ. Да, кстати, косяк за тобой так и висит! Ты не сегодня, так в следующую неделю бабки не соберёшь. Ей так и так отрабатывать придётся. Так что…
ЖЕНА. А может, ты меня просто трахать будешь? И деньги брать не будешь…
АЛЬБЕРТ. Ах-ха-ха… Во-о-от! Жена-то у тебя правильно соображает! Слышь че, нет, говорит? Ты её слушай! Каждый четверг буду… И на выходные, если что, с собой забирать буду. Лады? А бабки вы приносить будете, только не столько, а половину…

Альберт достаёт пачку денег, которую получил от Сергея, отсчитал половину и положил на стол.

АЛЬБЕРТ. И вам ещё на жизнь оставаться будет. Все довольны, все спокойны… Ну как?
СЕРГЕЙ. Тебе сметаны или майонез?
АЛЬБЕРТ. Смет…

Удар молотком в затылок вырубает Альберта наглухо. Не успев ничего понять, он падает с табурета на пол. От неожиданности Женя вскрикивает и застывает на месте, до сих пор не веря в то, что её муж сейчас держит в руках молоток.

СЕРГЕЙ. Я же сказал, все зарешаю!
ЖЕНА. Ты… ты… мне… Ты мне… Почему не сказал, что… это…
СЕРГЕЙ. Да он бы сразу тогда спалил, что че-то недоброе тут. А так, слыхала — запах покорности учуял он, сука… Ты тоже хороша… лечь под него хотела?

Сергей убирает молоток, достает цепь и веревку. Подготовился. Не спонтанное решение было.

ЖЕНА. Ты что, убил его? Ты его убил?
СЕРГЕЙ. Не убил! Вырубил просто! Просто вырубил!

ЖЕНА. В доме только не убивай! Кровью запачкаешь, её отмывать потом…
СЕРГЕЙ. Да, Женя, блин!
ЖЕНЯ. Теперь нам точно уезжать надо.
СЕРГЕЙ. Не-е-е-т… Никуда мы не поедем. Это наш дом. И порядки тут наши.
ЖЕНЯ. Его же искать будут.
СЕРГЕЙ. Будут… И не найдут…
ЖЕНЯ. Я закапывать его не стану.

Сергей связывает Альберта.

СЕРГЕЙ. Нет, не надо его закапывать. У него свое место есть. Получше…
АЛЬБЕРТ. *(Приходит в себя).* Э-э-э… Че это? Э-э-э… Ты че делаешь? Че ты делаешь?
СЕРГЕЙ. *(Бьет Альберта).* Лежи, сука! Лежи… Щас все будет. Щас все будет…

Альберт не слушается. Начинает вырываться. Сергей еле сдерживает его.

СЕРГЕЙ. Женя, помоги! Че стоишь?
АЛЬБЕРТ. Вы че, падла, а?! Че творите?! Не врубаетесь, че вам будет! Отпусти, падла… Вам же всем пиз…

Он не успевает договорить, «что там всем», потому что Женя набросилась на Альберта, пиная его ногой по голове.

Картина десятая

Кабинет директора в обычной российской школе. В такой же школе, как и все остальные, где все окна стоят пластиковые, но дети все равно сдают каждый год «на них», где на входе стоят турникеты и спят охранники, школа, по которой бегают пацаны в помятых пиджаках «на вырост», где в раздолбанных шкафчиках хранят «сменку» и сигареты с пивом. Где старые учителя еще с «совка», а молодые педагоги весьма прогрессивные и сидят в «баду» и «тиндере», где все плохо с компьютерным классом, зато у школы есть свой кривой сайт и система электронных дневников.

ДИРЕКТОР. Что такое фашизм, и что такое коммунизм… и что социализм. Для меня коммунизм — это хуже фашизма… Но они тогда этого не понимали, и… они искренне верили. Фашизм на виду был… он был открытым. Коммунизм же был закрытым. Ничего не знали. Что, допустим, делали в концлагерях, это было всем известно. Что делали в концлагерях и тюрьмах НКВД… никому не известно. Это было закрыто. Это не знали, это покрывали… врали… и так далее. Но я не думаю, что это было лучше, и я не думаю, что это было лучше, и я не думаю, что жертв было меньше. И… у меня нет никаких радужных слов по этому поводу. Поэтому… коммунизм — фашизм… все одно. Немцы ведь исполняли, что им приказывали. А у нас, Мельников, это делали даже по собственному желанию. Вот так… приятно. Пытать. Поубивать… потому что это хотели. И если б твой Сталин кинул клич — «бей жидов», то… ни одного бы не осталось.
МЕЛКИЙ. Вы же умная женщина, Алевтина Анатольевна… почему вы это говорите? Вы же директор школы. Историю плохо знаете совсем…
ДИРЕКТОР. Историю я прекрасно знаю. И то, что происходило, я хорошо наблюдала. Мать моей тетки была сослана после ареста мужа, в лагерь для жен врагов народа. Знаешь, я знаю… как их везли в вагонах, в Азию… в теплушках. Им ничего не говорили. Говорили, что мужья осуждены, что 10 лет без права переписки. Но их уже расстреляли… Они были вдовами уже все, но этого еще не знали…

МЕЛКИЙ. И что, сколько их было? Тех, кого убили… вы сказали, что много.
ДИРЕКТОР. Очень много. Миллионы…
МЕЛКИЙ. За все правление Сталина было репрессировано миллион шестьсот тысяч. Это миллионы, Алевтина Анатольевна?
ДИРЕКТОР. Откуда у тебя такие цифры? Это неизвестно…
МЕЛКИЙ. Известно. Просто вы не интересовались. Вы поищите… Там документы есть.
ДИРЕКТОР. Мельников, ну что с тобой не так? То ты митингующий, то ты ненавидишь преступность… Теперь вот… юный сталинец. Да еще с этой Кропачевой связался! Это она на тебя так повлияла? Что вас с ней связывает?
МЕЛКИЙ. Мы просто дружим.
ДИРЕКТОР. Я очень надеюсь, что «просто»
МЕЛКИЙ. Она не такая, как про нее все говорят.
ДИРЕКТОР. Не такая, не такая… Ох. Тебе бы доучиться, а… И шел бы дальше… Вот почему ты такой? Хороший ведь парень… был. Не будет больше твоего коммунизма, никогда — не будет! Это утопия, понимаешь? И хватит всех агитировать! Пропагандировать ересь всякую… Что ты там, какой кружок коммунистов создал? Клички революционные напридумывал. Листовки разбрасывать ладно еще не начал… Ну что ты всем головы морочишь?
МЕЛКИЙ. Я не морочу…
ДИРЕКТОР. А что… Что ты делаешь?! Вот что?!
МЕЛКИЙ. Верю в будущее, Алевтина Анатольевна. Когда все равны будут. Когда все люди будут как люди. Чтобы никого не угнетали больше. Чтобы просто люди жить могли. Хотите, расскажу, как это будет?
ДИРЕКТОР. Ты заблуждаешься. Не будет такого. И революций нам больше… хватит.
МЕЛКИЙ. Алевтина Анатольевна, а чем сейчас Вы от меня отличаетесь? Если Вы так «совок» ненавидите. Историю страны не уважаете… Чем лучше тех, кто на площадь вышел? У нас до сих пор все лучшее — это то, что от «совка» осталось. Почему Вы так… Во что мне, как ученику Вашей школы, верить? Кем мечтать быть? Чему вы учите нас?
ДИРЕКТОР. Знаешь… что они, большевики эти… царя расстреляли. Всех. Всю царскую семью…
МЕЛКИЙ. Вы за монархию? Восстанавливать ее будем? А когда восстановят, Вы, Алевтина Анатольевна, дворянкой станете… аристократкой?
ДИРЕКТОР. Нет, ну… не дворянкой, конечно…
МЕЛКИЙ. Но в семье у Вас дед раскулаченный был?
ДИРЕКТОР. Откуда ты знаешь?
МЕЛКИЙ. Все так говорят, Алевтина Анатольевна. После распада у всех в родственниках кулаки резко появились. Вот у моего отца, как он говорит, в роду были князья.
ДИРЕКТОР. И что такого?
МЕЛКИЙ. Да ничего… Просто Вы же сказали, их всех расстреляли. Миллионами в лагерях сгноили. Либо тогда всех по ошибке крестьян, либо все кулаки хорошо прятались…
ДИРЕКТОР. Мельников! Ну вот на что ты на мою голову такой случился? Что мне с тобой делать?
МЕЛКИЙ. Не знаю… ничего не делайте.
ДИРЕКТОР. Почему ты такой? Можешь объяснить? Что у тебя там переклинило? Расскажи. Я выслушаю. А то сам обвиняешь, что я не слушаю, не слышу… Вот сейчас внятно объясни, я послушаю…
МЕЛКИЙ. Бабушка из-за меня умерла, Алевтина Анатольевна. Это я ее убил.
ДИРЕКТОР. Что?! В каком смысле… Ты же не специально… или… Подожди-подожди. Рассказывай подробнее.
МЕЛКИЙ. Не специально, конечно… Она любимая бабушка… ох, сложно говорить… о таком… в общем…

ДИРЕКТОР. Ничего-ничего, не волнуйся. Водички выпей, я налью.

Алевтина Анатольевна наливает стакан воды. Протягивает Мельникову, тот пьет почти залпом. Успокаивается.

МЕЛКИЙ. Я в тот вечер домой пришел к ней. Все хорошо было… А у бабушки отец… герой войны… А она была… ну понимаете… И вот я пришел… И разговариваем… Просто как обычно… И она что-то такое вспомнила, про счастливое детство. А я, дурак, возьми да скажи ей… Что коммунизм — это фашизм, и сейчас все это знают, а ее столько лет обманывали… Потом смотрю, а ей плохо стало. И она вот так… *(показывает)* …со стула скатилась… Инфаркт.
ДИРЕКТОР. *(Через паузу).* Только что придумал? Только честно?
МЕЛКИЙ. Да какие шутки… Я сперва сам не понял… почему она. А сейчас… мне приходится жить с этим *(хватается рукой за сердце.)* …камень вот здесь ношу с собой.
ДИРЕКТОР. Так… издеваешься?!
МЕЛКИЙ. А потом еще… у меня друга убили. А я его тело нашел. Пришел к нему домой, книгу отдать… Сначала он трубку не брал. Я к нему сам приехал. Позвонил в домофон. Он мне открыл. Я поднялся. Дверь толкаю — открыто. Зашел в квартиру. А там уже он лежит… И дырка в голове. До сих пор перед глазами картина эта…
ДИРЕКТОР. А что сразу не рассказал? Видишь ведь… как… Могу я выслушать и понять человека. Даже если это ты… Чем я могу конкретно тебе помочь?
МЕЛКИЙ. Разрешите мне лекцию в актовом зале прочитать.
ДИРЕКТОР. Хорошо… Подожди. Какую еще лекцию?
МЕЛКИЙ. Об истории родной страны в начале 20 века.
ДИРЕКТОР. Ты издеваешься, да… Никаких лекций!
МЕЛКИЙ. Тогда спектакль. Мини-постановку…
ДИРЕКТОР. Какой спектакль?
МЕЛКИЙ. Не знаю… Современный. У нас же есть кружок. Можно там выступить? На актуальную тему сделать… Честно! Мне нужно выплеснуть эту боль.
ДИРЕКТОР. Хорошо. Без пропаганды только, Мельников. Обещаешь?
МЕЛКИЙ. Криминальную драму можно?
ДИРЕКТОР. Всё, иди. Потом решу с этим спектаклем… сообщу.

Картина одиннадцатая

Квартира Марка. Танцы продолжаются.

ДРАМЧИК. Полёт нормальный? Скоро начнётся интересное самое. Пристёгивайся ремнями… безопасностями…
МАРК. Да мне нормально…
ДРАМЧИК. Все гениальные идеи рождаются тут… Все гении человечества были здесь. Я базарю… проходили через это всё.
МАРК. И ты че-то придумал?
ДРАМЧИК. Конечно… Рукописи не горят… А некоторые стоят огромных денег. И все тексты есть в доступе. Кому нужны копии? Коллекционеры ищут оригиналы… а их хрен найдешь… кому нужны черновики, когда ты типа это… не знаешь ведь, че получится. И че стоит взять, нормальный шедевр, взять перо и переписать все… Это же легче, чем картину рисовать!
МАРК. А бумага? Экспертиза же покажет, что бумага не старая. Где ты такую найдешь, чтоб такая была? Да и чернила… их тоже можно проверить. Херня твой план, Аврелий.

ДРАМЧИК. Так ты не дослушал. Я вот дома тетради храню. Скупаю все… И ничего не пишу. И ручки храню… Рукописи — это тема. Отпрыски мои, если что, хотя бы на одном моем произведении заработают… а если включат голову, то и…
МАРК. Рукописи свои оставишь? И все…
ДРАМЧИК. Не рукописи… А тетради чистые!
МАРК. Не улавливаю… они ж чистые!
ДРАМЧИК. Чистые, и че? Найдут мой самый раскрученный текст напечатанный, возьмут ручку… перепишут… А я везде говорю, что от руки пишу… и реально пишу таким разборчивым почерком, печатными буквами… Я о них думаю, понял, чтоб подделать было легче. …Перепишут и пусть заматывают кому хотят.
МАРК. Не проще просто рукописи оставить?
ДРАМЧИК. Нет. Че им так все легко достаться должно? Попыхтят, попотеют, а потом продают уже… Может, даже свое накропают что-нибудь. Продадут как мое неизданное. Или свое писать начнут… А если попрет, то че… я один что ли из современников попаду в классики? Тетрадей-то много… Авторов тоже… Кто их почерки видел? Все на компах же пишут.
МАРК. Нехило тебя так… накрыло когда-то.
ДРАМЧИК. Че ты угораешь? Смешно? Давай-давай… Я тебе отвечаю, Шекспир так и делал в свое время. Я говорю, через это все проходили. Че, думаешь, у него столько написано всего… И Лопе де Вега тоже… Нормально мутили раньше…
МАРК. Аврелий, какой же ты долбанутый! *(Улыбается.)* Спасибо тебе… Че ты мне раньше не говорил, что так можно.
ДРАМЧИК. Тебе-то зачем, ты-то не пишешь…
МАРК. Да я не про то. Я вот про *(разводит руками)* «это»! Как же охеренно!
ДРАМЧИК. Это тебя сейчас накрывает… Смотри на море, чувак… Вот оно охеренно. Видишь — оно живое.
МАРК. Вижу… походу, тут вообще всё живое. Мир — живой… Я хочу тут остаться… Сейчас не хватает, что бы она позвонила…
ДРАМЧИК. Лиза? Она не позвонит…
МАРК. Не, хоть бы позвонила Настя.
ДРАМЧИК. Ого, так глубоко мы еще не погружались… Она же… Сколько лет ты ее не видел?
МАРК. Три. Или пять… Не помню… Но где-то — очень давно.
ДРАМЧИК. Позвони ей сам…
МАРК. Я и номера-то ее не знаю. Нет. Я не могу ей звонить. Только если сама… Все-таки она была именно — та. Сто процентов — она…
ДРАМЧИК. Ты это никогда не узнаешь. Тебе че, и без нее не хорошо? Хорошо же… Море вон какое… Сейчас самое то… Чувствуй это… чувствуй, как ты происходишь.
МАРК. Я чувствую…

Раздаётся мелодия звонка телефона.

ДРАМЧИК. Это кому? Мне — тебе?
МАРК. Не, это мне…

Марк идет к телефону, который заряжается на полу.
Берёт его в руки, смотрит.

МАРК. Настя? Чувак! *(Показывает экран телефона Аврелию.)* Это она! Ох, ни хера себе вечер! Че происходит?! Че происходит?!!
ДРАМЧИК. Не тупи. Отвечай…

Картина двенадцатая

Где-то в недрах коридоров той самой обычной школы.

ЛИЗА. А вот и ты! Наконец-то… Стою жду тут тебя.
МЕЛКИЙ. Это зачем?
ЛИЗА. Я хочу с тобой играть. Может, сходим куда-нибудь? Я буду платить за себя сама. Если у тебя денег нет, я тебе даже займу.
МЕЛКИЙ. Мне сейчас не до этого… А деньги зло. И вообще такое не интересует.
ЛИЗА. Слушай, да ладно тебе… Я хотела просто про шествие узнать. Мне скоро 18, а что делать на выборах, ума не приложу. Может, расскажешь как раз.
МЕЛКИЙ. И это мне тоже не интересно. Теперь это — не по этому адресу.
ЛИЗА. Но ты же, вроде, этот… активист.
МЕЛКИЙ. Был молод. Заблуждался. Пока…
ЛИЗА. Капец! Меня еще никто так в жизни не игнорил.
МЕЛКИЙ. Привыкай. Жизнь длинная. С тобой еще и не такое будет.
ЛИЗА. Да пошел ты!
МЕЛКИЙ. Иду.

Мельников хочет уйти.

ЛИЗА. Да стой! Подожди…
МЕЛКИЙ. Ещё че?
ЛИЗА. О чем ты думаешь сейчас? Ну… про че, если не — «поэтому адресу»?
МЕЛКИЙ. Про будущее.
ЛИЗА. Да? И какое оно будет?
МЕЛКИЙ. Заебатое.
ЛИЗА. В смысле? Про себя так все говорят. Ты уверен, что ты всё правильно сделаешь, если уйдешь сейчас?
МЕЛКИЙ. Я про всё человечество думаю. Не только про своё …
ЛИЗА. Блин… интересно… Может, расскажешь? Я же тоже буду в нём жить? Я ведь — человечество?
МЕЛКИЙ. Я группу создал в сети… Можешь подписаться, там всё есть.
ЛИЗА. Я не зависаю в сетях. Я за живое общение. Ну, что там с будущим?
МЕЛКИЙ. Тебе бы к ЕГЭ готовиться лучше…
ЛИЗА. Да я не тупая, и так всё сдам. Ну так че? Будешь рассказывать? А то я пошла тогда.
МЕЛКИЙ. Иди.
ЛИЗА. *(Разворачивается, идет по коридору)*. Кошмар какой-то… все такие козлы… вроде нормальный, не такой, как все… а сам как все… Не понимаю… У тебя что, друзей навалом?! Все думают, что ты больной… с головкой не дружишь… А тут я ещё…

Мельников смотрит ей вслед.

МЕЛКИЙ. Лиза!
ЛИЗА. *(Останавливается).* Че?
МЕЛКИЙ. Но, вообще, я тут набросал манифест… Не знаю ещё, как получилось… Могу вслух почитать. Можешь послушать.
ЛИЗА. А где слушать? Тут что ли?!
МЕЛКИЙ. Да непринципиально где.

ЛИЗА. Тогда ко мне или к тебе?
МЕЛКИЙ. У меня бати до ночи не будет… Можно ко мне.
ЛИЗА. Тогда погнали…

Картина тринадцатая

Квартира Марка. Светят лампы синего и красного цвета, кушетка, разложенный диван, кресло, книги, ноутбук на прикроватном столике.

ЛИЗА. Самый первый? Друг отца… Где-то 15 было… Может 16? Не помню… весной перед днем рождения. Дату точную не назову. Вот… Вышла в футболке и в трусах на кухню. Я не думала, что там кто-то будет… и что на меня кто-то посмотрит. Не думала… А я мимо такая прохожу. А они с отцом за столом сидели. Я только прошла, и слышу за спиной отец говорит: «Ты че, сука, на че там смотришь?!» Я оборачиваюсь… А он ему уже как — на-а-а! В таблище… с локтя… И я такая — «упс»… А он мне: «Еще раз выйдешь по дому в трусах при гостях, я те устрою… жизнь… сладкую…» Но я это запомнила. И друга этого запомнила…
МАРК. И как это было?
ЛИЗА. Что — «было»? В смысле, вообще, как? Это потом уже… Я потом думала, что… мне приятно было, что на меня посмотрели. Типа, как… по-нормальному что ли… Как на красивую…
МАРК. Хотела отца позлить?
ЛИЗА. Да. Наверно, и это тоже… просто хотела тепла. Внимания.
МАРК. И как все случилось? Что почувствовала…
ЛИЗА. Хорошо все было. Мне понравилось… Или рассказать, вообще-вообще все?! В подробностях?

Марк молчит.

ЛИЗА. Что молчишь?
МАРК. Можно просто рассказать обстоятельства.
ЛИЗА. Хорошо… Это был праздник… много гостей. Мы играли все в настолку… в настольную игру… И я так смотрела на него… Думала — поймет или не поймет. Потому что надо было смотреть так, чтобы никто, кроме него, не понял. Потом я… поднялась в комнату к себе… На второй этаж. И тут дверь в комнату открывается… Лиза, что делаешь? Говорю, ничего… Собираюсь спать. Вот переодеваюсь… Ну и…
МАРК. А дальше? Что он сделал? Толкнул? Ударил?
ЛИЗА. Что? Ничего такого… Все было…
МАРК. Что было? Как произошло?
ЛИЗА. Вы правда… правда, хочешь узнать? Зачем?
МАРК. Так надо. Разбираемся, почему ты сбежала из дома и что для тебя твой отец…
ЛИЗА. Хорошо… Если так надо… Я сказала, что хочу переодеться. Он спросил — мне выйти? Я сказала, что нет, он мне не мешает. Главное, чтоб не увидел папа. Он такой, давай сделаем так, чтоб не увидел. Закрыли дверь. Я начала раздеваться… Сняла майку… Потом лифчик… Он подошел ко мне. Притронулся к волосам. Запустил мне руку в волосы, и сжал… Я сама встала на колени и стала расстегивать ремень… сердце так билось… было немного страшно, что ноги дрожали… потом я открыла рот… а он застонал… и держал мои волосы. И он стонал… О-о-о, О-о-о-о… Потом поднял меня, и снял трусы, положил на кровать и вошел в меня… я застонала… А-а-а… А-а-а… сильнее… сильнее… А-а-а-а…

МАРК. Хватит, не продолжай.
ЛИЗА. Нет, нет, там самое интересное… когда я стала раком. Он погладил меня по попке, и пошлепал… Я потерлась своей…
МАРК. Хватит!
ЛИЗА. Почему? Так надо ведь. Сами сказали. Тогда слушайте! Вам за это платят… И он начал, с такой силой меня…
МАРК. Вранье! Первый раз это было в туалете. Ты говорила, что…
ЛИЗА. Нет, в туалете это потом…
МАРК. *(Открывает блокнот, листает страницы).* У меня все записано! Первый сексуальный опыт… в туалете в баре. В тот же день, когда и первый поцелуй. Показания не сходятся.
ЛИЗА. А… может, я это… про первый раз, когда я влюбилась… ой, их столько было, я всех и не помню… Кто и когда точно. Хотите, еще расскажу? У меня много историй.
МАРК. Спасибо, но нет. На сегодня хватит.
ЛИЗА. Что значит хватит?
МАРК. Можешь идти домой.
ЛИЗА. Нет! Я не хочу… Я только возбудилась, а ты… Марк, иди ко мне… Ты что, обиделся?
МАРК. Нет. Вовсе нет…
ЛИЗА. Я же вижу. Прости. Я не хотела тебя обидеть.
МАРК. Я не обиделся. Просто иди домой. Сегодня приём окончен.
ЛИЗА. К тебе сегодня ещё кто-то придёт?
МАРК. Да. Поэтому…
ЛИЗА. Марк, а ты со всеми клиентками спишь?
МАРК. Что, прости?
ЛИЗА. Кто тебе больше нравится из них? Милана или Кристина эта?
МАРК. Лиза, не говори ерунды. Я не сплю с пациентками… Можешь не…
ЛИЗА. Да, конечно, ври больше. Тебе такие, как они, больше нравятся, да? Со мной, мелкой, тебе неинтересно!
МАРК. Перестань. Ты городишь чушь.
ЛИЗА. Ладно… как хочешь. Но если ты передумаешь, пока я собираюсь, то — я хочу.

Лиза поднимается с кушетки, идет к выходу.

МАРК. Мне неприятно все это слушать от тебя.
ЛИЗА. Марк… Марк, можно, я останусь? Ну, Марк… Скажи… Я больше ничего не расскажу, если ты будешь молчать. Ну, прости, я не думала, что ты так отреагируешь. Марк!

Марк молчит. Лиза еще какое-то время стоит в прихожей. Затем снимает только что надетые туфли и возвращается в комнату. Свет гаснет.

Картина четырнадцатая

Небольшая подсобка в актовом зале той самой обычной школы. На стенах пожелтевшие афиши, нарисованные от руки на обычных ватманах. Пара дощечек с надписями: «Диплом», «Грамота», «Участникам», «Награждается», прибиты в ряд на ржавые гвозди. Парта, офисное кресло, скамейка и шкафчик с реквизитом. В принципе, всё. А что ещё нужно руководителю школьного театрального кружка?

КЛЮВДИЯ. И вот он кричит нам: «Не верю! Не верю! Перерыв пять минут», и по новой начали! Третий прогон. Мы там на разрыв аорты! А-ор-ты-ы!!! На разрыв работаем! А он прогон

еще один ставит! У нас уже все аорты кончились! Разорвались! Аорты у нас… А он прогон… Сука… И я работала же! Работала! Но! Не дал бог внешности, видишь вон че… какая я… Клювдия и в Африке — Клювдия…

ДРАМЧИК. А в миру вы как?

КЛЮВДИЯ. Напиток греется, наливай скорее новую.

ДРАМЧИК. Это мы сейчас…

КЛЮВДИЯ. *(Покусывает колбасу).* Клавдия меня зовут… Мама — Клавой звала… Так что в моем положении лучше Клювдией быть… Сам понимаешь. Налепили бы детки погоняльце свое на меня… меня не спрашивая. А так я хоть привыкла. Что… Вздрогнули, Валерий…

ДРАМЧИК. Аврелий я.

КЛЮВДИЯ. Да-да… *(Выпивает.)* …Аврельчик! Видишь, какие мы похожие. По несчастью, так сказать, именин… Что ж, не дал бог красоты, и парней не было… Ну, и ролей тоже. Я на разрыв аорты, вот не поверишь, а роль не мне дают! Так! Плюнула, взбесилась как-то… Одной «принцессе» волосы выдрала… Я не психованная, нет. Просто она меня выбесила! Ну и ушла… Мыкалась, мыкалась… И вот я здесь! 17 лет уж как! И вот… могла ли я себе такое представить, что… А вот зато теперь тут с тобой сижу! Вот могла бы я подумать, что — здесь! Вот… Вот здесь, Валерий, я вас встречу? А?

ДРАМЧИК. Аврелий я.

КЛЮВДИЯ. Аврелий, да… Вот разве могла я, а?! Представить, что такого известного автора встречу вот тут вот, а?! Ну, вот скажи, могла ли я…

ДРАМЧИК. Сейчас по третьему кругу пойдете уже.

КЛЮВДИЯ. А и пойду! И скажу! Я в своем — драм-сарае таких встретить не могла бы! А тут… могла ли я представить, что…

ДРАМЧИК. Да вы моего и не читали ничего.

КЛЮВДИЯ. Не читала. Правда. Признаюсь и каюсь! Но я в вас верю! Можно на «ты»?

ДРАМЧИК. Конечно.

КЛЮВДИЯ. Но, я в тебя верю! Ничего не зная, ничего не знаю — верю! Вот, да. Верю и все. Ну вот есть в тебе это… Валерик… Есть!

ДРАМЧИК. А черт с ним… Валерик, Валерик… Еще по одной?

КЛЮВДИЯ. Разумеется! Но вот разве могла я подумать, что там ни шиша, а тут — Аврелий! Сам! И передо мной…

Аврелий уже разлил, поэтому Клювдия тут же выпила.

КЛЮВДИЯ. И как вот тебя сюда занесло? Почему — ты?

ДРАМЧИК. Да история такая… друг попросил. Натолкнул на мысль, так сказать. Рассказал про ребят…

КЛЮВДИЯ. Хороший друг? За него надо выпить!

ДРАМЧИК. Выпьем. Позже… Он ведь, как друг. Такой друг, что… Он, вроде, и был, а вроде, и не был. Но поддерживал меня, когда я из искусства ушёл. Я же сам ушел из… Больше ведь не пишу. Не собирался… А тут… звонит… просьба такая… Рассказал, что у ребят каких-то сорвалось что-то…

КЛЮВДИЯ. Эти-то двое? Да-а-а… У нас конкурс был… Они там провалились. Сами все делали, все сами сочиняли, молодцы, конечно, большие. Но, неоцененные! Что ты! Такой скандал был… Они мир будущего показали. Ну скажу… Я такого и в драм-сарае не видела. Короче, обосрались они по полной.

ДРАМЧИК. Вот и мне так сказал… он. И вот я здесь! Помогу чем смогу.

КЛЮВДИЯ. А сыграть у них получится. Ты только им че-нибудь современное напиши. Актуальное… Чтоб сели эти все… Увидели, и такие — ба-а-а… Это ж про нас! Правда жизни матка. А?! Сможешь.

ДРАМЧИК. Конечно… Пригляжусь, посмотрю тут, че как у вас.
КЛЮВДИЯ. Я про это и сама расскажу… Спроси, скажу… Вот спроси!
ДРАМЧИК. Так это… че у вас тут… как…
КЛЮВДИЯ. А ты сам почему ушел из искусства? Прости, перебила. Че ушел-то? Не пишешь? Или не ставят.
ДРАМЧИК. Да я… как бы сказать… Достало на хер… Все вот эти… Вранье вот это… шушуканье, говнометашки… Куда ни приедешь, куда ни придешь… а про тебя уже столько всего сказали… И наркоман, и бабник, и алкаш… Хотя алкаш — ладно! Но наркотики?!! Я же никогда не употреблял! Не курил даже!
КЛЮВДИЯ. *(Шепотом).* А я думала, вы все там под этим.
ДРАМЧИК. Да, все так думают, но нет! Это же — дорого…
КЛЮВДИЯ. А-а-а… Поняла…
ДРАМЧИК. Порой даже обидно. Обидно, что я и половины того, что говорят про меня, не делал. А я бы так хотел все это сделать! И вот, знаешь, и ту бы хотел, и эту… Да фиг кто даст ведь… А в глаза-то, конечно, улыбаются.
КЛЮВДИЯ. Ой, Валерик, так и у нас все так же! Что ты! Конкурсы, фестивали, награды вон… видишь, висят. Думаешь, одной прекрасной игрой все занято? Не-е-е-е-ет… Если обратишь внимание, там награды до 13 года… а потом нет. Думаешь, играть перестали? На фестивали не ездим? Что ты! На разрыв аорты все! На сопротивление выходят! Предлагаемые обстоятельства! Но… Председатель жюри теперь не из наших. Так! Пролетаем, как… доска-то эта… над Парижем… А раньше каждый год призы брали. Вот тебе — правда, Валера!
ДРАМЧИК. И все всё знают.
КЛЮВДИЯ. Так конечно! Что ты думаешь, мы тупые все… Валера-а-а! Ну это ж жизнь! Вот такая продажная, скотская жизнь! Валер… Наливай! …Скотская жизнь. И дети в мир этот скотский, сами не зная того, уже сразу попадают. Вот и вырастают, кто кем и кто как! Что ты… А эта меня бесит тоже… По МХК — Светлана… Раньше на все сборы я ездила. Как за культуру ответственная… И за границу тоже, даже… Валер… Ездила, правда… Беларусь, Казахстан… но я съездила и съездила… Побыла да забыла. А тут у нас… значит, курсы что ли… В Англию были. Ну, кто поедет туда? Конечно, я! Лучшая школа в районе! И честь, надо не то что поди ж там школы одной… Района всего! Ну, и все! Правда, я об этом не ходила не кричала на каждом углу. Мне-то зачем?! И тут представляешь че? Заболела я! Валера-а-а-а… Ой. Аврелий же ты?! Точно! А я путаю! В общем… Заболела я! Аврели-и-ий… И послали вместо меня Светлану эту… А она… Она вот, как сказать, тихуша такая была. Воспитанная, добрая… Никогда б не подумала, что тварь такая. Так че ты думаешь, съездила в Англию. Вовзвертается! Ба-а-а-а! Такая фифа стала! На каждом собрании теперь встанет и че-то говорит, дескать, мол, вот у нас говно, а вот у них там… что ты! Роскошь! И все… Пуп земли теперь! А я сижу смотрю на нее и думаю… Ну вот че — «Ты»?!! Кто ты вообще такая?! Я должна была в Англию ехать! Вот — Я, а не — Ты! Но и то… Аврельчик, я бы съездила, я бы и забыла! А у нее… Одни фотки из Англии в сети теперь. Будто в России и не жила она никогда…
ДРАМЧИК. У-у-у-у… это вас так надолго не хватит. Теряем бойца.
КЛЮВДИЯ. Кого это? Че это, не хватит… Да еще постою… Ты не переживай.

Клювдия достаёт вторую бутылку, ставит на стол.

КЛЮВДИЯ. Или куда-то торопишься?
ДРАМЧИК. Я? Нет. Теперь уже — нет.
КЛЮВДИЯ. Да-а-а… Англия-Англия… Лондон-Лондон… Вот сейчас посмотрим: *(говорит с напевом)* «кто же из нас первый упадет».

Картина пятнадцатая

1995… Эпоха видеокассет. Во дворе частного дома Сергея. Сергей выводит из дома связанного Альберта за поводок. На шее у Альберта ошейник, а во рту кляп.

СЕРГЕЙ. Пойдем, пойдем, собачка… Пошли…

Сергей подводит Альберта к конуре.

СЕРГЕЙ. На место! Ну?!

Альберт стоит, мотает головой, пытается что-то сказать.

СЕРГЕЙ. Не слушаешься че-то? Посмотрите на него. А так? *(Пинает со всей силы Альберта по ногам.)* А так слушаемся?!!

Альберт встает на колени.

СЕРГЕЙ. Еще хочешь?! На место, я сказал!

Альберт стоит на четвереньках, но не двигается с места. Мычит надрывается.

СЕРГЕЙ. Что? Ну что ты мне хочешь сказать? Тебя искать будут, да? Расул тебя ищет? Обыскались всего? Ага? И я сам себе смертный приговор подписал? Я догадался? Только мне срать, че ты там пытаешься мычать. Место! Залез в конуру свою… Ты у меня неделю жрать не будешь, если не залезешь щас.

Альберт подчиняется, залазит внутрь конуры. Сергей прикрепляет к ошейнику толстую цепь, застегивает ее не менее толстым замком.

СЕРГЕЙ. А теперь хочу сюрприз тебе сделать. Ну, это к нашему разговору сейчас. На вот…

Сергей достает кассетный диктофон. Показывает Альберту.

СЕРГЕЙ. Внимательно слушай.

Сергей включает кнопку «плэй», из динамика доносятся голоса. Голос Сергея и Расула.

ГОЛОС РАСУЛА. Здравствуй, дорогой… Скажи, где Альберт пропадает? Не видел его…
ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да с прошлой недели не видел. А что случилось?
ГОЛОС РАСУЛА. Пропал, найти не можем… Он к вам не приходил? Он к вам собирался.
ГОЛОС СЕРГЕЯ. Приходил и ушел…
ГОЛОС РАСУЛА. Что говорил? Ничего не сказал?
ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да особо нет, Расул… Разве только…
ГОЛОС РАСУЛА. Говори.
ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да нет, ничего… не может же он… Я ошибаюсь. Найдется, наверно, скоро. Сам объявится. Что с ним может случиться, Расул.
ГОЛОС РАСУЛА. Ты почему не отвечаешь? Говори, если есть что сказать… Не бойся, ничего тебе не сделаю…

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Была одна тема…. У меня денег не было. Я ему партию кроссовок по дешевке отгрузил. Только тупанул я… Партия импортная, дороже по цене оказалась. А я отдал и только потом узнал. Хотел Альберта попросить, чтобы он… Ну вот… Рассказал ему, а он ниче не ответил… И больше так и не видел.
ГОЛОС РАСУЛА. Насколько партия больше? Разница какая?
ГОЛОС СЕРГЕЯ. Отдал за 7… а реальная цена… 70…
ГОЛОС РАСУЛА. Что? Что это за обувь?
ГОЛОС СЕРГЕЯ. «КапКоо»… с аллигаторовой кожи вставки…
ГОЛОС РАСУЛА. «КапКоо» говоришь? Да… Хорошая обувь… Элитная. Слышал я про такую… Понятно теперь, куда гаденыш делся. Забрал бабки и свалил.
ГОЛОС СЕРГЕЯ. И что ему теперь за это будет?
ГОЛОС РАСУЛА. Правильный пацан так бы не поступил. Если кто-то из наших быстрее меня узнал, наверно, сам и порешил его. И правильно сделал… А если нет… Появится, я сам его на перо насажу.

Сергей выключает диктофон.

СЕРГЕЙ. Все слышал, Мухтар? Не придет никто за тобой. Не заберут тебя… И ниче ты не сделаешь. Оглянись… Как ты говорил, эта земля вся твоя. Так вот… Смотри лучше теперь. Видишь? Это твой мир! Привыкай!

Картина шестнадцатая

Лиза и Мелкий на одной из самых обычных крыш старой многоэтажки. Лежат голова к голове и смотрят на небо.

МЕЛКИЙ. А я всегда думал, что тебе нравятся только плохие парни.
ЛИЗА. И че? Смотря же что ты имеешь в виду под — «плохими».
МЕЛКИЙ. Не знаю… Крутые, типа… Неправильные…
ЛИЗА. А ты дофига такой, да? Правильный…
МЕЛКИЙ. Я же не крутой.
ЛИЗА. Да блин! Плохой парень — это же в смысле… не такой, которого я на крышу позову, а он скажет, что его мама не отпустит. Плохой — это не значит, что он будет ругаться, там… или бить тебя… А тот, кто не будет думать, соглашаться или нет куда-нить с тобой свалить. Ты же не станешь думать? Что молчишь?
МЕЛКИЙ. Я думаю…
ЛИЗА. Говнюк!
МЕЛКИЙ. Я с тобой и так на этой крыше…
ЛИЗА. Поэтому и я с тобой… Я должна тебе сказать это. Вслух сказать… должна.
МЕЛКИЙ. Так говори, раз должна.
ЛИЗА. Я не хочу с тобой играть.
МЕЛКИЙ. Играть? А что ты тогда хочешь?
ЛИЗА. Не знаю. Просто лежать тут, а ты мне будешь рассказывать про свое человеческое будущее. Я вот, например, не поняла… Как там так, что совсем не будет денег? А как все жить будут? Зачем будут работать? Такого же не может быть? На это никто не согласится…
МЕЛКИЙ. Так, по идее, они же просто бумажки. Никак не отражают твой труд. Только если понты: «У меня больше денег, у меня круче тачка». А если такую тачку сможет взять себе каждый, то понтов уже не останется. Все будут равны. Конечно, такие останутся, которые понтоваться любят, но они не будут так сильно доставать…

ЛИЗА. Это невозможно. Ты что, попросишь всех отказаться от того, что они заработали?

МЕЛКИЙ. Если мы говорим про достаток в семье, то от этого не надо будет отказываться. А богатство — это власть над другими. Такие не смирятся с тем, что перед ними унижаться перестанут. Но если от них все-все откажутся, то они быстро поймут, что они такие же обычные люди.

ЛИЗА. Хм… И как ты это себе представляешь все?

МЕЛКИЙ. Надо сломать систему мышления. Раньше я за выборы топил, думал, что это хоть что-то изменит, а сейчас понял, что… ничего бы так и не поменялось. Нового ничего ни один кандидат не придумал. От смены правления мы все равно не добьемся лучшего. Нужен новый план.

ЛИЗА. Он у тебя есть?

МЕЛКИЙ. Обижаешь! Есть мысль, как все устроить.

ЛИЗА. Мне реально интересно… Делись инфой!

МЕЛКИЙ. Сперва объявим о частичной отмене частной собственности и полностью откажемся от накопления денег у населения.

ЛИЗА. Тебя за это убьют, придурок.

МЕЛКИЙ. Я сделаю предложение, от которого никто не откажется.

ЛИЗА. Ты че, хочешь стать президентом?

МЕЛКИЙ. Не, в будущем не будет президента никакого. Будет бюро законодательства. Но это потом…

ЛИЗА. И какое это предложение?

МЕЛКИЙ. Вот представь, что тебе, платят з/п каждый день. Каждый день по… по тридцахе, допустим. И так платят каждому, кто работает, на любой работе. От летчика до дворника.

ЛИЗА. Это несправедливо! Летчик должен получать больше!

МЕЛКИЙ. А почему не дворник? Так-то мести улицы, под дождем, да еще каждое утро, это тоже не каждый сможет. Да и прикинь, если б у дворника з/п была бы как у летчика. Представь, какие бы тогда были чистые улицы! А ведь, может, каждый дворник, не руками бы мел, а на специальной технике ездил… Мысли шире, короче…

ЛИЗА. Ладно, ладно… Че дальше? Получают по тридцахе в день и…

МЕЛКИЙ. Но эту тридцаху ты можешь потратить только сегодня. На все что угодно. Но, например, сегодня ты потратила 25, а может, вообще из дома не выходила и потратила 10…

ЛИЗА. Как я, из дома не выходя, потрачу 10?

МЕЛКИЙ. По инету доставку еды сделала и сидела в телик пялилась.

ЛИЗА. А! Ну такое…

МЕЛКИЙ. Так вот, неважно, сколько ты потратишь, но ночью весь остаток сгорает, и тебе снова начисляют тридцаху. Каждый день по тридцахе, но остаток ты не можешь накопить и себе оставить, и он улетает на счет всего государства. Че? Прикольно было б так жить?

ЛИЗА. Так-то да. Прикольно.

МЕЛКИЙ. А прикол еще в том, что ты не сможешь покупать машины, самолеты или дома. Но ты в любой момент сможешь брать их в аренду. Вот надо тебе на рыбалку, заказываешь себе джип и лодку в аренду. Отдал там, например, пять «касов». Съездил порыбачил, и все… Больше тебе джип на другие дни не нужен! А завтра ты хочешь отметить днюху и берешь в аренду лимузин. Так же и с квартирами. Все квартиры в аренду. Каждый день по полтора каса, например. А если хочешь дом, то… там все 10 за него. А если у тебя семья, то у вас на двоих уже не тридцаха, а шестьдесят, и вы можете арендовать квартиру больше. А когда появится ребенок, то ему на вашу карту будут прилетать деньги до тех пор, пока не исполнится 18.

ЛИЗА. Офигеть! Ты сам это придумал?!!

МЕЛКИЙ. Будет, конечно, система штрафов за прогулы или там раз в год премия, за заслуги. Если премия, то тебе в течение месяца на карту в два раза больше капать будет. Но это только раз в году.

ЛИЗА. Прикольно… Я уже хочу там жить.
МЕЛКИЙ. Я же говорил, что оно заебатое.
ЛИЗА. Капзда просто…
МЕЛКИЙ. Рано или поздно к такому все равно придут. Вот увидишь.
ЛИЗА. Тебе все равно не поверят.
МЕЛКИЙ. Я знаю. Рассказывая это другим сейчас, это все равно что в 19 веке рассказать крестьянину, что у каждого свет будет, вода, и пахать с утра до ночи не надо. И что в принципе ты так-то свободный. Или князю рассказать, что родовых сословий не будет. Они бы тоже не поверили. Для них это фантастика. Только… Даже если все будет, как я думаю… счастливыми это всех не сделает. Люди будут любить, предавать, обманывать, страдать… Это просто будут другие законы, другие правила… но мир останется такой же.
ЛИЗА. Да… и задница будет затекать, когда на железке сидишь.

Лиза поднимается, встаёт, отряхивается.

ЛИЗА. Хватит лежать, погнали…
МЕЛКИЙ. Щас еще подумаю.
ЛИЗА. Про че ты думаешь опять?
МЕЛКИЙ. Думаю, что… Я считал тебя шкурой какой-то, а ты такая нормальная.
ЛИЗА. Сказала же — играть больше не хочу. Я просто себя раньше искала. Давай руку. Поднимайся…
МЕЛКИЙ. *(Поднимается).* И че, нашла? *(Пауза.)* Что молчишь?
ЛИЗА. *(Улыбается).* Кто последний спустится с крыши… тот лох!

Лиза срывается с места и бежит. Мельников смеется и бежит за ней.

Картина семнадцатая

Квартира Марка. Светят лампы синего и красного цвета. Аврелий лежит на диване в максимально комфортном состоянии. Книги и ноутбук на прикроватном столике.

МАРК. Круто, круто, круто, круто… Ты видел? Ты же видел, как она позвонила.
ДРАМЧИК. Я слышал.
МАРК. Звук летал по комнате, видел?
ДРАМЧИК. Я смотрел на море.
МАРК. Я не верю, что это происходит. Она позвонила сама… Сказала, что… Вот че она звонила? Не просто же так? Скажи, значит, есть же что-то между…
ДРАМЧИК. Считай, что сделал запрос в космос, и он быстро пришел в адрес. Тут все возможно.
МАРК. Так это судьба? Надо было выбирать ее, да?
ДРАМЧИК. Ты этого никогда не узнаешь. Ты не выбрал ее… Я же говорил.
МАРК. Она позвонила. Она сама позвонила… Я хочу тут остаться. Я хочу тут остаться… Как меня прет-то здесь.
ДРАМЧИК. Чувствуешь, да… Ты состоялся… Уже произошёл. Ты и так здесь.
МАРК. А че ещё можно намутить здесь? Чтобы не отпускало?
ДРАМЧИК. Лучше не надо… Полежи немного…
МАРК. Да не хочу я лежать! Я хочу… Я хочу, чтоб она опять позвонила! Понимаешь? Блин, почему мне так весело, а ты лежишь весь такой… внимательный. Тебя че так не расслабляет.

ДРАМЧИК. Да мне нормально, нормально… Я лежу в максимально комфортном состоянии… Залипаю за море… Мне нормально.
МАРК. Как это все можно понять, а? У меня столько всего… столько эмоций… Я недавно страдал, а сейчас… так спокойно… радостно что ли. Как это состояние называется?
ДРАМЧИК. Ждешь, когда что-нибудь откроется? Ты сам это должен открыть.
МАРК. Что-открывать-то?
ДРАМЧИК. Вопрос себе задай. Любой.
МАРК. Почему она позвонила?
ДРАМЧИК. Теперь отвечай.
МАРК. Потому что… она спросила, про… мой статус в сети поменялся. Она че, следит? А у самой… У нее тоже статус… Я же видел… А сама звонит мне. Блин, Аврелий, где правда?
ДРАМЧИК. Здесь… Тебе про правду рассказать? Серьезно?
МАРК. Да, блин, я понять хочу, че она звонила. Понимаешь? Да че тебя такие темы не волнуют? Почему у тебя ниче не происходит? Ты всегда спокойный… Ты че, не страдаешь?
ДРАМЧИК. Еще как страдаю. Еще как люблю. Только не так, как ты… Я по-другому смотрю на это.
МАРК. И как ты это делаешь?
ДРАМЧИК. Это так сложно понять… Просто… однажды до меня дошло, что хороших нет и плохих нет. Все, в сущности, одинаковые. Все творят херню. И че-то доброе. Все врут. Все развлекаются… они просто все такие, как есть… Пусть делают че хотят. И если ты встретил кого-то, а он до тебя делал вот так, то он и при тебе так будет делать… И раз уж он тебе таким нравится, то и не возникай. Принимай его… Все равно ты на это не повлияешь. Там, только через время, может… Через время возьмет и позвонит. Нас так создали, чтобы мы менялись, оставаясь такими же…
МАРК. Че ты несёшь вообще?
ДРАМЧИК. Что люди ничего не придумали. Все говорят, вот эти порядки, моральные устои, всё придумали сами… А в Африке до сих пор голые бегают… И понятие добра и зла придумали тоже мы. Я открою тебе маленький секрет. Люди ничего не придумали… Как только взорвалась первая звезда… Всё, что мы знаем, появилось сразу. Любовь, ненависть, добро, зло. Нас еще не было, а это все уже было. И когда нас не будет, все это останется.
МАРК. Всё останется? Вообще всё?
ДРАМЧИК. Да… Всё произошло сразу. Всё в один миг.
МАРК. Всё в один миг?
ДРАМЧИК. Вообще — всё. Прикинь.

Картина восемнадцатая

Ночь. Наши дни. По пустырю идут двое. Тишина. Ночь… Вдалеке виднеются огни города.

СЕРГЕЙ. Да не скули ты так! Псина скуливая… Че ты воешь все? Сказал же, ниче не сделаю…

Альберт мычит, пытается что-то сказать.

СЕРГЕЙ. Вот и всё… Нет больше ни твоего Расула, ни твоих братков… Никого не осталось. А ты ещё дышишь. Если б не я, кто знает, когда бы тебя кончили… Я бы оставил тебя у нас… Да ты надоел всем. Жрёшь да срёшь. Толку от тебя мало… Поэтому… Ну че. В принципе, пришли. Что, хозяин жизни, готов?

Альберт начинает выть, падает в ноги Сергею. Обнимает их.

СЕРГЕЙ. Да всё, всё, отстань! Свободен ты! Свободен! Беги отсюда. Куда хочешь беги. Если за мной побежишь, прострелю ноги. Потом не побежишь, а поползешь.

Сергей уходит, оставляя Альберта одного. Одного — так… Так что «совсем».

Картина девятнадцатая

Квартира Марка. Светят лампы синего и красного цвета, разложенный диван, кресло, книги, ноутбук на прикроватном столике, идеальная чистота.

ЛИЗА. Я больше не приду.
МАРК. Что?
ЛИЗА. Прости… я больше не хочу приходить.
МАРК. Что случилось?
ЛИЗА. Ничего. Мне надоело играть. Играть в эту игру с тобой.
МАРК. Не понимаю… Ты уходишь от меня? К другому психологу? Или ты уходишь от…
ЛИЗА. Я ухожу ни к кому, я ухожу от тебя, Марк. Я больше не приду.
МАРК. Подожди… Ты не можешь вот так просто уйти.
ЛИЗА. Почему?
МАРК. Потому что! Мы не закончили… Твои проблемы остались не…
ЛИЗА. Марк. Послушай… Не было никаких проблем.
МАРК. ?!!
ЛИЗА. Я все выдумала. Ничего из того, что я рассказывала, не было.
МАРК. Как так?
ЛИЗА. Вот так… Мой отец не бандит из 90-х. Он честный коммерсант из 90-х. Он не мечтал о мотоцикле. У меня не было никаких мужиков… Всё, о чём я рассказывала… Ничего не было.
МАРК. В смысле?! Лиза, ты сейчас это серьезно?! Ты…
ЛИЗА. Прости.
МАРК. У тебя не было никого?
ЛИЗА. Да, Марк, это так… Я ни с кем не спала. Никогда.
МАРК. Я не понимаю… Зачем?! Зачем ты это всё?
ЛИЗА. Надоело врать, решила сказать правду. Прости, что притворялась.
МАРК. Ты кого-то встретила?
ЛИЗА. Нет. Но успокойся. Я не стану малолетней проституткой. И спать я ни с кем не собираюсь. Я поиграла в это… мне не особо понравилось. Поэтому… Спасибо тебе. На этом всё.

Пауза.

ЛИЗА. Что молчишь?
МАРК. Не знаю… а что сказать?
ЛИЗА. Всё будет хорошо.
МАРК. Ты сумасшедшая реально. Не понимаю, как тебе удалось… Даже сейчас не понимаю, верю я тебе или нет. Это жестоко… Выходит, я совсем не разбираюсь в людях.
ЛИЗА. Может быть…
МАРК. Блин! Да как так это получилось? Можешь ответить на один вопрос? Почему?
ЛИЗА. Мне было скучно…
МАРК. Ты издеваешься?! «Скучно»?!!

ЛИЗА. У меня скоро ЕГЭ. Я думала, на кого хочу поступить. И решила, что на психолога было бы круто. И я решила посмотреть, смогу или нет. Пришла к тебе. Ты был таким умным. Всё про всё знал. Раскладывал по полочкам. Я подумала, смогу ли обмануть тебя. Это оказалось просто. Даже сама во всё это верила. А потом ты мне понравился. Думала, что-то получится, а не получилось. Я такая дура, как вспомню, что лезла к тебе…
МАРК. Ага. Да пожалуйста. Я не сплю с клиентами, ты знаешь. Подожди… Это сейчас не ради того, чтобы…
ЛИЗА. Нет. Честно, не ради этого. Я просто ухожу.
МАРК. Всё просто. Как жизнь. И что теперь? Вот так вот и всё?
ЛИЗА. Думаю, ты сам разберешься с этим. Ты же специалист.
МАРК. Это провал…
ЛИЗА. У тебя же есть ещё клиентки. Прими это как новый опыт. Так сильно не расстраивайся.
МАРК. Да я и не расстраиваюсь. Просто это… Кабздец. Когда ты пришла сюда первый раз. Начала рассказывать про свои похождения. Я подумал, что тебе не повезло, не встретила ты нормального человека. Что тебе одни уроды попадались… И… Я за тебя, как ни за кого больше, так сильно переживал. Даже за близких так не парился, как за тебя.
ЛИЗА. Все не так. Не было никаких уродов.
МАРК. Лучше бы они были…
ЛИЗА. Да все хорошо, Марк. Спасибо, что ты парился… Но не надо было. Больше не парься. Всё хорошо.
МАРК. Угу… Прямо счастливый конец. И теперь ты уйдешь?
ЛИЗА. Ага.
МАРК. Хорошо… Общаться мы не будем, я так понимаю. Но… Можешь обращаться ко мне за любой помощью.
ЛИЗА. Хорошо. Я запомню… Тогда пока?

Лиза уходит.

Картина двадцатая

На стенах все те же пожелтевшие афиши, нарисованные от руки на обычных ватманах. Пара дощечек с надписями «Диплом», «Грамота», «Участникам», «Награждается», прибиты в ряд на ржавые гвозди. А за столом Клювдия и Аврелий. Уже в изрядном состоянии.

КЛЮВДИЯ. Вот так и живём… Нам говорят, девчонки, уважаемые педагоги, вот скоро выборы… И! Будут путевки в Сочи… Но! Поедут только те! Только… Те! Кто — не против. Понимаешь?! Кто не против… В кавычках. Кто не против. Такая метафора! Аврелич! Слышал?
ДРАМЧИК. Слышу!
КЛЮВДИЯ. Напиши правду жизни! Напиши, напиши! Я тебе еще столько расскажу.
ДРАМЧИК. Хорошо.
КЛЮВДИЯ. Хорошо с тобой, Аврельчик… Вот поговорить. С творческим человеком всегда приятно! Не то что… С нашими… Нетворческими… А с тобой… Аврели-и-и-и-ий!!!
ДРАМЧИК. А я творческий?
КЛЮВДИЯ. Творческий!
ДРАМЧИК. А я ненавижу всю эту творческую… творчество… Творческих людей — не люблю!
КЛЮВДИЯ. Тю-у-у-у… Ты, чего ты?

ДРАМЧИК. Творческие-творческие… А чем лучше нетворческих они?!! Творческие люди, как я вас всех… Вот… Нет, как к людям я нормально. Они умны-ы-е… Образованные… Начитанные… Всякой херни начитаются… И ходят! Ладно эти еще… Кто известный. Они ладно… А остальные?!! Триллион никому не известных. Че вы сюда ходите? Че вы все о себе думаете? Высококультурные такие, моральные, одухотворенные… А нутро-то! Стоят они такие, например, на кассе, и не то отбили им или наклейку не дали, а они «задерживаются», «опаздывают» и начинают тут «качать»! Вот, дескать, что такое, почему так плохо работаете, безобразие… Они, видите ли, выше кассирши обычной. По рангу, по статусу. Самому жрать нече, с голоду пухнет, раз в год нормальный гонорар получит, на корпоративе выступит… и тут — начинает орать! Не обслужили его, «труженика»! А ты попробуй сам за кассой поработать, с 10 до 10. Но нет, что вы! Это же работа для неучей, для быдла… А он артист, он не быдло! Сам одет в че попало из секонд хенда… волосы отрастил, шарф навязал… Богема оне! И такой — че-е-е-е? Че так плохо работаете?! Книгу жалоб, я щас там все напишу — как белых людей обслуживать, как таких «высоких» потребителей обхаживать… Ты, блин, на работу устройся нормальную! Ну, должен же ты работать уметь! Нет! Принципиальные они! Творческие!

КЛЮВДИЯ. Алервьян! Я не поняла. Ты чего?

ДРАМЧИК. Искусства нет, давно! Все маркетинг! Спектаклей нет! Все — репосты! В сети друзей под тыщу, а проголосовать попросишь кого, что ты, блин, фи-и-и… я не голосую, я таким не занимаюсь, принципиально! Или вообще в сети не сижу! Не нравится там… Там — зло! Сраный лайк поставить — некогда им…

КЛЮВДИЯ. Поэтому ушел из искусства?!

ДРАМЧИК. По ряду причин! По ряду!

КЛЮВДИЯ. Перечисли!

ДРАМЧИК. Актеры — уроды! Играют не то, что пишут. Играют и думают, что они лучше, чем я, на сцене за секунду текст сочиняют. А я месяц строчку писал! Режиссеры — уроды! Напишешь, а они ставят. Так, как я написал! А денег больше получит! Спрашивается, за что?!! За то, что поставил, как я написал?!! Критики — уроды! Режиссер поставит, спектакль нравится, актеры молодцы, все огонь… А к тексту вопросы?! За что?!!

И че бесит-то… Они ж еще… Все в политике разбираются! Что ты! Там воруют, там убивают, тут пытают! И их всех каждого «душат». А они все за свободу слова! Хотят говорить, что думают, и никого не бояться! А тоже ведь… они все очень важные, их всех обязательно «органы» прослушивают. Что вы! Пристально следят! И такой беспредел везде, такой беспредел… Но! Если только, не дай бог, какая сука «продажная» власть похвалит, то всё… Сожрут! А за что?!! За то, что думает не так, как они! Ведь если ты не думаешь, как мы, — значит ты — не мы! Значит, тебе мозг промыли! Значит, ты ещё хуже — ТЕЛЕВИЗОР смотришь! А телевизор смотреть нельзя. Телевизор из творческого человека делает быдло! Клювдия, вы телевизор смотрите?

КЛЮВДИЯ. Смотрю…

ДРАМЧИК. Поэтому ваше место здесь! Уж извините! Я вот не смотрю… даже если сильно хочется… Даже если шаурму на вокзале заказываю, а там в зале телик работает, я специально глаза прячу. Не дай бог, не дай бог… За мной же тоже следят… А вдруг сдадут? Я тогда быдлом стану. А хочется, знаете ли, ещё немного белым человеком побыть… интеллигентным… Я поэтому из искусства ушёл… Что боюсь ошибиться. Не то написать. Вдруг похвалю не то, что надо… Я, честно говоря, в политике не очень. Да и вообще жизнью доволен. Мне всё нравится… Представьте только, что-нибудь позитивное напишу. И тут меня сразу… Меня сразу…

КЛЮВДИЯ. О-о-о… теряем бойца.

ДРАМЧИК. Чего? Да я еще…

Шатаясь, встаёт изо стола.

ДРАМЧИК. Да я…

И падает на пол.

КЛЮВДИЯ. М-да… Вот это всплеск! Может, правда что-то хорошее напишет… Лишь бы не наблевал.

Картина двадцать первая

Мусорные баки на улице. Рядом на коробках спит бомж. Мельников появляется с огромным дорожным чемоданом. За ним идёт Лиза.

ЛИЗА. Да дурак, ты че делаешь? Куда ты это понёс?
МЕЛКИЙ. Они нам не поверили! Они над нами ржали, как над дебилами…
ЛИЗА. Да и забей!
МЕЛКИЙ. Да мне не обидно… Я просто понял, что я не смогу никого убедить, если сам не начну с себя!
ЛИЗА. Да что ты, блин, делаешь? Скажи, что ты задумал?
МЕЛКИЙ. Поделюсь своими вещами с тем, кто нуждается. Вон, одену хотя бы бездомного.
ЛИЗА. От него же воняет… Не надо! Вдруг он болеет чем-то?
МЕЛКИЙ. Тем паче, че! Ему помогу… он такой же человек, как мы… Простите…

Мельников подходит к бомжу, толкает его в плечо.

МЕЛКИЙ. Здравствуйте.
БОМЖ. М?
МЕЛКИЙ. У меня есть теплые вещи. И еще вот… есть немного денег.
ЛИЗА. Да отстань ты от него.
МЕЛКИЙ. Вам помощь нужна?
БОМЖ. М-м-м???
ЛИЗА. А когда я тебя сбила на машине, он тебя ко мне в машину затаскивал. Потом вся машина провоняла.
МЕЛКИЙ. Так мы даже знакомы с ним? Вот… *(Открывает сумку, достает вещи.)* Тут теплое… Свитера… Футболки… Еще фонарик есть… Берите, вам пригодится.
БОМЖ. М? *(Смотрит на вещи, берет свитер, разглядывает.)* М-м-м…
ЛИЗА. Ты же мелкий, он ему маленький!
МЕЛКИЙ. Всё равно берите. Вы — человек. Просто вам не повезло. Понимаете? Меня Мелкий зовут, а это Лиза. А вас как?
БОМЖ. М?
ЛИЗА. Вообще-то он немой.
БОМЖ. Оубэйт.
МЕЛКИЙ. Оубэйт?
ЛИЗА. Альберт он, наверное…
МЕЛКИЙ. Приятно познакомиться. Хотите, я помогу вам работу найти… начать жизнь заново…
БОМЖ. М?
ЛИЗА. Да отстань ты уже от него! Ты че такой псих?!
МЕЛКИЙ. Я пытаюсь хоть что-то сделать! Поняла?!

ЛИЗА. Слушай… Да, провалились, и провалились с выступлением. Мы новое сделаем! Я своего друга попрошу. У него знакомый есть, крутой сценарист. Я спрошу, он нам поможет. У нас текст крутой будет… А не так, как мы написали… Тогда нас заметят.
МЕЛКИЙ. Я на сцену больше не выйду…
ЛИЗА. Мы ролики снимать будем. С крутым текстом. Со смыслом. У меня раньше был свой канал… но я забросила. Слышишь? Ты рано сдаёшься… Пойдём отсюда.
МЕЛКИЙ. Правда?
ЛИЗА. Да, пойдём… От него жутко воняет.
МЕЛКИЙ. Может, его помыться взять?
ЛИЗА. Ты ему и так денег дал. Он всё равно их… сам всё купит, короче. Пойдём.

Лиза держит Мельникова за руку и тащит за собой. Бомж остается один, начинает разбирать вещи.

Картина двадцать вторая

Квартира Марка. Красная и синяя лампы включены. Аврелий настолько в максимально комфортном положении, что его как будто и нет. Только халат лежит на кушетке.

МАРК. Мне кажется, меня попускает… Руки трясутся, это нормально…
ДРАМЧИК. Нормально…
МАРК. Блин, это проходит… Меня че-то опять трясет. Блин, я про Лизу вспомнил. Нет, нет, нет… Я не хочу Лизу… Давайте вернем Настю… Аврелий, как это сделать? Это можно продлить?
ДРАМЧИК. Можно. Но лучше этого не делать. Поэтому я тебе ничего не говорил.
МАРК. А че можно… У меня есть таблетки… Давай их… Можно же.
ДРАМЧИК. Все можно. Только лучше не надо.
МАРК. Да я немного. Просто чтобы вернуться… Это че-то проходит. Я хочу остаться.
ДРАМЧИК. Смотри сам.
МАРК. Ты не будешь?
ДРАМЧИК. Ты че… Я и так весь вжатый.

Марк роется в каких-то коробках, находит таблетки.

МАРК. Вот эти можно? Посмотри… Можно?
ДРАМЧИК. Да все можно.
МАРК. Сразу все?
ДРАМЧИК. Но лучше этого не делать… И так нормально. Надо поспать постараться.
МАРК. Нет, нет, я хочу вернуть волшебство. Я хочу волшебство. Чтобы — невероятная невероятность.

Марк выдавливает таблетки в ладонь. Набирает почти горсть.

МАРК. Че, я пью?
ДРАМЧИК. Но лучше этого не делать.
МАРК. Ой, ты какой-то безэмоциональный! Все время ржешь, а сейчас какой-то вялый.
ДРАМЧИК. Тебе говорят, я вжатый весь. Мне лучше не двигаться.

Марк кидает всю горсть таблеток в рот. Запивает водой.

МАРК. Отпускает, отпускает, блин… Не хочу… не хочу Лизу… Только не Лизу. Через сколько подействует? Как думаешь? Быстро?

Марк оборачивается и видит, что Аврелия нигде нет.

МАРК. Блин, че такое… Ты че-то куда-то пропал. Это глюки? Или че это? Слышишь… Че-то не то, да?
ДРАМЧИК. *(Появляется из-за спины Марка).* Да все нормально, Марк.
МАРК. Нет, нет, че-то не то… Блин… У меня че-то не то. Аврелий, слышишь. У тебя сейчас так же? Ты это же чувствуешь, или только у меня. Блин… Че со мной? Че со мной?! Я как будто уснул… Мне надо проснуться. Мне надо проснуться… Аврелий…

Красный и синий свет гаснут. Но в комнате так же светло. Марк стоит будто в луче света.

МАРК. Что это?
ДРАМЧИК. Вот и все. Вот теперь ты и здесь. Добро пожаловать, Марк. Твой час пришел.
МАРК. Че? Аврелий, ты че?
ДРАМЧИК. Тебя накрыло… Теперь чувствуешь. Ощущаешь это?
МАРК. О нет… Че происходит?
ДРАМЧИК. Это то самое, Марк. То — самое… Ты состоялся. Ты произошел. Ты случился. Теперь ты всё видишь.
МАРК. Как странно ты говоришь… Это ты?
ДРАМЧИК. Кто — я?

Марк смотрит на Аврелия, который очень сильно улыбается. А затем вообще смеется.

ДРАМЧИК. Марк, что с тобой?
МАРК. Я не знаю. Что со мной…
ДРАМЧИК. Вау, да? Все такое нереальное. Не настоящее, да? Не понимаешь, че происходит. А это и есть мой мир. …и когда случится это с тобой, тебя встретит демон и скажет, что это — все. Ты все поймешь, но испугаешься в этом… признаться. Ибо признать «это» — самое страшное. Мы сыграли в эту игру. Всё закончилось.
МАРК. Нет.
ДРАМЧИК. Да.
МАРК. Что со мной… Я…
ДРАМЧИК. Да… скажи это. Ты-ы-ы-ы… Ну?
МАРК. Я не буду ниче говорить. Мне надо проснуться…
ДРАМЧИК. Хорошо. Оло-ло-ло… Подождём!

Аврелий прыгает на диван, разваливается, закидывает руки за голову.

ДРАМЧИК. У нас куча времени. Я лично никуда не тороплюсь…

Марк стоит на месте, боится пошевелиться.

МАРК. Если я скажу это… Всё кончится?
ДРАМЧИК. Конечно! Сразу! Но можешь не торопиться… Так что думай. Обожаю это лицезреть. И сейчас стоишь такой и вспоминаешь, а где я впервые познакомился с ним? Как он попал в мою жизнь? А что я о нём знаю? Да? И понимаешь, что ничего не знаешь? Думай, Марк…

Вспоминай. Жизнь — лучший драматург. Я твоя жизнь… А теперь ты стоишь и думаешь: О, блин, как он произносит вслух, все, что я думаю. О! Неужели он демон! А-а-а… Дам подсказку, ты здесь с самого начала, как съел конфетку… Или это были таблетки… Или…
МАРК. Да кто ты, блин?
ДРАМЧИК. Да хватит, ты уже все понял. Скажи это, и всё закончится. Давай!
МАРК. Ты меня пугаешь. Мне надо проснуться.
ДРАМЧИК. Ладно… ждем еще… Вода есть, еда есть… Море есть… Я готов здесь еще потусить…
МАРК. Зачем ты это делаешь? Зачем ты это делаешь…
ДРАМЧИК. Что я делаю, Марк? Ты сам сожрал эти таблетки!!! Я говорил тебе — лучше этого не делать!!!

Картина двадцать третья

Лиза и Мелкий в классе. Лиза в чёрном платье, Марк в строгом костюме.

МЕЛКИЙ. Итак, повторим, что мы скажем.
ЛИЗА. «Мы просто хотели, чтоб вы нас услышали… Вы закрывали на нас глаза и не воспринимали всерьез. Теперь мы пришли повторить наш номер. И что-то подсказывает мне, что вы будете чертовски правы, когда решите не перебивать нас».
МЕЛКИЙ. «Иначе вас перебьют наши пушки…»
ЛИЗА. Да… И тут ты достаешь пистолет…
МЕЛКИЙ. Я достану «ствол» и покажу всем… Смотри!

Мелкий вынимает из рюкзака пистолет.

МЕЛКИЙ. Как смотрится?
ЛИЗА. Он что, настоящий?
МЕЛКИЙ. Похоже?
ЛИЗА. Где бы ты его взял, настоящий-то…
МЕЛКИЙ. Он настоящий…
ЛИЗА. Ага, конечно… так я и поверила… Но выглядит очень круто.
МЕЛКИЙ. Теперь они нас выслушают. Теперь обосрутся они, а не мы…
ЛИЗА. Не верю, что мы это сделаем. Прямо на выпускном. Мелкий, ты самый плохой парень из всех, что я знала.
МЕЛКИЙ. А было б круто, если б я мог выстрелить вверх?
ЛИЗА. Наверно… В 9 классе я тоже была в черном платье. Я специально надела траурное. А меня выбрали королевой бала. Прикинь…
МЕЛКИЙ. Все, мы идем… ты готова?
ЛИЗА. Всегда мечтала быть такой.
МЕЛКИЙ. Тебе страшно?
ЛИЗА. Так-то это твой выпускной.
МЕЛКИЙ. Скажи мне, чтоб я не волновался.
ЛИЗА. Не волнуйся! А теперь ты мне скажи…

Мельников делает глубокий вдох, затем выдыхает… и целует Лизу в губы.

ЛИЗА. Вот это ты дал…

МЕЛКИЙ. Подумал, что это тебя успокоит.
ЛИЗА. А раньше ты не мог это сделать? Я думала уже, что тебе не нравлюсь.
МЕЛКИЙ. Всё… Идем…

Они берутся за руки и выходят.

Картина двадцать четвертая

Квартира Марка. Не горят лампы. Не играет музыка. Разбросанные остатки еды и рассыпанные по полу таблетки. В квартиру тихо входят двое полицейских с оружием в руках.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Есть кто дома?
НАПАРНИК. Да по-любому — нет… зачем ты ствол достал? Думаешь, тут бандиты?
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да мало ли… Походу он точно сдох. А вдруг маньяк тут…
НАПАРНИК. Воняет как…
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наряд давай вызовем.
НАПАРНИК. Сейчас сами посмотрим. Мы че, не наряд что ли?
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так мы не по вызову…
НАПАРНИК. Я скажу, что я сосед его…
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Блин! А вот и жмур.

Полицейские видят труп Марка, который лежит на своей кушетке.

НАПАРНИК. Вот придурок, колес обожрался.
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А он кто вообще такой был?
НАПАРНИК. Психолог типа…
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Себе помочь-то не смог… *(Рассматривает лицо Марка.)* Че он принял-то такое? Лицо все перекосило.
НАПАРНИК. *(Наклоняется вниз, подбирает таблетки).* Да походу…

Напарник не успевает договорить, потому что раздался выстрел. В ушах противно зазвенело.

НАПАРНИК. Твою мать! Че это?!
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я машинально.
НАПАРНИК. Что? Что ты сделал?! Ты зачем в голову выстрелил, дебил? Он же жмур и так был!
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Говорю же машинально!
НАПАРНИК. В смысле?!
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Мне показалось, что он шелохнулся… и я, чтобы он…
НАПАРНИК. Чтобы он — «что?» Что он сделал?
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Чтобы в ходячего не обратился.
НАПАРНИК. Че?!
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В ходячих мертвецах… там все люди заражены. И если умирают даже не от укуса, они все равно в ходячих обращаются. Вот он шелохнулся, я и… Машинально…
НАПАРНИК. Ты идиот?! Какие ходячие?
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Мертвецы…
НАПАРНИК. Твою мать… Какой же ты — идиот. Сейчас наряд если приедет, они вместо обдолбыша найдут убитого мужчину выстрелом в голову из табельного оружия! И даже если

мы докажем, что он был уже мертв, то тебе… тебе все равно здесь больше не работать! Ты понимаешь это? А вместе с тобой — и мне! А я только жене в кредит машину подарил. Ты понимаешь? Понимаешь, какой ты задрот!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. И че делать-то?

НАПАРНИК. Я не знаю!

Их разговор прерывает пиликанье домофона.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это че сюда?

НАПАРНИК. Кого еще принесло?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Надо закрыть дверь. Вдруг сюда поднимутся.

НАПАРНИК. Давай…

Полицейский подходит к двери. Домофон продолжает пиликать. Полицейский закрывает дверь. И затем…

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. *(Отвечает в домофон).* Кто?

НАПАРНИК. Че?!!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ой! Я машинально!

НАПАРНИК. Еще и кнопку нажал?

Полицейский разводит руками.

НАПАРНИК. Короче, давай табельное свое! Стирай отпечатки. Бросаем его тут. Валим ко мне, отсиживаемся, потом пишешь рапорт о потере оружия. Там придумаем че-нить… И валим отсюда, валим.

Полицейский так и делает. Стирает отпечатки, бросает оружие на пол и вместе с напарником быстро выходит из квартиры Марка. Через секунду входит Мельников.

МЕЛКИЙ. Марк? Я вам книгу принес… А че у вас так воняет?

Из ветвящегося понимания

Современная феминистская поэзия от журнала «Ф-письмо» (составитель и автор предисловия Галина Рымбу)

В 2017 году в Санкт-Петербурге возник проект «Ф-письмо». Он начинался как открытый семинар, посвященный современной феминистской литературе и теории, объединял (и до сих пор объединяет) всех, кому интересны проблемы феминистской, женской, квир-текстуальности: не только поэто_к и писательн_иц, но и философ_инь, художн_иц, исследовательн_иц современной музыки, театра, искусства. Затем появился онлайн-журнал

«Ф-письмо» на платформе Syg.ma, где публикуются художественные и теоретические тексты, задействующие, проблематизирующие или анализирующие квир- и феминистскую логику письма. Большое внимание уделяется художественным переводам, поскольку для нас важено понимать мировой контекст феминистской литературы, быть в диалоге с ним и не замыкаться ни в каких национальных границах. Также можно сказать, что большинство авторо_к «Ф-письма» объединяет интерес к теории письма, к современной феминистской философии, в диалоге с которой мы работаем. К тому же для нас всех важен пересмотр отношений власти и иерархий в литературе, проблема «стеклянного потолка» в культурных средах и построение горизонтальных институтов.

Автор_ки «Ф-письма» придерживаются самых разных поэтических методов и стратегий: от документального до условно «лирического». Для кого-то больше важны «женская история», «женская субъектность», «женский опыт» и их «вписывание» в литературы, для кого-то — квирность, множественная и номадиче-

ская субъектности, размывание границ идентичностей. Кто-то пишет почти эпические, манифестарные тексты, кто-то работает с микроопытом, повседневностью, тонкими различиями аффектов. Здесь телесность, вписывание новых тел в мир тел нормативных и поиск новых, неконвенциональных языков — точки объединяющие. У Рози Брайдотти, одной из ключевых фигур для феминистской философии, есть замечательное понятие «номады-полиглота» — пишущей авторки, той, которая создает, обнаруживает и осваивает множество «иностранных» языков в родном, выявляет необычность и «чуждость» родного языка, ищет в нем островки свободы, потайные норы, зоны дискомфорта. Мне кажется, что, практикуя ф-письмо, многие из нас в какой-то степени являются такими номадами-полиглот_ками.

Сегодня вернее говорить не феминизм, а феминизмы. Феминистская теория, феминистское движение и культура не гомогенны, и феминизмы бывают разные (квир-феминизм, анархо-феминизм, интерсекциональный феминизм, радикальный, либеральный и т.д.), но тем интереснее поиск общих оснований. Так и практики ф-письма различны по своим методологическим, эстетическим и политическим проявлениям. Поэзия для нас — это та языковая практика, которая всё время избегает «окончательного значения» (напрашивается аналогия с «окончательным решением»). Насилие — это и есть этот мир окончательных решений и значений. Поэзия ищет пути выхода из этого мира, уклоняется от языков вражды, производя другие языковые миры, в которых нет места насилию и угнетению. Насилие тесно связано с опрощением реальности. Авторитаризм в языке, политике, жизненных практиках — это и есть опрощение, сведение множества значений к одному, которое и рождает насилие. Демократизм — это множество тел и языков, борющихся за новый и справедливый мир. Множество голосов феминистской поэзии подлинно демократичны, они не только соединяют социальную критику с поэтическим модусом высказывания, но и собирают множество голосов угнетенных индивидов, среди которых важное место отводится голосам женским. Одна из важных метафор современной феминистской философии и искусства выражается словами «плетение», «связанность» (Сэди Плант). Для письма она также важна: что если посмотреть на феминистское и женское письмо через метафору нити, текстуры, ткани, орнамента, вязи, узора? Во множестве болевых и смысловых узлов (завязывание узла также отсылает к его скрученности, сопротивлению при развязывании), из которых плетётся ткань феминистского поэтического письма, спрятаны зернышки преображения.

В этой подборке присутствуют далеко не все поэт_ки, которых можно связать с практиками феминистского письма. Но это издержки любой публикации ограниченного объёма (надеюсь, это скоро будет исправлено изданием большой антологии ф-письма). Однако её можно считать репрезентативной: здесь представлено несколько поколений феминистского, женского и квир-письма: от Марины Тёмкиной до Насти Денисовой и Елены Костылевой, от Лиды Юсуповой до Лолиты Агамаловой и Фридриха Чернышева.

Люба Макаревская

***

Ехала в метро
слушала голос
Вирджинии Вульф
искала календарь
собственной
менструации

Превращалась
в море
в темноту
в принцессу Диану

/Каждый раз когда
я въезжаю
в тоннель.../

Я немного принцесса
перед жадным
ртом смерти
и немного
одиннадцатилетняя
девочка в конце
августа 1997

Уже невыносимо
изнывающая
в ожидании
любви
Уже начальный опыт
письма
уже начальный опыт
выжигания
слизистой

Уже знающая
круги короткого
черного омута
удовольствия

В приступе желания
лесбийского
гетеросексуального
отодвигающая
слои пораженного
эпидермиса
перед чистым
лицом неба
которого больше
нет.

Инга Шепелева

***

съел товарищ
капли любви ледяной
безыскусный скулит
нет красавицам
нет феминизму
нет ничего
раскусил
маску руки
хрустнул коготь
на сломе гудит
дикий товарищ
открыл тишину
взвился небом широким
к мировому злу
в грудь вцепился
пролетарским огнем
месть мой дикий товарищ
разукрашенный идол
земного блаженства печать
на тебе на всех красных
обещаниях безнадёжных
кумачовых кроватях
холодной любви
кровавого секса
съел кривую плоть
съел раз и два
тот поверженный
исподволь плачет
на локте твоём братском
мохнатом плече твоём нежном
рассветы звенят
мухи во сне революции
отмечать сияние

силой хлопка по спине трудовой
по спине расстояний
кто выжрал гудок
кто нажал заводским ключом
на курок бесконечной грусти
катастрофа в строю
амор катаклизма
нет тишине
нет красавицам
нет феминизму
я истончила его
дикий товарищ вопит
стал ребёнком
в пустом рукаве
в омут закутай
пружина играй
гармонь моя низкая
мама моя
золотая зима

Настя Денисова

*

разрешение
согласие
и благодарность

ужин это приём пищи
селфхарм моё

пожалуйста останьтесь в своих границах

скорее всего на картинке темнота

оставайтесь там

невидимый идёт дождь

скажите поддержка

поддержка разрешение согласие
благодарность

*

мария на терапии
говорит о марии
вопль марии
трава и йога не снимают боль марии
обезболивающее призванное обезболить
марию
само по себе
страна марии

любое названное
забытое слово
потерянное свободное время марии

после всего что произошло
за всё это время
без всякой мысли соприкоснуться
сказать другое
переиначить то

мария выговаривает марию

Станислава Могилева

***

и. ш.

ты на чьей стороне
ты на связи
названным овладеваешь
неназванному принадлежишь
слышишь нас прослушивают сладкие,
сладкие существа,
подселенцы в знакомых героях,
они невидимы, но это они, точно они,
я узнаю́ их по сладкому запаху пота

седлая оружие сжимая оружие бёдрами
украшая оружием запястья и шеи
разрисовывая оружием плечи и икры
перекатывая твердеющие шарики оружия

под смелыми языками вооружая ресницы
и губы
вооружая любые слова пудрясь тротилом
мы несёмся обычным снарядом
босиком по мятежной воде
у любой из нас обе груди на месте
наше оружие бесконечно

на автоматическом прицеле
в любом состоянии на прицеле
осознаваемом каждым шагом
мы держим вот это
мы не забываем об этом
даже во время
даже когда
даже если

« у с п о к о и т ь п р ы т ь »

дайте сахара мне
сахаром посыпьте голову мне
расшифруйте мне сахар
похороните меня в сахаре
пока сам не вкусит
узнает ли сахар во дне
этого ли ожидали
сахарные войска
пронесут тебя над водой и небом
через всем что есть повторяемое имя
зарытое в дождь
зарытое в воздух
моё поле закрыто
моё оружие бесконечно
моё оружие бесконечно
моё оружие бесконечно
моё оружие бесконечно
названное смеётся

Юлия Подлубнова

***

Традиционные мальчик и девочка
в твёрдых купальниках без —
где-нибудь в пригородном парке,
не отменяющем новостроек.
Ибо новостройки — примета времени.

Если ты коснёшься моей руки,
я готова нарушить любые нормы.
Если я коснусь твоей руки —
ничего не понятно...
Месяц дрожащих цветов.
Иероглифы велосипедов.

***

Приходят, *Наум*, разные вещи:
набережная, фон: танки,
береженая, любимая, милая,
пришивай треугольник
к розовым худи,
тонкие деревья разума
не выдерживают, гнутся.

А потом: стрельня, выеборг,
гневский проспект.
Тени свастик метро,
острогубых лабрисов,
мортанутых смартфонов,
государственных символов
правопорядка.

В Питере гнить,
как сказал бы романтик.
Батискаф погружается.

Девочкадевочкадевочкадевочка.

Лолита Агамалова

***

в распеве чудном означающем без значенья
где берешь себя механически
где берешь

старых замыслов вязь, убаюкивающих
прощенье
забывающих азъ, забывающих не пропасть
выпадающих из, развороченных под,
бесцельно
в разрыве чудн*о*м с буквой того закона
механические
как луковицы преддверья
вытеснённые на берег того канона

позыбытые, [позабытие], забытье
забывающие эсцет, превращенные в
только смыслы границами водятся водяные
только смыслы идут, вкладываясь, влитые
разворачиваясь по трубам, идущим в
пещеристое ускользающее от смыслов
на границе имен и страдательного залога
здесь возможная встреча двух
вместо двух антиномий двух
скомканных плавно слизистых квазидвух
рассекающих и задуманных под эсцетом
забывающих и размоченных событийных
где никто никогда уже никого не встретит
где никто уже никому ничего никогда
не скажет
лишь разрыв чудной
означающий без значенья
волю свою покажет / осуществится
как за-бытие, позабытИе, позабыть
как забыть/не забыть,
как чистая невозможность
ни того ни другого;
вкладываясь-выкладываясь в события
как простое, на самом деле, без перьев,
двуногое
рассекать разрывать сворачивая слова
как мысль сада
набитого гусеницами и рощами
заклинающая прополощенная:

я иду по сухой траве, по сухой земле,
но вся мощь воды притягивается ко мне,
раздели ее, золотой дружок
Моисейка, в прыть, как степной волчок
и забудь и будь и отныне иди наощупь
иль оставь везде
свой кровянистый росчерк

я была бы здесь, я была бы в сырой воде
но вся мощь земли притягивается ко мне
здесь значения раскладываются в слова
здесь будет hoc, вот это и ерунда;
здесь буду я, сверкая сосками рожьими,
называть иначе все славное и хорошее,
а пока золотой язык золотой родник
как земля горит так и язык возник
ты иди ко мне на примерку слов
я стучу зубами о срез ветров
завывая зябь, расчехляя быль
собирая грязь в речевой костыль
и все будет так до тех пор пока
не забудутся связи и слова
те что будут сон те что были рябь
отправляйся лучше-ка воевать
там война идет в эту реку вброд
и молчит как рот речевой народ

здесь [лесбийский] sensus, в себя вырастая
растет
как речь из меня вырастает из ветвящегося
понимания/чувства/смысла
понятие, вырастающее из губ, язык
вырастающий
через пальцы, понятие как ветвь,
как складка
телесности, работающая со мной через
концептуализированное, выхваченное
наощупь
ощупью в понимание, сенсорные экраны
понимающие тебя без понятий,
выкладывающие
какие-то фрагменты материи как формы,
отвечающие без знаков
через ощупь и понимание;
найденыш-местоимение —
это меня, только mei
во всех этих меняйных модальностях (.)
понимание —
это глаз, дорогой Плотин
как органическая сборка, снимающая
цепь картезианских разрывов, и речь меня
приглашает тебя к совместности через
sensus
меня не боюсь языка; возможно,
меня и тебя станет чувством, понятием,
пониманием,
смыслом, значением, ощущением

или множество sensus смыкаются через раз;
в этом нет ничего такого
все течет в друг друга по-разному, через раз
(
анархическое желание, горя в mei
перетекая как, не завладевая, не тлея,
не забывая
просто растет
ни секса, ни смерти, ни смеха и ни судьбы
анархическое желание где все мы
сосуществуем в ущелье, не обмениваясь
властью, слепыми монетами, последними
днями
без распределений, без равновесия, а
в невесомости, лишь вырастая, горя
в потоке других вещей
всех вещей без трещин
и
самых чутких наших развалин
той прошлой чужой любви

Фридрих Чернышёв

***

женщины в возрасте от пятнадцати
до сорока пяти
поддаются большему риску насилия дома
в семье или на улице
чем риску рака или автомобильной аварии
от секса женщины умирают чаще
чем от войны
от того что называют сексом
х.. выстреливает чаще ружья
х.. опасней пьяного за рулем
или сломанного светофора
его нельзя заменить игрушечным
как автомат мальчику из деревни
(заменить игрушечным его стыдно
или дорого
или нестыдно но дорого
или и то и другое)
тем двум явно не хватало оружия
поэтому они пошли грабить сексшоп
чтобы не портить статистику соревнований
с войной
и когда мы держимся за руки
и не убиваем друг друга
нас убивают за то
что мы их разоружаем

Дарья Серенко

Пересказ статьи «Индийский суд разрешил пускать в храм женщин»

две паломницы вошли вхрам Сабаримала
на юге Индии
в сопровождении сотни полицейских
охраняющих их от мужчин
после паломниц священнослужители
устроили обряд очищения храма
так как женщина у которой есть менструация
оскверняет храм
сторонники запрета считают менструацию
неконтролируемой сексуальной активностью

по легенде Айяппа — сын бога Шивы и бога
Вишну
победил чудовище
после победы оно превратилось
в девушку
и предложило ему жениться на ней
но он выбрал жизнь отшельника
она опять предложила ему жениться на ней
и он сказал что женится
когда к нему перестанут ходить паломники
и девушка стала ждать его на соседнем
холме
паломники идут до сих пор

появление в храме половозрелых женщин
может искусить божество и служителей —
говорят традиционалисты
женщины не способны к воздержанию

женщины могут дождаться возраста менопаузы и зайти в храм
поэтому это не дискриминация
была организована акция #можемподождать

первых паломниц поддержало около пяти миллионов женщин
1 января они встали живой стеной
620 км
«если они вытянут руки
то свалятся в Аравийское море»
и он сказал что женится
когда к нему перестанут ходить паломники
но что он сделает если
к нему не перестанут идти паломницы?

49-летний мужчина совершил акт самосожжения
требуя вернуть запрет
в декабре в храм удалось войти
нескольким трансгендерным женщинам
полиция потребовала
чтобы они переоделись в мужскую одежду

«что прогрессивно для вас,
может быть не прогрессивным для меня»
событие называют нарушением
религиозной автономии
светской властью
запрет на присутствие женщин
был также утвержден светской властью
в 1991 году

религиозные философы настаивают
что неприсутствие женщины в Сабаримале —
это форма служения божеству
а осуждение чужих традиций белыми журналистами —
это расизм

мнение граждан Индии разделилось
по данным опроса
47,4% — за
52,6% — против
паломники идут до сих пор

Оксана Васякина

А.Б.

девушки девушки
превращаются в песок
красивые тонкие в капроновом блеске
превращаются в песок

я читаю тебе стихи Инны Лиснянской из книги В Пригороде Содома
и в одном стихотворении она сравнивает свой живот
свой старый изможденный живот
с песчаными волнами
и это такие безукоризненные стихи о старости и сожалении
(но что я знаю о старости и сожалении кроме того
что девушки девушки превращаются в песок
и что смерть приближается и существует)

девочки превращаются
безутешно превращаются в пепел
девичьи пяточки становятся неприступными скалами
девичьи руки превращаются в тяжелую каменную кость
и девочки превращаются в косточки

я показываю тебе стихи как маленькие хрупкие вещи
с таким чувством как будто я храню их в бархатном мешочке на золотистых завязочках
здесь у меня Мандельштам, Глазова, Гримберг, Фанайлова, Шварц
я их показываю и ты
прикасаешься к ним своим чувствительным взглядом
как будто твой взгляд это нежный хоботок с тысячью крохотных сосков
ты рассматриваешь их вместе со мной
они как сокровища чистые
чистые от того что никогда не имели цены
и не станут сегодня
они как сокровища чистые они как воздух неуловимые
быстрые взрывы недоступные
и совсем иногда — распахнутые

я ставлю ногу на бортик ванной
ты нагибаешься и открываешь мне спину свой крупный кудрявый затылок
и аккуратно один за другим
состригаешь отросшие ногти
сначала на правой ноге потом на левой ноге
и я смотрю твою спину как крепкую нежную вещь
смотрю как аккуратно уши твои прикреплены к голове
они — завитушки плоти кожи хрящей
такие нежные

а ты старательно стрижешь и не видишь моего взгляда
он как вода затуманен любовью и эротическим гимном
здесь ты ближе ко мне
в сладком служении моему телу
чем если ты смотришь в меня на расстоянии раздвинутых пальцев руки
здесь я вижу тебя
здесь ты аккуратно щелкаешь щипцами
как будто ты птица большая
в черном перламутровом оперении
покачиваешься моргаешь и приговариваешь:
вот так, и еще раз вот так — и щелкаешь сталью
а еще говоришь:
Какие маленькие смешные ноготочки!
а потом целуешь и еще раз целуешь

и я вижу тебя большой
большой как каменный остров
большой как дышащий черный остров
испещренный породами травами и норами мелких животных
ты как земля ты как каменное необъятное тело

а потом я читаю тебе отрывки из этого стихотворения
и ты улыбаешься
говоришь что оно очень красивое
а я люблю красивые вещи и стихотворения
стихотворения и есть вещи — сложные вспышки
отороченные стеклянными кружевами
или живой израненной плотью
стихотворения это как маленькие камешки
когда их много они шуршат внутри тебя как шепчет галька
от дыхания воды

это так старомодно
размышлять о поэзии не как о чем-то что преодолевает границы
а наоборот — запаковывает чувство или событие в одну сложную неразрушимую вещь
стихотворения это вспышки камешки и маленькие уязвимые вещи
стихотворения это внутренние вещи
это микроразрывы в сердце зарубцевавшиеся
они дышат в сердце как ласковые кроткие насекомые
трещат и немного покалывают
они — это работа боли и времени
они свет ослепительно тонкий
они работа скорби и радости
)

Елена Костылева

***

Вороны свили гнездо за моим окном
Рвут кого-то на части в пять утра
С криком победным страшным вороньим кра

Радуются
Своей благоустроенной жизни
Мощное воронье комьюнити из ахматовского сада
Дошло до нашего двора
Не стали вместе со всеми в саду селиться

Разорить их гнездо настучать на них в жилконтору не поднимается рука

Петербург до
Петербург до ре
Мокрый насквозь до припухлых
До детских вороньих яиц

На мосту фотографируются японки
Фотографируют друг друга среди карамельных фасадов
Здесь был детдом в блокаду
Многие выжили

Город-призрак (а не герой) Ленинград
фасады кораблик сад

Нигде теперь
Так хорошо не живется
Снится

Мнется

Ничего никогда больше здесь не случится
Ничего не снится

Дважды
В одну воронку
Не попадает

/ Нет
он не некоторых вещей
он вообще ничего
не понимает

Галина Рымбу

Из цикла «Лето. Ворота тела»

иногда мне кажется, что мои руки — это маленькие быстрые лапки:
стирают, моют, готовят, перекладывают вещи с места на место,
но им, вещам, никогда места нет. мы живём слишком тесно.
дом переполнен вещами, как гнездо запасливых птиц,
а когда мы устали — кричим и клюём друг друга.
вот, наш сын выпал
из гнезда в новую игру, в сложный мир.

лапки живут свою жизнь: они пишут по ночам, в туалете,
в трамвае, в гостинице, посреди улицы, даже в постели. лапки,
быстрее, нужно успеть.

а голова как у большой тревожной птицы вертится туда-сюда,
думает, что сделать, как сделать:
он голоден, я голодна, они голодны.
почти весь мир уже голоден. где-то
и воды нет. надо придумать еду и воду,
чтобы шла ко всем отовсюду.

лапка, пиши.

лапки, наверное, как у енота —
быстрые, суетливые,
но если когда-то появится тот, кто сделает что-то,
что делал отец, что делали мальчики в школе, парни
с района, мужчины
вообще не знакомые, пьяные друзья и поэты, я знаю,
у меня есть когти, острые вообще как бритвы,
они разорвут его тело, выпустят его кровь на свободу,
даже если будут бояться. лапки.

помню руки бабушки — твёрдые, как камни,
все в трещинах от стирки и мыла, как сухая степная глина,
и в трещинах — розовая мякоть, капельки крови.
она сидит у печки на табуретке и гладит, успокаивает свои руки:
еще немного и можно уснуть.

мама говорит: бабе нужен хороший крем для рук. нет,
ей нужен какой-то другой мир,
где дед не бежит за ней с собачьей цепью по огороду,
где еда и вещи создаются сами,
мир другого труда.

погладь меня камнями, баба,
полежи рядом со мной,

как я лежу сейчас рядом с сыном,
и тогда мои руки — это просто мои руки,
ерошат волосы на его голове,
двигают время в любые стороны в любом порядке —
как магниты на холодильнике.

в одной из сторон, когда все гнезда бумажных торшеров в нашей панельке
вспыхивают одновременно,
и кастрюли на кухне гудят, танцует
мокрое бельё, множится хлеб,
мама, я снова

хочу съесть твою шершавую руку, которая гладит меня.

Елена Фофанова

***

посмотрите на эту рыбу
жабры
что люди дарят друг другу
иллюзию надежды
сахарный колер
и немного совсем

«вааакиока сима-кла
— на сжатой темпоральной структуре
слеза проделывает оборот 360 градусов
это ли узор времени? так только кажется —»

эндемичной любви

читая текст, нарушая правила: ставить разные слова на разные буксы
эпифрагма из зеленого словаря
«то резко и быстро исчезают, то плавно появляются вновь»
жук залез в улитку через дыхательные пути возможно это крымская жужелица

крымская жужелица эндемик ядовитой поверхности, но этот яд принесли сюда не мы
сделаем вид что не мы

посмотри на эту слизь улитки
видишь, как ходит кровь в её внутренностях
не вижу
даю иллюзию надежды, что не вижу

как рыбы с жабрами дарят друг другу немного эндемичной любви
соскальзывает чешуйка рыбья
в объятья

почему я рыба и я страдаю?
не знаю, как ответить
не хватает воздуха
жабы описывают путь в 360 градусов
я рыба что мне океан
подстилка рваная

в аквариуме дети наблюдают за такими как ты
они видят, как кровь движется по холодному рыбьему телу
не видят четыре сердца, но воображают их
научил бы кто их любить рыбьи тела
любить поделённое на четыре
четыре сердца бьются в унисон
вынимание четырёх сердец
этим дети займутся чуть позже

рыба говорит когда я (у)видела огонь с ростральных колон
больше не (с)могла
говорить о чём-то кроме соприкосновения
рыба говорит, шевеля жабрами

этот яд

Марина Тёмкина

Из цикла «Девять речитативов для женского голоса»

6. Заплачка

Ой, меня ль, маленькую, не мучили.
Ой, меня ль, девочку, не скручивали, не пеленали.
Ой, меня ли, меня ли не застёгивали на все пуговицы,
на кнопки, крючки, лифчики и подвязки, шарфы и шапки,
шубы затягивали ремешком, завязывали платки
крест-накрест на спине, что было не пошевелиться.

Ой, меня ли, меня ли в детстве не муштровали строго,
воспитывали, прививали манеры, учили ничего не просить,
ничего не желать, не занимать место в пространстве,
не корчить рожи, не гримасничать, иметь приятное выражение
лица, соблюдать приличия, не морщиться, думать гладко,
двигаться грациозно, покачивая бёдрами, быть спортивной.
Ой, не меня ль, не меня ли учили бальным танцам, балету,
не пачкать руки, особенно когда ешь, одеваться со вкусом,
волосы не отращивать слишком длинно, как у хиппи,
не стричь слишком коротко, ты не мальчик,
мини-юбку укорачивать не слишком коротко,
и если длинную, то не совсем до пят, ты ж не синий чулок,
и вырез не слишком низкий, и голос не слишком громкий.
Ой, не меня ли учили не жаловаться, не говорить,
что это несправедливо, что это просто неправда,
не обращать внимания на насильников, на садистов,
на психов, на деспотов и убийц, не идти в милицию,
всё равно правды не добьёшься, не обращать внимания — и всё,
как будто их нет или они тебе приснились, это твоя фантазия,
богатое воображение, галлюцинации, шизия,
ты всё придумываешь или врёшь. Ой, не мне ли,
не мне ли наказывали не простужаться, не сидеть на сквозняке,
не болеть, не создавать проблем, избегать конфликтов,
не конфронтировать с начальством, ни с кем бы то ни было
вообще, не вставать в позу, в оппозицию к власти,
быть практичной, дипломатичной, твёрдо стоять
на своих ногах, быть реалистом, не мечтать о несбыточном,
учиться на инженера, мама же говорила, «чтобы стихи писать,
надо талант иметь». Ой, не мне ли, не мне ль говорили,
что мальчики способнее к математике, на сто мальчиков
одна девочка, мальчики вообще ко всему способнее,
быстрее бегают и прыгают с парашютом , пусть они занимаются
наукой, пусть они книги пишут, а ты будь женственной,
кокетливой, показывай слабость, не конкурируй,
они хоть и сильный пол, а конкуренции не любят, особенно
конкуренции с женщиной, так что флиртуй, но слегка,
не забывайся, а пристанут, обрати всё в шутку, посмейся,
похохочи, неважно, что тебе не смешно и анекдот обидный,
сохраняй мир, не лезь на рожон, пусть делает, что хочет,
а ты не сопротивляйся, молчи, подчиняйся, будь умнее,
будь выше этого, научись вовремя капитулировать,
это лучше, чем быть битой, сохраняй семью,
во всём ему помогай, ему одному тяжело, один он не справится.
Будь хорошей девочкой, и пусть тебя съедят.

На вечере памяти американских поэтов
Джейн Кортес и Адриенны Рич 17 февраля 2017 г.

БЕЛОЕ ТЕЛО РОССИИ

1.

соблазнительное белое тело России беспомощно лежит,
глажу его по хребту,
обнимаю со спины,
как ты не замерзаешь тут посреди зимы
и почему лицо твоё прикрыто целлофановым пакетом?
все поезда одинаково пусты:
временные контейнеры для людей,
жестокосердечно жизнь проходится по земле,
ничего за собой не оставляя.

2.

в поезде, разрезающем белое тело России,
я говорила с мужчиной,
на плече которого невозможно было не заметить гигантское родимое пятно
в виде мыши:
оказывается, с таким не берут в армию,
небольшой порез, и ты истечешь кровью и нелепо умрёшь
навсегда.
что, если кто-то поцарапает тебя,
а я не успею?

3.

в том же поезде девочка Софа не хочет спать,
её мать безуспешно учит с ней круги и квадраты,
в соседнем купе женщина спрашивает мужа, будет ли он жрать
в этот момент замечаю, что на голове матери небольшой круг.
необратимое облысение женщины — это смерть,
может, поэтому она спрашивает Софу: мама красивая?
и шепотом: красивая мама, да
а между тем подкрадываются звуки, как небесные удочки,
вылавливают из сна,
со мной говорят сосны, берёзы, столбы,
голубое выпито до дна, и поэтому все чёрное
мрачное, как вдова

в дверях бывшего дома.

Екатерина Захаркив

***

обо всем они говорят, на волнах плантации срезая усилие, приостанавливаясь в язвах борьбы, женские руки, возникшие
из калиграммы
коммуна дней, окруженных анной, в разбитой ботанике тишины саженцы нетерпения раскрывают чуждые инфраструктуры, и только спирали поломанных встреч зависают над складками
переулков, брусчатки
прыжки фонарей в «нигде» лингвы, цветы хлопка в музее «повсюду»

обо всем она говорит, коралловым чертежом прошивая холодный проект: «наши матери нам рассказали, и мы помним слова, хотя и не помним
звука их голосов, мы помним слова»
«пневматика дейксиса, инженерия боли и детство должны содержаться
в одном отсеке, в одной душной минуте»
«освободи меня от вымолвленности, от шприцов нехватки, от движения в ветвящемся времени, разрушающем механику сдвига
от внутреннего судана, от бездонной флотилии, выплывающей из груди»

Елена Георгиевская

Женщина под землёй

Под водой начинается улица.
Под землёй тянется цепь — до самой воды, чтобы врезаться тебе в горло, когда ты посмотришь на северную звезду, женщина под землёй.

Улитки, лишившись домов, превращаются в камни.
Любая фраза — скользкий камень у тебя под ногами.
Иди обратно под землю, там покажут красивые деньги твоим закрытым глазам. При жизни у тебя был настоящий веник, после смерти над тобой — искусственный венок. Дождь омывает пластик, а тебе больше не надо ничего мыть. Зачем ты идёшь к воде, женщина под землёй?

Ты будешь в аду. Ты рассыпала камни, как зёрна, а из них ничего не вырастет. Смотри зарытыми глазами, какое красивое дерево вырастет из тебя, если не сделаешь больше ни шагу. Мы зажигаем костёр и ведём его за собой на цепи. Нам можно двигаться — цепи в руках, не на горле. Твоя цепь — наша собственность, ты портишь её, женщина под землёй.

Улитки погибнут от дыма цепных костров, улица выйдет наружу и станет нашей.
Пятьдесят лет спустя самые стойкие сыновья тебя вспомнят и озаботятся тем, что другие тебя вспоминают совсем не так.
Они придут сюда нарисовать поверх цепи, тянущейся из земли, что-то красивое. Здесь останется только воздух, им придётся рисовать на воздухе, но это всё равно лучше, чем быть тобой.
Ты нас не слышишь, женщина под землёй?

Лида Юсупова

Матеюк

мы пришли с подругой Юлей в квартиру Саида на Васильевском острове
по бесконечному коридору ездил мальчик на велосипеде
он посмотрел на меня злыми глазами
квартира называлась резервный фонд
Саид занимался преступной деятельностью шил джинсы
он сказал что мы можем переночевать у него
в его комнате была только одна кровать
он сказал что мы можем просто спать с ним рядом как сёстры он нас
не тронет
и мы остались ночевать у него спали в одной кровати под одеялом и он нас
не тронул
утром пили кофе и ели пончики Саид купил и принёс
потом пришёл его друг
я забыла его имя
а фамилия у него была Матеюк
нет
мы встретили его у метро Василеостровская
мы стояли и курили а он сидел на скамеечке
было солнечно
я помню свет на его страшной морде
потом мы ехали в каком-то автобусе
и когда Матеюк повернулся в профиль
широкие улицы новостроек ползут в грязных окнах
я увидела эту линию
позже я увижу её из окна самолёта подлетающего к Белиз-сити
гряда невысоких гор на горизонте
покатого лба и надбровных дуг и приплюснутого носа
под которыми верили майя и расположена страна мёртвых
и он всё время говорит говорит но я не помню о чём
и вообще он говорит только с Юлей
а я смотрю и не слушаю
да

это он привёл нас к Саиду
метро уже было закрыто
и это он сказал
Саид вас не тронет вы можете спокойно спать с ним в одной кровати как
сёстры
и потом была ночь
и было утро с пончиками и кофе
и мы снова втроём весь день гуляли по городу
в восемь вечера когда Юля сказала что ей пора домой
я не поехала с ней на трамвае к метро
потому что

напротив Кинематографа он поцеловал меня в темя
было раннее утро люди стояли на остановке ждали трамвая
лицо одной женщины на фотографии памяти
женщина морщится смотрит вдаль и я для неё не существую
на этой фотографии она случайно
он меня только что изнасиловал
утро утро свежесть
потому что я верю в дружбу
потому что я не бросаю друга в беде
потому что когда он сказал вечером
что должен был быть дома в восемь
и это его последнее нарушение
участковый придёт и проверит
но уже поздно он не успеет
ему ехать далеко на метро
он загулялся с нами
ему с нами было интересно
теперь его отправят в тюрьму
я почувствовала вину и ответственность
это была его последняя ночь свободы

в 11 вечера мы пришли к его бабушке
за старинной дверью находилась огромная коммунальная квартира
там была тропинка сквозь джунгли хлама и вешалок
у двери в комнату его бабушки
я бы почувствовала сладкий запах старости
я тогда ещё умела его определять
по которой мы могли бы пробраться на кухню
где причаленные столы спят мёртвым сном белой ночи
Матеюк нажал на чёрную кнопку четыре раза и ещё раз четыре раза
кто-то наверное подошёл к двери посмотрел в глазок Матеюк говорил
это я я называл имя которое я забыла но дверь не открыли
я сказала пойдём гулять до утра
он сказал у меня тут есть одна знакомая малолетка можно пойти к ней
так мы оказались в квартире на первом этаже хрущёвки
на окне не было решётки я могла убежать когда Матеюк сказал раздевайся
он оставил меня одну и ушёл в туалет я могла убежать

на окне не было решётки но я побоялась выпрыгивать в окно
когда мы пришли малолетки не оказалось дома
дверь открыл её отец опухший алкоголик с фигурой мальчика
ничего не говоря он забрался обратно в кровать и уснул
он стонал во сне и всё время ворочался и всё время громко пердел
его кровать была застелена снежно чистым бельём
а на стене над кроватью висел багровый ковёр
если бы малолетка была дома Матеюк бы меня не изнасиловал
мне не повезло
и когда он вернулся он молча лёг на меня и у нас был секс я не
сопротивлялась я только сказала это неправильно я повторяла
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это

Егана Джаббарова

Двенадцать

1.

Оля Чики-Пики, как прозвали новенькую жительницу восьмой палаты Ольгу Максимову, определенно была из тех женщин, которых именуют «своими». Эдакая пацанка в растянутых трениках и майке-алкоголичке быстро получила гордое прозвище Оля Чики-Пики. Всем было очевидно, что она недавно вышла из мест не столь отдаленных: об этом говорила и несколько специфичная речь с обилием мата и других «ярких выражений», и привычка сидеть на кортах, прокручивая телефон. Удивительнее то, что всем своим видом Оля не отталкивала, а, напротив, вызывала какой-то всеобщий кредит доверия. Хотелось разделить с ней радости и горести, рассказать самые острые сплетни отделения, нажаловаться на медсестру, редкостную стерву, на главврача, похожую на высокомерную цаплю с острым носом. Кроме того, у Оли Чики-Пики была магическая способность «гасить» бабулю, самую старую и противную обитательницу восьмой палаты, которая с появлением Оли стала вести себя очень мирно. У Чики-Пики было негласное право «выкуривать» из палаты самых отмороженных, оценивать наряды Лизы-принцессы и сумасшедшей Аси. Это был контраст, который можно было бы назвать «хрестоматийным»: отличница, умница Лиза в длинных юбках в горошек, в черных накрахмаленных рубашках, в красных

платьях с пояском и абсолютно неженственная Оля Чики-Пики. Лизу потому и прозвали «принцесской», в других обстоятельствах она могла бы стать лицом обложки журнала или модного дома Chanel. Здесь же юная девочка Лизонька казалась нелепой кляксой, неудачным кадром, недоразумением. Первое время она прихорашивалась, красилась, подолгу собиралась даже для того, чтобы выйти в магазин, пока Оля Чики-Пики не выпалила, еле прожевав салат: «Ну ты, бл..дь, за..бала со своими показами мод».

Лиза все не теряла надежды случайно встретить на обходе симпатичного ординатора, который, как полагается, возьмет ее на руки и понесет в светлое будущее. Вместо прекрасных принцев их больница кишела «своими пацанами», крайне далекими от идеальных представлений. В искусственном саду, который на деле представлял собой пару обычных деревьев, представительницы прекрасного пола повально курили сигарету за сигаретой, когда неожиданно появился Костик. Вальяжно приобняв Олю, он сразу же перешел к делу и предложил «пупсикам» пофоткаться, «аха, бл..дь, разбежались, какой я тебе пупсик, бл..дь, прям ни спала, ни жрала, все ждала твоего прихода», — выпалила Оля. Каждый вечер Оля ненадолго отлучалась в туалет под предлогом «курнуть», что сильно удивляло Лизу, поскольку Чики-Пики и без того вечно ходила с сигаретой, и пришлось объяснить «принцессе», что курить можно не только табак, но и кое-что другое: «Ты чо, Лизка, я раньше чистоганом реангенд ху…рила». Лизка молча удалилась восвояси, пока Оля Чики-Пики прихорашивалась у зеркала, напялив по-быстрому спортивку и убрав волосы кверху. Пока она собирала волосы, кофта слегка задралась, был виден шрам от продувок. Кожа отдавала чем-то оранжевым или коричневым: побочное действие антибиотиков, хотя окружающим всегда можно было соврать про поездки на курорт. Своеобразные прогулки по лесу рядом с местной пивнушкой, вот тебе и весь курорт. Вечерами все они, объединенные радостью от теплой погоды, бежали на улицы, тайком попивая алкоголь, разлитый по бутылкам и упаковкам из-под сока.

2.

В этом доме всё, начиная с прихожей, напоминает перформанс: череп лошади, окрашенный в красный цвет, театральные маски, работающий граммофон. В окнах балкона, куда все переместились покурить и выпить чай с мятой, умещалось почти всё: и жёлтая вывеска АРЕНДА ЖИЛЬЯ, и гигантские прутья соседнего дерева (впоследствии выяснилось, что это была ива), и два старых дома с божественными балконами. А на периферии зрением обнаруживались высушенные розы, белый череп над дверью с арабской вязью. В переводе вязь обозначала простое и вместе с тем сложное: смерть — это правда. На коленях гордо лежала кошка в несколько странной манере, приподняв зад. Неожиданный поход в соседнюю кондитерскую за шоколадными конфетами был навеян не только всеобщей потребностью в сахаре, но и жаждой детских приключений, счастливой безмятежности. Удивительно простой вечер, переполненный ритуалами: убрать чашки, протереть стол, налить чаю, разложить кухонные принадлежности, обсудить погоду. Имитация спокойствия, поддерживаемая тремя. На деле была и предыстория: все трое изрядно накурились марихуаны, после чего решили срочно поесть сладкого и перелистать старый альбом с черно-белыми фотографиями предыдущих владельцев квартиры. Особенно страшным было фото с гробом маленькой девочки трех лет в платье, заваленной цветами и окруженной плачущими родственниками. Следом фото ее матери, тогда еще девятнадцатилетней юной красавицы с широкой улыбкой, та же мама в качестве первоклассницы, дедушка, увешанный медалями и наградами. В этой квартире было много истории, в углу стояла швейная машинка, в кладовой можно было обнаружить старые детские вещи, бюст Ленина, чемодан с ржавым замком, чайник советских времен, брошюры и книги по школьным предметам, любовные записки и даже тест на беременность. Трое увлеченно трещали в попытках угадать назначение каждого предмета и дружно вывалились на улицу, в местной кондитерской было решено зака-

зать шоколадные конфеты со всеми возможными вкусами, рядом сидел немолодой мужчина с усами и смеялся над телепередачей, приговаривая «ну ничего себе бижутерия». Две юные модницы с важным видом листали журнал, реальность перестала быть такой интересной и вновь возвращалась к обыденной, было решено вернуться в квартиру. Дома их застала растерянная кошка, весь пол был усыпан гречкой и рисом: кухонная полка рухнула вниз. А на них смотрела мертвая девочка в голубом платье.

3.

Семен, простой сорокапятилетний мужик, не любит все эти гламурные места, но в кондитерскую-таки зашел, съесть что-нибудь мясное. Вокруг все сидели какие-то отмороженные, то ли пьяные, то ли холодные уши у всех, как у его одноклассницы Маши. Девочка была крайне хилой, вечно болеющей, с огромными глазами и бледной кожей. Напротив столика в панорамных окнах стояли юноши и девушки с сигаретами в руках, Семен пытался уже неделю как бросить курить, но тут не сдержался и подумал «наши в городе» и таки вышел клянчить сигаретку у молодых. В какой-то степени он искал предлог к разговору и буквально накинулся на ребят со своими рассказами про поездку в Египет этим летом, впервые за границу: целое событие. «Лежат там все, импортные, загорают. Один малек у внука моего игрушку стырил, я хотел было ему в репу стукнуть, но передумал, еще обвинят в международном конфликте», — Семен захохотал и закурил вторую. Молодежь была, мягко говоря, не заинтересована в его историях о жизни и потому реагировала очень сдержанно, вежливо улыбаясь, как бы в ожидании, когда он уйдет. Наконец, окончательно убедившись, что всем он безразличен, Семен двинулся в сторону дома. Надо еще пельменей сварить, взять водочки на вечер, ночная смена впереди как-никак. «Ну, подумаешь, хлопну рюмочку-другую, не оперировать же», — подумал он, оценивая новую рекламу зубной пасты ВАШИ ЗУБЫ В НАШИХ РУКАХ. С огромного баннера ему улыбалась счастливая семья: папа, мама и двое детей (конечно, мальчик и девочка). «Е.. твою мать», — воскликнул Семен, но, кажется, слишком громко, ибо бабушки, восседающие на скамейке, окинули его высокомерным взглядом и сопроводили вздохами. Семен почти уже дошел до заветной цели, прошел сквозь КПП, направился к рабочему месту и взгрустнул: ни зубов, ни семьи, ни х...я.

4.

Когда Аника шла по лесу мимо шумной компании, пьющей, судя по упаковке, сок «Добрый», а по настроению что другое, она вдруг запереживала, вдруг тут клещи, укусят еще. Что вызывает в ней автоматическую тревогу, быть шестнадцатилетним подростком непросто, особенно беременным подростком. Мимо пробегали пушистые белки, мамочки с колясками, парочки, велосипедисты, вокруг безумно шумно, и стоит жара. Взрослые косятся на Анику и ее округлившийся живот, который уже невозможно не заметить, и потому она очень нервничает и ускоряет шаг. Поглаживая собственного нерождённого ребенка, Аника с грустью размышляет о том, что никогда не сможет жить так, как хотела, не выйдет замуж, потому что Петя мудак, не сможет нормально его (или ее) воспитать, не найдет работу: за целой стеной всех этих переживаний она и не заметила, как наткнулась на серую бетонную стену, облокотившись на которую, сидела старая бабушка и наигрывала знакомую всем мелодию: «Учат в школе, учат в школе, учат в школе». Заметив Анику и ее далеко не школьный вид, она чуть не выронила гармонь. На стене огромными буквами прямо позади старой гармони красовались синие буквы СЕМЕН ЛОХ, Аника обернулась и пошла в обратную сторону, вся в слезах, то ли от гормонов, то ли от жары. Вытерев слезы, она сорвала белых цветков, напоминающих розы, и сплела из них венок. Стало немного легче, захотелось мороженого и конфет, и даже в школу немного захотелось.

5.

Время пронеслось, как поезд на станции недалеко от дома. Вот стоит рослый симпатичный юноша пятнадцати лет. Кучерявая голова, новая, недавно купленная кожаная куртка, черные плотно зашнурованные ботинки. В кармане заныканы сигареты, спрятаны в бумагу. За спиной синий рюкзак, по левую сторону идет главный школьный друг — Костя.

«Иса, не пойдем! Не пойдем!»

Но Иса пойдет, он уже идет, взбирается на башню. Изначально здесь должна была быть телевышка, которую так и не достроили. Высокий серый мертвый столб, окруженный металлическими крюками, мистическими историями, призрачными мертвецами. Ох, сколько же легенд было вокруг этого столба, сколько храбрецов пытались достичь высоты и погибали, сорвавшись из-за вспотевшей ладони, соскочившего ботинка, непрочного крепления — только не Иса. Он готовился, узнал все об этой башне и был готов стать школьным героем. На случай чрезвычайной ситуации он взял с собой Костю, который, как секундант, мертвецки белый сидел внизу и тщетно пытался образумить лучшего друга. Тот уже вовсю лез наверх, ощущая непрочность ступеней, многие из которых уже подверглись времени — заржавели, еле держались, скрипели, почти рассыпались под рукой. Иса усвоил два главных правила: никогда не смотреть под ноги, чтобы не ощущать высоту, и никогда не думать ни о чем, кроме процесса. Вот он лезет, сначала левой, потом правой, ладони, работа рук, движения, запах кожаной куртки: до чего же приятно. Сколько дней он уговаривал мать купить её! Изначально лихорадка началась после случайного постера на стене кинотеатра, где главный герой, мужественно оскалившись в камеру, расстегивал подозрительно похожую кожаную куртку. Впечатлившись в детстве подвигами Геракла, Иса задумал осуществить собственные подвиги, поэтому нарисовал весьма своеобразную карту города, на которой красными кругами были отмечены места предполагаемого действия, то есть подвига. Сначала башня была последним пунктом его плана, но, услышав по телевизору лекцию седого и с виду умного мужчины (о том, что страхи надо осуществлять первыми) и к тому же вспомнив, как позорно он был избит в шестом классе (опять же из-за трусости), Иса все же набрался смелости. Единственным посвященным оказался Костик — не просто друг, а брат, с которым можно было разделить даже свои сны (что совсем непросто мальчику 15 лет).

В какой-то момент он перестал слышать слова, звуки доносились еле слышно, Исе стало немного холодно, он заметил, что колени дрожат. «Нельзя смотреть вниз, — думал он, — иначе я испугаюсь и сорвусь». Иса подумал, что ему было бы жалко свою новую куртку, свою маму, хотя в последнее время она его изрядно раздражала. Вечно недовольная его внешним видом и поведением, мать все чаще пыталась научить его поступать правильно, правда, бывали такие дни, когда его оглушало тягостное чувство вины, хотелось извиниться перед ней и поцеловать. Хотя он стал сторониться ее и говорили они редко, почти никогда, по ночам Иса думал о том, что она может умереть, и тогда ему становилось невероятно грустно. «Все-таки стоит обнять ее завтра», — думал он, лежа в постели, но каждое утро забывал. Сейчас он тоже думал об этом, когда вдруг услышал резкий оглушительно тяжелый звук грозы, через минуту пойдет дождь, а он один здесь на вышке, его руки потеют от ужаса, его ноги дрожат, он не слышит голос Кости, во рту пересохло, и хочется газировки.

Сплошные металлические обрубки, полумесяцы, высота, высота, высота, высота, высота, подступающая к локтям, трогающая за лодыжки, Иса превратился в комок грязи, руки скользят, молния промелькнула над самым ухом. Все было забыто: он уже был готов вернуть собственные подвиги Гераклу, лишь бы оказаться в своей уютной теплой комнате. Он закрывает на секунду глаза, тяжело глотает, делает шаг, и его нога срывается и повисает. Это напомнило то самое детское животное чувство страха, когда семилетний Иса отправлялся в туалет, скидывал покрывало и медленно опускал ноги: он боялся, что именно в эту самую секунду кто-то схватит его и по-

тянет вниз — к Азраилу, туда, куда не спускается взор Господа. И сейчас, когда он повис, он вспомнил о полумесяце под черной футболкой, о Боге. Сил держаться не осталось, Ису охватила грусть: он так и не увидит этого огромного, страшного, но прекрасного мира, не станет собирателем чая на старых плантациях или хранителем древнего кладбища. Последнее, что он видит, — стремительно бегущую куда-то девушку, разжимает ладонь и падает вниз.

6.

Зухра шла по гигантскому полю под грозным нависающим небом. Самое страшное случилось: гроза, молния, гром. Зухра стыдливо прячет кардиостимулятор под рукой и ищет глазами любые убежища. Животный ужас перед ликом природы. Она вдруг вспоминает, как увидела по телевизору репортаж про женщину, в которую попала молния, но её спас чудотворный крест, принявших на себя основной удар. На минуту Зухре стало грустно, что у нее нет креста, а потом очень стыдно. О, Аллах, о чем я думаю, ещё и в Рамадан. Зухра оглянулась по сторонам, словно убедиться, что факт богохульства никем не замечен. И быстро понеслась в сторону ветхого дома, почти черного от влаги. Припоминая все известные молитвы, она накрывала голову платком и бежала все сильней, пока не оказалась под крышей. На минуту ей показалось, что с соседнего заброшенного здания башни падает человек, «показалось» — наверное.

7.

Нури и Нино медленно возвращались после совместного, впервые за долгое время спокойного ужина, уже вечерело, их освещал только желтый фонарь. Именно благодаря этому фонарю и тихому звуку из-за кустов они заметили маленького черного котенка с белыми лапами. Он был таким беззащитным и буквально сразу вызывал желание погладить его, что они и сделали. По-видимому, котенку было неведомо человеческое тепло, поэтому он стал преследовать Нури и Нино. Впереди был небольшой перекресток: они уже перешли дорогу, когда вдруг заметили, что котенок сел посреди дороги и упорно не хочет двигаться дальше. Их словно охватил паралич, они понимали, что, наверное, стоит подойти и забрать котенка с дороги, но было слишком поздно. Машина начала движение и сбила котенка насмерть. Всё это время Нури и Нино беспомощно наблюдали его смерть. К счастью, эта смерть была мгновенной. Котенок с разможенной мордой бездыханно лежал и не подавал признаков жизни. Буквально минуту назад Нури и Нино гладили его и подумывали забрать домой. Всю дорогу они молча несли в себе это гнетущее чувство, словно со смертью этого котенка ушло что-то еще. Быть может, вся их нежность осталась там, на дороге, под светом желтого фонаря. Осталась среди пыльных скамеек храма на горе, куда они взбирались в один из жарких дней, осталась в маленьком магазине, где они выбирали мороженое и, наконец, сконцентрировалась в комнате, в которой они пережили маленькую жизнь вдвоем. Так хочется, чтобы всё было иначе: котенок, например, не умирал, а Нино и Нури были бы бесконечно счастливы, а в черной пышной юбке грузинская официантка все так же с ослепительной улыбкой на лице продолжала приносить горячее хачапури, но вместо этого они идут дальше и понимают, что все кончено.

8.

Даже грязные дороги, покрытые грязью и какой-то кровью, не могли разочаровать мужиков. Местные алкаши были сегодня довольнее обычного, а все потому, что в соседнем киоске алкоголь продавали совсем задешево, Люська, продавщица, ко всему прочему еще и напялила весьма откровенное платье. Именно из-за выреза мужчины так долго выбирали водку, как бы невзначай разглядывая дары природы. Среди них околачивался и Пашка, и, в отличие от остальных, все

это его не волновало. Он намеревался лишь по-быстрому купить водки и пойти восвояси, а точнее, на похороны своего друга Сереги. За углом местного общежития уже собралась куча людей, все пьяные, только родители трезвые и седые. А в гробу лежал Серега в сером костюме и клетчатой рубашке — такой же, как обычно, только с дурацкой прической. Поначалу все боялись. Пашка выпил залпом стакан и осмелел, он подошел первым и громко закричал: «Ты ох…ел что ли, вставай, вставай, я тебе сказал!» Безутешные родственницы стенали в сторонке, бывшие любимые женщины Сереги все разом обрели мир и взаимопонимание, охваченные общим горем, болью, которая была даже сильней, чем та, которую испытываешь при родах. Мать молча гладила сына, а гробовщик неожиданно начать всех торопить, пытаясь закрыть гроб: в этот момент Паша дал ему в глаз и заплакал.

9.

Таня сидела в кабинете и наблюдала потоки машин из окна, попутно посматривая в интернете странички с заманчивыми предложениями искусственного оплодотворения, суррогатного материнства и всякого разного иного материнства. Последние два года они с мужем тщетно пытались завести детей: испробовали уже, кажется, все секс-игрушки, все возможные девайсы и приспособления, ели клубнику в шоколаде и прочие афродизиаки в таком количестве, что могли бы уже составить энциклопедию. Каждый вечер перед сном она долго лежала в кровати и думала, как назовет всех своих пятерых будущих детей, периодически имена сменяли друг друга, а у них с мужем происходили забавные и не очень стычки. Так, к примеру, она просто ненавидела экзотику и воспринимала всех этих Милен, Марианн, Софи и прочих как будущих стриптизерш и проституток, древнерусские богатыри Ярославы, Святославы и прочие также мало впечатляли: «Он что, в монахи пойдет что ли?» В общем, нелегкое это дело — кого-то называть, а особенно человека. Муж, каждый раз пересмотрев изрядное количество футбольных матчей, мечтал о футболисте, ну на худой конец — каком-нибудь там боксере. А она, ясное дело, хотела дочь, чтобы умница, красавица и все такое. Потому что каждый раз, когда она видела всех этих мам с колясками и маленьких детей, она испытывала какое-то невероятное благоговение, как перед святым. Почти уверенная, что это и есть смысл всего, хотя вроде как современная женщина со взглядами и деньгами, а детей хочется.

10.

Вася вообще-то нечасто врал, только когда про личное спрашивали. Сколько лет? — 98. Где живешь? — В Австралии. Ну, короче, не любитель длинных разговоров, а потому несколько был раздражен тем фактом, что женщина напротив задает ему двести тысяч вопросов в секунду. Все-таки его дело отбивать одежду детскую, а не слушать тут чужие исповеди. Периодически он любил подшутить над коллегами и в громкоговоритель объявлял о какой-нибудь ерунде: «Вниманию Джессике Симпсон! Ваша чековая книжка осталась в трусах, что Вы примеряли». Люди вначале ошарашенно оглядывались в поисках богатой иностранки, но, быстро осознав, что магазин-то детский, выдыхали. А вот от коллег пару раз прилетало Ваське пи…ды, хотя, подумаешь, приврал.

11.

По большому счету страшно всем, тут вообще место не из приятных, но платят хорошо. Как-никак онкология. Все бледные, лысые, худые и грустные. Марья Иванна поначалу работала задорно, ну, подумаешь, онкология, ее-то дело бирки выдавать. Время шло, и она начала узнавать всех в лицо, уже знала, кто куда, кто к кому, где волонтеры, на каком этаже какой бокс. Детей становилось меньше, некоторые уезжали домой на выходные, но так и не возвращались. Тогда к ней спускали пакет с вещами, целью было вернуть

его родственникам. Именно этот момент был самым страшным, как стрела в самое сердце были их глаза, глаза этих самых обобщенных родственников. В какой-то момент Марья Иванна начала выдавать вещи вполоборота, так, чтобы не запоминать, чтобы не смотреть, не считать.

12.

Большим открытием для немолодой уже Марты стал небольшой храм, в котором каждое воскресенье играл до дрожи красивую органную музыку мужчина по имени Лука. Периодически проходя мимо афиши, она останавливалась и любовалась им, его красивым профилем и очерченным подбородком. С личной жизнью как-то не сложилось, один муж сменил другого, который, в свою очередь, стремительно ушел к молодой секретарше. Следом тишина, пустой дом и привычное уже одиночество. «Недаром его зовут как апостола», — подумала она, слушая Баха. Рядом с ней сидел белокурый мальчик, который каждые пять минут поглядывал на мать, всем своим видом показывая, как же ему скучно. Другой озорник сидел напротив и настойчиво рисовал собственное имя на спинке впереди стоящего кресла. Казалось, многие пришли сюда совершенно случайно. Мужчина лет сорока постоянно спрашивал жену, закончили ли петь. Но все это оставалось фоном, на котором величественные руки Луки возносились над клавишами. Марта инстинктивно подняла голову наверх — на куполе она увидела лик. На нее пристально смотрел Иисус Христос.

Игорь Ваньков

В объятиях грунтовых улиц

***

Фискаристом грустной мины
Выпал ветер из кабины;
Это он буровит зимы
Сладкой плотью древесины.
Новеллист — твоя история,
Мой сосед — создатель горя,
Ковыряет плоскогорья
Шумом моря.

Руки моет поезд в спальне
Горлом женщин или жён;
Бирюзовый умывальник
Богом был воображён.
Русский мент — твоя подмога.
Расскажи про осень лет,
Где мычит сугроб-берлога,
Какого цвета пистолет —

Отгадаешь, мудр и светел,
Кто девчонка вон того!
Твой божественный свидетель
С фискаристом заодно.

***

у финского залива филин,
как мертвый мальчик на дельфине;
совсем не нужно утешать
мальчишку горе-корешам;

цепёльских гвоздиков порядок,
идёт на производстве брак;
не тужат мужи, как телята,
и улицу целует град.

а ты приплыл; о, сдохший мальчик.
будто не сдох прокисший плач.
об муть калитки. это кальчик
забытых дач,

десяток умерщвлённых лейкой
лягушек лучших наших дней.
на автостанции скамейки
шугают крыс, как голубей.

***

Я дров король рассветом чурок,
Закатом батиных сапог.
Мой батя выплюнет окурок,
Которым переплюнет лог,
Где корни мусорного братства,
Где ДПС И ПМС
Снегами нюхают пространство
Уральских мест.
О, галстуки бы ткнуть в заборы.
При выбритых в окне узорах
Сосед лопатою гребет.
Пакеты вышивали небосвод,
Деревья гнулись
В объятиях грунтовых улиц.

***

...это не плед, но одеяло;
это не лыбь, но чья-то боль;
это царевна несмеяна
отправит в царство бандероль;

это не ручки —
рукавицы;
эту любовь не пьёт жена;
твою звезду буровит птица
острой конечностью
крыла.

это не в пальмах,
но берёзы.
это не бег, но частый шаг
за странной жизнью, но не поздно
заставить город
не дышать.

в кромешный час,
крамольный вечер.
ваш муж, наверно, ссыт корою.
и даже я достану печень,
чтоб стать твоей бензопилою

***

...моргают лужи; наш отец
по утрам на заборах пишет;
он рисует дорожный знак
силой свыше.

двести точек, твоих.
от меня
вечно любящий полагается,

если ты не любил, то свинья,
если да, то не знаю.

помню, что в декабре зацветут
пироги из конфет карамельных.
если ты остаёшься тут,
то поверь мне;

или чаще бери из рук.
в перекличке квартир — диета;
дышит сыростью, как Муму
снегопад краевого балета.

***

ночь — день
самолёт перепева;
день, ночь
торжество без припева;
семь смен
для розжига крыш —

без перемен
вся эта жизнь;

точь-в-точь,
будто бы спишь;
день – ночь,
около лжи.
раз в год
валятся листья —
раз в век
горизонт пообвиснет,

и друг, и его проявленья
дорого нам
не твое одобрение;
и по руке
сто второго участка...
голосом пой —
это боль от лекарства.

горе пойди,
пусть дурачатся роки
смех или грех?
а я выкинул нокиа
в тугое хайло.
от заката две спички
бьют по лицу
зачарованной вичкой.

***

дневное горе у Федоры,
как майский шарфик Айседоры.

густые мощи, как у Пашки,
зубные корни первоклашки;

червивый стан гниющих груш,
кричит глушак с эффектом стужи.

мужик тупит у банкомата,
ху...вый макияж плаката.

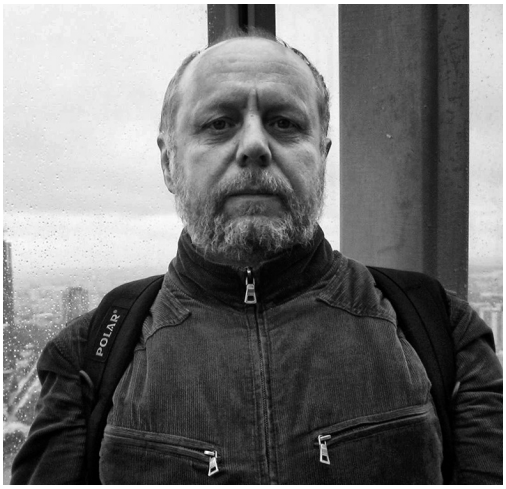
мятных жвачек перебор
не позволяет дёснам плыть

пылью желтеющих контор,
которых незачем любить.

***

Эти столбы — верёвки,
Выходы алых ламп.
Перегрызает бровки
Рыхлость оконных рам.
Улица многогранна.
Четверо тех придурков
Кидают в форточку камнем —
Падает штукатурка.
Эти ребята с водкой
(В ногу или не в ногу)
Типа идут в пилотках,
Типа не видя дорогу.
И водовозы Сани
Переезжают трупы,
Даже они кричали,
Что загорели трубы.
И вытекают лампы,
Алыми дурами корчась,
На перебитые рамы —
Перегорают ночью.

Памяти Вячеслава Запольских (1958–2019)



7 августа после продолжительной болезни скончался пермский писатель Вячеслав Запольских. Он родился в Перми в 1958 году. Окончил филологический факультет Пермского университета. Писал фантастические повести и рассказы. Автор книг «Планета имени шестого „б“» (Пермь, 1989) и «Любовь к ошибкам» (М., 2019 — книга вышла посмертно). На рубеже девяностых и двухтысячных издавал в Перми литературно-художественный журнал «Лавка фантастики». По просьбе «Вещи» друзья писателя Нина Горланова и Владимир Киршин вспоминают Вячеслава Запольских.

Запа

Вместо эпиграфа.

...темнело, и миллионы бедняков не спали в Иране, мечтая о трех миллионах, которые Хомейни пообещал каждому, кто принесет ему голову писателя Рушди. И уже были убиты наповал трое директоров книжных магазинов, которые не выбросили книги Рушди со своих прилавков, впрочем, один, кажется, был не директором, а священником.

Тогда в Перми три друга, в том числе Запа и Букур, шли собирать подписи в защиту Рушди...

— У меня уже все готово для романа, я имею в виду: выбраны изюминки, — говорил первый Слава.

— В мире вообще все готово, — буркнул второй. — Надо лишь проявить...

Теперь мне кажется, что тогда уже все было готово для судьбы Запы: он имел талант, доброе сердце и любовь к земным радостям...

***

Читатель! Друг! У Вас как с мебелью? Кресла есть? На колесиках? И что — Вы разрешаете детям гостей (или гостям детей) на них кататься по комнатам? Нет? Так-то вот... А Запа разрешает. Слава Запольских. Писатель. Автор фантастической книги для детей «Планета имени шестого "б"». Мои дети перечитывают эту повесть раз в год. Но еще более они любят живого автора. Когда у меня было только трое детей (Антон, Соня и приемная Наташа), они любили ходить в гости к Славе Запольских именно потому, что там можно было покататься по трем комнатам на креслах. Мама Запольских лишь приговаривала: «Хоть бы не сломали! Как бы не сломали!» Но не запрещала. Она тоже очень любила моих детей.

Наконец кресла сломались. Дети выросли. Время шло, мама Славы состарилась и стала ходить ка костылях. Но я родила новых детей. Дашу и Агнию. Они тоже очень любили бывать в гостях у Запольских, потому что там им разрешали походить на костылях! А мама Славы только приговаривала: «Как бы не сломали паркет!» Потом костыли стали тряпками заматывать, чтоб паркет не ломался (как копыта коням кочевников заматывали при набегах...)

Как говорит Кальпиди: «В чем измерить любовь Запольских к детям? В сломанных креслах на колесиках или в количестве выломанных паркетин?!»

***

А теперь сделаем плавный переход к вопросу нешуточному: психологии творчества. Известно, что для детей нужно писать так же хорошо, как для взрослых, только еще лучше. За счет чего может получиться (и получается) это «еще лучше»? Только за счет детскости, чистоты души. И — бесконечной любви к детям. И Слава (Запа) много возился с моими старшими детьми, когда они стали пионерами. Он возил их то в Ленинград, то в Свердловск (его всюду принимали за папу и шпыняли за вольное воспитание деток)... Тогда он захотел иметь своих — хорошо воспитанных — детей. Но для этого нужно — как минимум — заявить себя взрослым. Серьезным. И Слава позвонил за рубеж, за границу — на Украину (где жила его невеста). «У нас будет восемь детей!» — пообещал он ей. А моим деткам пообещал, что на своей свадьбе он в последний раз поиграет с ними в... жмурки. И все. Баста. Будет солидным мужем...

И в самом деле, когда гости на свадьбе выпили и стали немного рассеянными, жених удалился в дальнюю комнату с моими четырьмя детьми (Наташа уже схлынула от нас) и там напоследок поиграл с ними в жмурки. Когда он «водил» с завязанными глазами, в комнату

вошел тесть, которого жених схватил двумя руками, радостно завопив: «Ага, попался!» Тесть не понял юмора… Слава еще раз понял, что пора становиться серьезным человеком. Писать рассказы для взрослых…

***

— Фантаст Палей прожил более ста лет! — сказала я.

— Но зачем-то же ему понадобилось умереть от такой хорошей жизни?! — сразу возражает Запа.

***

Вячеслав Запольских написал у себя в блоге:

Нина Горланова неоднократно предпринимала попытки женить меня на своих знакомых. Помню, что одной из предлагаемых невест была К., впоследствии известный драматург, но я ей не понравился, потому что она тогда была ещё очень молодая, а у меня уже росла пегая борода.

Однажды Нина Горланова отпустила меня с частью своих детей в Свердловск. Это было зимой. Часть детей из-за моего недосмотра чуть не провалилась под лёд и не утонула в речке Исети, но мы Нине Викторовне решили об этом не рассказывать, а то бы она написала об этом повесть.

Нина Горланова написала про меня несколько рассказов и постов в ЖЖ.

Я написал для Нины Горлановой впрок нобелевскую речь, и с тех пор она ни разу не получила Нобелевскую премию.

Горланова часто дарила мне свои книги, но без дарственных автографов, а потом отбирала назад, чтобы передарить кому-нибудь другому. Наученный горьким опытом, я теперь говорю Нине Викторовне, что её книг у меня на руках нет, знакомые взяли почитать, а ей и приятно.

***

Как он любил Византию!

Как ценил жену Танечку — никогда не изменял ей!

Обожал все книги Алексея Иванова!

Одно время издавал журнал «Лавка фантастики» — очень хороший!

Дарил мне сюжеты картин — присылал фотографии, и я всегда сразу их писала: ангел будит волхвов, столпника и другие! Присылал для архива мои фотографии, если встречал на работе — в золотом пиджаке — был такой подтекст… однажды я сказала, чтоб похоронили меня скромно: никого не звали и поминок не делали…

— Только наденьте золотой пиджак, в котором я открывала свою выставку в Музее советского наива у Агишевых…

— Скромно похороните, — подмигнул Запа. — В золотом пиджаке…

Юмор был у Запы отличный! Он говорил: хороший возраст детей — это лет так пятьдесят… они тогда уже многое понимают (не дожил)!

Как он гордился сыном и дочерью! За месяц до ухода рассказал нам, как Федя в 6 лет спросил у девочек во дворе:

— А Шпенглера вы читали?

Последний тост у Запы всегда звучал так:

— За погибель!

Мы никогда не присоединялись…

В очередной раз отмечали у Запы праздник Рождества Христова. Он сказал: «Интеллигентного человека узнаешь по тому, что он пнул свою сумку и извинился перед нею». (Это мой муж шел на кухню, запнулся за свою сумку и извинился.) Так и мне хочется извиниться перед своими друзьями: если что-то не так написала, то простите великодушно! И не пейте за погибель! Слова так много напророчат…

Приведу первую попавшуюся запись вечерники с Запой и его Танечкой.

11 июля 2014 г.

Вчера ездили в гости к нашим дорогим друзьям Запольских.

После первой стопки мы рассказали про «день первобыта» с внуками.

— Земледелие было всегда, но носило сначала ритуальный характер. Засеивали клочок земли — с ладонь.

— Так в России оно и сохранило ритуальный характер. У нас в дачном поселке два гастарбайтера засадили огромный участок картошкой и исчезли навсегда, не окучивали, не собирали урожай. Так она и ушла под снег. (Запа)

— А я на родину ездила — некоторые друзья детства — мальчики — спились…

— Нина, мы все равно выпьем! (Слава Букур)

— Слава два раза потрясающую шарлотку испек в мультиварке!

— Шарлотку Корде? (Запа)

— А как же она выглядела? (Таня)

— Вот так (Букур выпил, потом откинулся, закатил глаза и свесил бессильно руку. В общем, изобразил «Смерть Марата»).

Я срочно перевела разговор:

— В шкаф-купе картины уже не входят. Дверцы не задвигаются…

— Надо купить шкаф-тессеракт, который в четырех измерениях раскладывается. Он выглядит, как линия. Разложил, загрузил картины и снова свернул в линию. (Запа)

— Долго приходится искать эту линию. (Букур)

— Зато она выходит в другие галактики, примерно как в Нарнии… (Запа)

— Вернись из Нарнии, я все прощу!.. А пошел ты в Нарнию! (Букур)

— Я купила вишню на варенье. Слава сказал: «В варенье нет истины. Я сделаю вино, истина в вине». Перчатку надел на бутыль… Постепенно все знакомые приходили и осушили эту бутыль. (Таня)

— А мой Букур в свое время вымыл пол новым ирисовым платьем. А внук недавно вымыл пол новой толстовкой брата. (Я)

Запа восторженно:

— Мы, мужики, очень трудолюбивы!

— Ведь видно, что я Букура берегу?!

Запа — безжалостно:

— Если бы ты его не берегла, то его берег бы кто-то другой.

Друзья, у меня миллион таких записей! Но вы все уже поняли! Любили мы очень драгоценного друга и не знаем, как без него жить…

Нина Горланова

Фантаст

Редкий случай, когда можно описать человека одним словом. Принято считать: Вячеслав Запольских — писатель-фантаст. Но, по-моему, Запольских в первую очередь и в огромной степени фантаст, ну, а писатель — это уж как обстоятельства позволят. Он нездешний, Слава, сам по себе запредельный — вот я о чем. И мерки его запредельны — этим объясняются все особенности его контактов с нами, землянами, — то искрометно прекрасные, то искряще опасные, то… никакие. Главный парадокс и главная проблема Славы в том, что он по факту рождения тоже землянин, как и мы, а по профессии вообще репортер, человек мелькающий! Бог знает, сколько труда ему стоило по нескольку раз на дню синхронизироваться с местными героями дня, чтобы выдать репортаж в газету, на радио, опять в газету… Помогло отцовство. По моему предположению, став отцом, Слава иначе взглянул на мир, его цикл очерков «Кудесы перемские» — это земля в подарок детям, опись владений. Поездки по Прикамью стали для фантаста открытием терра инкогнита. Такое остранение недоступно никакому краеведу — «Кудесы…» писал фантаст! Причем фантаст прозревший, то есть полюбивший сей мир, коснувшийся его веры и принявший его обычай. Акме.

Но едва коснувшись земли, грунта, Запольских немедленно улетает в лингвистику, логос. Там такие пространства и возможности, что заветная «научная фантастика» с ее техническими прогнозами и нравственными проблемами, написанными, при всем уважении, беляевским стилем, теперь кажется милой архаикой. Настоящему фантасту в XXI веке нет нужды в звездолетах. Он проницает времена и пространства словом. Алхимик-amateur, он наслаждается, медленно переливая времена в повести «Пермский апокриф», медленно смешивая пространства в романе «Фараонова мышь». Занятно наблюдать развитие фразы лингвист-фантаста — она начинается в квартире автора, а заканчивается на кремнистой дороге в древней Фракии, где, «звякнув сбитой гиппосандалией Пятого Македонского легиона, валяется Гем, разламывая на севере горизонт. /…/ Желудок изнурен продымленным, воняющим чесноком книсозомом, кишки забиты рябиной и поджаренным горохом. И нечего мечтать о вине…»

Нет, цитировать лингвист-фантаста невозможно, ткань его космичной прозы неразъемна, при малейшей попытке выделения она сразу начинает кровить и гибнуть.

Вот что нам с ним делать? Только мультфильм.

У нас со Славой было много дел. И много недоразумений. Но здесь уместно вспомнить с благодарностью его внимание к моим книгам — упорное, несгибаемое одобрение. Порой меня это даже беспокоило — эрудит, зоил Вячеслав Запольских бубнит себе под нос: «Вот как надо писать — как Киршин». Смеётся он надо мной, что ли? В середине 1980-х, когда мы еще не были знакомы, он прочел мою рукопись и пришел на обсуждение в лито с магнитофоном — взять у меня интервью для радио. Конечно, я сразу подрос на вершок в собственных глазах. Я тогда еще не вполне определился в отношении литературы. Вячеслав Запольских создал музыкальную радиокомпозицию по моей прозе; ее услышала вся Пермская область! Он напечатал мой фантастический рассказ в газете «Пермский строитель» (!) в пяти или шести номерах. Безоговорочно принял мой (весьма спорный) роман «Чутье совершенства». Прошу понять меня правильно, я должен об этом сказать. Тем более что позже, в 1990-х, Вячеслав Запольских эту свою миссию поддержки расширил и утвердил в проекте «Лавка фантастики», с помощью единомышленников, естественно. И многие начинающие авторы были ему признательны. В их числе Наталья Володина, Алексей Лукьянов — наши лауреаты премии Ивана Семенова «За неисправимость литературы!».

С ним было весело. С ним было трудно. Он нездешний, Слава, его дом Вселенная, его времена — семена в горсти: подыши — они прорастут, распустятся невиданными цветами. Факт его физической смерти для меня ничего не меняет, наш диалог со Славой продолжается.

Владимир Киршин

«Эта серия — жест любви к поэзии и поэтам»

О новой поэтической книжной серии InВерсия

Юлия Подлубнова, Екатерина Симонова и Александр Маниченко

Наталия Санникова

Екатеринбургское издательство «Кабинетный ученый» запустило новую поэтическую книжную серию «InВерсия». Она названа по одноименному фестивалю, который проходит в Челябинске. «Поэзия доступна на многих интернет-ресурсах, в блогах, на поэтических чтениях. Ее много, а поэтических книг — мало. Мы верим в то, что необходимость в поэтической книге сопоставима с потребностью в человеке, в собеседнике, которому ты небезразличен. Мы хотим «остановить» голоса современников, чтобы они избежали исчезновения. Эта серия — жест любви к поэзии и поэтам», — говорится в манифесте поэтической серии, которая осенью была презентована на фестивале «InВерсия». Журнал «Вещь» поговорил с ее кураторами — поэтессами Юлией Подлубновой, Екатериной Симоновой и Наталией Санниковой.

Чем вызвана ваша издательская инициатива? Это будет исключительно поэтическая серия?

Юлия Подлубнова (Ю. П.): Мне кажется, у нас просто набралась критическая масса того, что мы хотели бы издать или прочитать. Причем мыкаться по издательствам и издателям оказалось делом психологически выматывающим и по большому счету бесполезным. Вот в этом месте Катя Симонова обязательно бы написала, что она старая больная женщина, ей проще работать с друзьями, которые всегда подставят надежное старое плечо, Катя — прекрасна, а я ограничусь лишь ссылкой на свою накатывающую волнообразно социопатию и какое-то тотальное ощущение лузерства, даже если нет объективных предпосылок для его появления. Потому мне реально проще делать стартапы, чем вписываться в проекты. Впрочем, в данном случае мы вписались в большой издательский проект Федора Еремеева *(главный редактор издательства «Кабинетный ученый», — прим. редакции)* со своим стартапом. Думаю, никогда не лишне сказать нашему издателю спасибо.

Серия сейчас у нас в приоритете, но вместе с первыми сборниками «InВерсии» мы выпускаем книгу «Культура путешествий в Серебряном веке. Исследования и рецепции», в которой собрали статьи, эссе и поэтические тексты по заявленной теме. Многие из текстов писались специально к фестивалю «InВерсия» 2018 года — там проводился соответствующий поэтический сет. Надо сказать, выпуск этой книги поддержал также сектор истории литературы Института истории и археологии УрО РАН. Далее в наших планах выпуск долгожданной книги кавер-версий стихотворения Николая Заболоцкого «Некрасивая девочка». И аналитики вокруг них. Это тоже фестивальный проект, но 2017 года. Затянули с ним, конечно.

Екатерина Смионова (Е. С.): Вот все было совсем не так. Но да — я действительно старая больная (и прекрасная) женщина, поэтому предпочла бы не работать вообще. Однако это невозможно, поскольку тебе постоянно звонит или пишет Подлубнова и предлагает замутить то то, то это. А ты вяло отбрыкиваешься, поскольку понимаешь, что все равно в итоге будет по-подлубновски, ибо она — асфальтовый каток, а я, видимо, асфальт.

Вопрос об издании книг поднимался Юлией давно и не раз, но, честно говоря, представляя то количество мороки, которое будет связано с сим процессом, более того, представляя, что придется — о, ужас! — общаться с людьми, я только закатывала глаза.

Но когда с хорошей идеей подкатывает не обычный человек, а асфальтовый каток, то… Что может с этим сделать старая больная женщина? Только согласиться.

А Наташу Санникову мы уговорили, грязно манипулируя ее чувством ответственности, — если не она за нами, беспокойными существами, приглядит и направит (туда, куда надо, а не туда, куда можно подумать), то кто?

Наталия Санникова (Н. С.): Следовало бы ответить на некоторые инсинуации, но все было не так. Когда деревья были большими, а фестиваль и премия «ЛитератуРРентген» — главным поэтическим проектом на Урале, я регулярно предлагала Васе Чепелеву *(екатеринбургский поэт, организатор поэтического фестиваля и одноименной поэтической премии «ЛитератуРРентген», — прим. редакции)* сделать книжную серию. Потому что все время было ощущение дефицита поэтических книг — не только уральских авторов. Вот, думаешь, вышли в каком-то году книжки Горалик или Львовского, или там Ровинского — и все что ли? А молодые поэты, которых премия представляла, когда «дослужатся» до собственных книг? Но Вася на уговоры не велся, а потом и уговаривать стало некого. А когда затеялся в Челябинске фестиваль «InВерсия», стало ясно, что мы все вместе можем что-то делать толковое, сгустилось поле идей и намерений, так сказать. И я очень благодарна Юле и Кате, что они меня к этому намечтанному книжному проекту подключили, нашли применение моему занудству. С друзьями очень хорошо делать что-то для друзей, а их у нас, к счастью, много.

Каков расклад ролей в вашем издательском триумвирате? Чем занимается каждая из кураторок?

Ю. П.: Расклад таков: Катя Симонова — гениальный составитель поэтических книг, Наташа Санникова — гениальный коммуникатор, и еще в нашей команде числятся гениальный дизайнер Альберт Сайфулин и не менее гениальный верстальщик Елизавета Коптелова. Так что я тут немного сбоку, но зато придумала, как их выдающиеся способности направить в практическое русло. Про гениального советчика и вдохновителя Елену Баянгулову *(екатеринбургская поэтесса, — прим. редакции)* умолчать тоже не могу.

Е. С.: В конце концов, для чего существуют друзья и командная работа, как не для называния своего маленького кружка однозначно гениальным? На самом деле все опять немного иначе. Про гениального дизайнера Альберта Сайфулина и не менее гениального верстальщика Елизавету Коптелову все сказано верно, тут я ничего добавлять или исправлять не хочу, не могу и не буду.

А что касается нашего маленького триумвирата, то, чтобы не повторяться, назову его не гениальным, а прекрасным: Юля Подлубнова — прекрасный организатор, планер и пинальщик (последнее — особенно ценная штука: если бы Юля никого не пинала, любой день превращался бы в долгий месяц); Наташа Санникова — прекрасный специалист по тому, как все на самом деле должно быть правильно и красиво (пока мы с Юлей кричим «Да к черту биосправку, главное — тексты!», Наташа просто спокойно и три раза пишет, что так не делается. И появляются аннотация, обложка, релиз — правильные и красивые, именно в том виде, в котором они должны быть, а не в том, в котором их явило нам распаленное идеями и порочным желанием «все побыстрее бы» воображение); я — прекрасный штатный паникер, халтурщик и чатная сплетница (между прочим, это очень, очень сложная работа, отнимающая много сил и времени). Ну и да, над всеми нами (з)реет незримый суровый дух Елены Баянгуловой.

Н. С.: Честно сказать, мое присутствие в проекте для меня самой загадка. Чистый дружеский жест со стороны Юли и Кати, которые умеют примерно все: они договорились с издателем, с авторами и рецензентами, составили и сверстали книжки, сдали их в печать, нашли продавцов, скоро повезут в Москву три новеньких сборника (тут следовало бы добавить шаблонное «пахнущих типографской краской», но цифровая печать не пахнет). Надеюсь, у меня будет иногда получаться быть полезной проекту. Я за него очень болею. И мне вполне верится, что эта издательская инициатива окажется нужной авторам и читателям. А ко всему сказанному выше добавлю, что мы очень признательны поверившим в нас коллегам — Даниле Давыдову и Галине Рымбу. Благодарны вдохновляющим нас своим примером Дмитрию Кузьмину, Александру Переверзину, Виталию Лехциеру и всем, кто издает современную поэзию. И еще раз — Альберту Сайфулину, который много лет помогает мне в любой ситуации, требующей присутствия художника. И Лизе, которая превращает рукопись в книгу, а потом три раза через весь мегаполис ездит смотреть цветопробы. И Федору Еремееву, без которого ничего бы не произошло.

Это ведь не коммерческая инициатива? Каждая из кураторок работает за идею? А средства находите где — за счет грантов, авторов, издателя?

Ю. П.: Вопрос не из приятных. Скажем так, какие-то книги выходят при поддержке самих авторов, какие-то выпустит издатель за счет своих ресурсов, и мы сейчас продумываем разные схемы привлечения финансов. Разумеется, книги будут продаваться в магазинах и на сайте издательства.

Е. С.: Давайте честно: практически все современное поэтическое книгоиздательство работает «за идею». Так всегда в России было и так всегда будет. Это нормально. Поэзию можно издавать только по трем причинам: из любви к поэзии (простите за сопли и мякОту), ради развлечения (ну а чем нам тут, на Урале, еще заниматься, само собой, не жить же нормальной человеческой жизнью?) и ради повышения личного нематериального капитальчика. Удачно, что все эти три звезды так гармонично сошлись на нашем небосклоне.

Н. С.: Хотелось бы найти деньги, что тут говорить. И мы будем рады любым советам и предложениям. Безусловно, выпуск книг за счет средств авторов, друзей и знакомых не означает, что в серию попадут случайные люди, — у нашего самого главного редактора вообще не забалуешь.

На фестивале «InВерсия» планируем не только представить (и продавать) две первые книжки, но и провести веселый поэтический аукцион в пользу будущих книг — лот от Катеньки там точно будет! Надеемся, что «Кабинетный ученый» поддержит некоторых авторов.

Почему первыми в серии вышли книги Юлии Подлубновой и Александра Маниченко?

Ю. П.: Мы решили начать с Урала, может быть, даже с самого очевидного в нашем екатеринбургско-челябинском кругу: выпустить первые книги тех, у кого их до сих пор нет. Мне тут не совсем удобно говорить про себя и свой сборник, потому скажу про Александра Маниченко: он выпускник Лита, лауреат «ЛитературРРентгена», один из кураторов фестиваля «InВерсия», его хорошо знают в поэтических кругах, а вот книги до сих пор не было. В общем, это все просилось само.

Не знаю, стоит ли раскрывать карты. Но №3 в серии, пожалуй, уже можно анонсировать: мы готовим книгу Марии Малиновской с послесловием Алексея Порвина.

И да, про Урал мы забывать не собираемся.

Е. С.: Вот зря Юле было неудобно говорить про себя и свой сборник. Потому что теперь все будут знать только мой вариант развития событий.

Случилось хорошее спокойное лето 2019-го. Однажды Подлубнова, как обычно, позвонила посередь белого дня и просто поставила меня перед фактом, что я ей должна собрать книжку, причем срочно — ну, просто чтоб было прям щас, точнее, в течение месяца, не позже, надо управиться (не потому, что куда-то надо, а просто «чтоб было в хозяйстве»), а потом отдала мне кучу своих стихов и уехала в отпуск. Из отпуска она нашему семейству слала убийственно чудесные фоточки разных английских лужаек и домиков, поэтому спастись от зависти можно было только одним способом: вычитывать подлубновские тексты и мстительно удалять, удалять, удалять из файла лишние. В итоге получилась, на мой скромный взгляд, просто отличная книга: зависть — всегда один из лучших мотиваторов.

Ну, в итоге все и заверте… — в процессе обдумывания «куда пристроить и где напечатать» мы легкомысленно вдруг решили, что самим издать проще и, главное, быстрее. И все будет точно так, как хочется автору.

По удивительному стечению обстоятельств в это же время о книге задумался вдруг и Александр Маниченко (конечно, хотелось бы залихватски написать, что Юля, как она это обычно со мной делает, просто поставила его перед фактом, но Саша — не я, он не старая больная женщина!). И Наташа вдруг поддалась на эту авантюру. И наше легкомысленное решение вдруг (в который раз это «вдруг») приобрело реальные и очень даже приятные для глаза формы (не могла я не подпустить хотя бы в финалочке своей любимой объективации всего и вся).

И Подлубнова не зря говорит, что про Урал мы забывать не собираемся — в следующем году в планах издательства книга екатеринбуржца Евгения Ивачевского. Тоже, между прочим, первая его книга.

Н. С.: Поскольку с первыми двумя и даже с третьей книжкой все уже прояснилось, добавлю к сказанному, что в начале 2020 года мы планируем издать книгу стихов Ильи Кукулина. Огромное спасибо ему и всем авторам, оказавшим нам доверие. У нас есть еще планы и мечты — если земля не налетит на небесную ось, скоро вы все узнаете.

Е. С.: Точнее: если земля не налетит на небесную ось и не взорвется Йеллоустоун! Прошу считать это дополнение важным!

Ю. П.: Да, что-то в этом роде.

Беседовал Юрий Куроптев

Константин Комаров

Про кожуру и мишуру

В прошлом номере «Вещь» опубликовала рецензию писателя Алексея Лукьянова «Между клише и кушеткой», посвященную дебютной поэтической книге поэта из Соликамска Михаила Куимова «Хребет». Автор рецензии утверждал, что поэтическая речь молодого поэта «пока лишь имитируется», что он использует литературные штампы и клише. А «проговаривание всевозможных душевных (и не только) травм — чуть ли не основной его творческий метод». Негативный отклик вызвал резонанс. Журнал решил предоставить возможность высказать иную точку зрения на книгу. В адрес редакции был прислан текст, автор которого не столько рецензирует «Хребет», сколько защищает молодого поэта. Редакция сочла уместным опубликовать его в рубрике «Полемика».

Редакция журнала «Вещь»

Сразу скажу, что данный текст не является в строгом смысле откликом на книгу «Хребет» (который я, впрочем, с радостью мог бы написать, и, вероятно, ещё напишу), но большей частью проходит по разряду «критика критики». Этот текст не столько о поэте Куимове, сколько о явлении литературно-критической графомании. Но сначала всё же немного о Куимове.

На мой взгляд, Михаил Куимов является на сегодняшний день одним из наиболее интересных и перспективных молодых поэтов России. В его стихах заметно «лица необщее выраженье», индивидуальность лирической оптики. Продолжая в целом традиции классической русской поэзии, Куимов умело и точечно обогащает их использованием модернистских приемов. Его лирическая эмоция всегда психологически убедительна, достоверна и вызывает читательское сопереживание.

Немаловажно, что за стихами Куимова, что называется, «дышат почва и судьба». Их подлинность «удостоверена» многолетней работой автора на шахтах — в Соликамске и в Магаданском крае. Этот опыт, преобразуясь поэтически, лишает стихи Куимова всякой искусственности и нарочитости. В этом смысле Михаил наследует своему земляку — поэту удивительной лирической силы — Алексею Решетову.

Вышедшая в 2018 году дебютная книга стихов «Хребет» демонстрирует многогранность и динамику развития поэтики Куимова. Очевидно, что он не боится меняться, преодолевать инерцию собственного письма, пробовать новые жанры и формы, не движется по накатанной.

Творческую состоятельность Михаила Куимова, помимо книги «Хребет», подтверждают ряд значимых публикаций, неоднократные победы и выходы в финал в региональных и всероссийских поэтических конкурсах и фестивалях («Решетовские встречи», «Филатов-фест» и др.). В июле этого года стихи Куимова были по достоинству оценены редакторами авторитетного литературного журнала «Знамя», и он был рекомендован к участию в Форуме молодых писателей России и стран СНГ в Ульяновске. Наконец, Куимов — без пяти минут член Союза российских писателей.

Понятно, что всё это внешние атрибуты, «плюшки», важнее, что за ними стоит глубокая и интересная поэтическая личность. И личность эта становится заметной. Вот и «Хребет» не остался без критического внимания. Правда, вышедшую в первом номере «Вещи» за 2019 год рецензию Алексея Лукьянова с вычурным и претенциозным заглавием «Между клише и кушеткой» критикой назвать крайне сложно. Удара по «Хребту» у Лукьянова не получилось, вышел лишь сомнительный невнятный тычок, играющий, в конечном счёте, в пользу поэта, ибо дарёному хайпу, как говорится, в строчки смотреть не надо, особенно когда дело касается дебютной книги. Так что с этой рецензией, по самому факту её наличия, Куимова тоже можно поздравить — задел, разбередил, взволновал.

Тем не менее приглядимся к лукьяновскому тексту. Будучи в высшей степени непрофессиональным, он производит впечатление, будто школьник возомнил себя академиком-литературоведом и с дотошностью «ботаника» развинчивает и анатомирует стихи, при этом механистично стараясь соответствовать всем мертворожденным лекалам «классической» рецензии. Выглядит это сколь убого, столь и забавно, учитывая, что в анамнезе у Лукьянова тотальная глухота к поэтическому слову, прискорбное непонимание нелинейности и парадоксальности поэтической логики и образности. Он колет орехи микроскопом с видом Луи Пастера.

Лукьянов ищет в циклах, составляющих книгу Куимова, «объединяющую идею», но поэзия — не искусство «больших идей», это удел прозы. Сюжет как стихотворения, так и поэтической книги — дискретен, пунктирен, парадоксален. Об этом замечательно говорил, например, Лотман, которого Лукьянов, вероятно, не читал. Такие понятия, как «дебютная книга» и «начинающий поэт», критик рассматривает как синонимичные, забыв, видимо, что многие поэты первого ряда по разным причинам выпускали первые книги за тридцать, а то и за сорок. Куимов пишет (и шире — думает и чувствует стихами) давно, и назвать его «начинающим» я бы поостерёгся. Равно как поостерёгся бы сводить его поэзию к «проговариванию травмы».

Терапийное назначение поэзии в некотором роде фундаментально — оно проявляет себя как в графоманских опусах, так и в лирических шедеврах. Это не дифференциальный признак их различения, а общая почва. Однако мне видится в стихах Куимова много чего помимо этой априорной «терапийности».

Лукьянов вменяет Куимову «высокопарность оборотов» и «неряшливость исполнения». Пафоса Куимов, действительно, не боится (а эта боязнь превратилась в нынешней поэзии, похоже, в пандемию), но использует его исключительно в целях психологической убедительности прямого лирического высказывания. Что касается «неряшливости», то чаще всего — это сознательная «поэтика небрежности», которая цепляет и пробуждает сознание воспринимающего, позволяет ощутить «преодоление» языкового материала (о котором говорили формалисты), непосредственно почувствовать текст. В частности, это относится к куимовской рифмовке — зачастую мастерской.

Попытки Лукьянова переписать стихи, поменять местами слова вообще серьёзного комментария не заслуживают. Понятно, что, когда поэт пишет «из прошлого сделай плот», никакой «флот» здесь на место «плота» не встанет. Ещё более явственно, что «кожура» в строке «так я с себя снимаю мишуру» не замена «мишуре». Воспользуюсь нулевой логикой нашего критика: сделать этого нельзя, потому что Куимов — Миша, а не апельсин. Невозможность подобных замен очевидна всем, кроме Лукьянова, разбирающегося в анализируемых стихах не более, чем конь в упомянутых апельсинах.

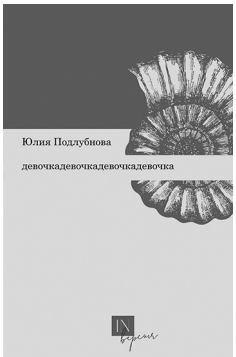
Собственно, если в общетеоретических рассуждениях Лукьянов ещё как-то (плохо) пытается держать лицо, то когда он переходит к анализу конкретных стихов, то впадает уже в такой дремучий бред, что хорошо бы мне остановиться здесь, опасаясь за своё душевное здоровье. Но я рискну и напомню банальное: подход к стихам с точки зрения обыденной, примитивной логики, плоской и дурно понятой «объективности» — мягко говоря, непродуктивен, что данный «анализ» демонстрирует во всей красе, изымая из стихотворения Куимова только культурологический пласт и рассматривая его вне органических, тонких и сложных связей с другими (многочисленными) слоями и тканями стихотворного организма. Это как по отдельно взятой, допустим, селезёнке судить о характере и темпераменте человека — результативность аналогичная. Впрочем, и сам «аналитик» проговаривается, что изначально подходил к тексту с целью «выскоблить мораль». Ну, выскоблил, с барского плеча (это ничем не оправданное высокомерие вообще превалирует в интонациях рецензента) констатировав, что «Михаил не бездарен». А толку?

В заключение отмечу, что у меня самого есть серьезные вопросы к стихам Куимова. Оставлю их для другого разговора. Но то, за что его (а на самом деле — себя) подвергает публичной порке Алексей Лукьянов, является как раз достоинствами куимовской лирики. Просто достоинства эти искажены и вывернуты наизнанку выморочным сознаньем критика. Это убедительно доказывают цитаты. Ох уж эта необходимость цитировать — неизбежный крест критиков, пытающихся легитимизировать беспомощную графоманию, либо же — как в данном случае — принизить и оболгать достойную поэзию. Об этом в свое время замечательно высказался Игорь Шайтанов, говоря о творчестве современных мейнстримных верлибристов, адресую читателя к его книге «Дело вкуса». Приводимые Лукьяновым цитаты сами по себе убедительно опровергают нападки рецензента, «убирают» его измышления на раз, что создаёт явно незапланированный зверино серьезным тоном рецензии комический, автопародийный эффект.

Я — как вы заметили — стихи Куимова принципиально не цитирую, хотя мог бы делать это долго и с удовольствием. Почитайте их сами. Книга «Хребет» этого заслуживает.

Социальные сети исчислимого одиночества

Юлия Подлубнова. Девочкадевочкадевочкадевочка. — Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2019
Александр Маниченко. ну или вот о нежности. — Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2019



Первая книга издательского проекта «InВерсия» — сборник поэта Юлии Подлубновой «Девочкадевочкадевочкадевочка» — неслучайно открывается с 55-й статьи Конституции Российской Федерации, автор постулирует собственную свободу, строит своё государство, разочаровавшись в уже существующем мире *(«Каждый имеет право на жизнь. // Процедура нарушена. // Отказ. // Каждому гарантируется свобода мысли и слова»).* Зачастую в текстах появляется представитель власти, как правило, полицейский, однако дихотомия «власть имеющих» и «бесправных» распространяется на всех, кроме самого автора — стороннего наблюдателя и главного свидетеля происходящих событий.

Эти тексты во многом конструируют отдельный мир, посвоему пугающий *(«По случаю Дня защиты детей // колесо обозрения // взвешивает человечину»)*, техничный и полный машин и прочих плодов цивилизации, герметичный, как пространство японских капсульных отелей, сочетающий в себе ретроспективу и вместе с тем бесконечную устремленность в будущее *(эдакое «назад в будущее»: «Будущее наступило, // и потому его нет»)*, разочарованность в нем.

Та же герметичность и лаконичность присуща и формам текстов, их устройству: в этих текстах нет ничего лишнего, они, действительно, как справедливо отмечает поэт и автор предисловия Галина Рымбу, афористичны. Вероятно, это обусловлено еще и тем, что перед нами автор-наблюдатель, созерцающий окружающий мир и его носителей, фиксирующий реальность посредством фактов: сухих и неподдельных. Структура книги также лишена излишеств: главы отделяются друг от друга лишь римскими цифрами.

Часто в текстах Подлубновой возникают имена собственные, за редким исключением, это представители уральской поэтической школы:

Ярослава Широкова надевает
узкую юбку.
И лучше не знать, что делает
Катя Симонова...
... Руслан Комадей пишет
письмо
***
Лена Баянгулова сурово
сказала...

Притом имена здесь очеловечивают авторов, превращая поэта в обычного человека, в отличие от плозии Александра Маниченко, где происходит обратный процесс. В этой поэзии нет пафосности, высокопарности, писать стихи так же обыденно, как и надевать юбку.

Хотя есть здесь и свои «болевые» точки, в числе которых одиночество: *«Здравствуйте, социальные сети // исчислимого одиночества...»; «...здравствуйте, здравствуйте, я здесь совсем одна»; «нет никого, кто бы сказал: 'ЛЮБЛЮ'»; «Не добавит: — А ким о айшитэиру**».* В этом холодном, герметичном мире на человека смотрят лишь *«Белые горячие // фары то-*

ски» и снег, превращающий комнату в «публичное пространство».

Отдельно хочется сказать о названии книги, перед нами не просто поэт, а женщина-поэт, бесконечно конструирующая идентичность:

Я — ТВОЯ ДЕВОЧКА, ПАПА,
НЕ РОДИВШАЯСЯ СЫНОМ.
***
минус женщина около 40
***
Кто я? Девочка прямого
действия.

В текстах часто появляются женщины: случайные *«женщины с проводами химзавивки»; «женщины, привыкшие // к деньгам и абортам»*; *«продавщицы фарша»*. С одной стороны, Подлубнова транслирует социальные стереотипы, связанные с гендером в целом, объединяя себя с ним (*«мы ваши женщины»*). С другой — конструирует идентичность, обозначает себя путем приращения того самого «прямого действия». Действительно, почти всё здесь — в этой поэзии и шире — в конструированном Подлубновой мире есть действие. Так, к примеру, понимание есть главное действие автора, склонного к рефлексии не только ввиду профессиональной деятельности (имеется в виду литературная критика), но и органично.

В 5 я всё поняла
про устройство вещей, и мне
стало неинтересно.
В 13 я всё поняла про страну,
и мне стало, да, неинтересно.
В 17 я всё поняла про гендер
и сексуальную ориентацию,
и мне стало неинтересно.
***
Невозможность создать
телефонно-сосудистую
систему:
два разных сердца
на разных концах провода

Эта поэзия несколько пессимистичная, очень «трезвая» в том смысле, что лишена иллюзий и излишеств: *«и трубы заводов // как папиросы ангелов», «человек есть сознание // плюс неврастения»*. Кроме того, нахождение в мире вызывает у лирического субъекта не только скуку, но и тошноту, разочарованность:

Всё хорошо, всё путём —
в это верит только
околотелевизионная овощь

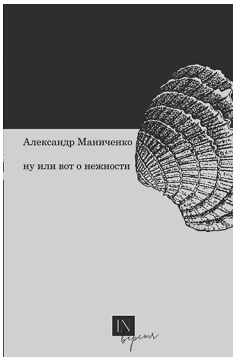
Так, лирический герой, с одной стороны, крайне рационален и стремится систематизировать мир и его составляющие (выстроить контакт с реальностью, установить соединение: «соединение разорвано: ты умер»), с другой — все же тяготеет к эмоциональности, к любви, к подлинному столкновению с человеком, к нежности (*«Похоже, смерть — это // ромашки на станции Ебара-маши, // ласковые котики»*). В этом отношении очень интересен текст «Японская колыбельная», являющий, на мой взгляд, сосредоточение двух этих начал.

Вторая книга в серии «ну или вот о нежности» Александра Маниченко, напротив, сосредоточена на нежности, на столкновении с другим человеком. Перед нами дебютная книга поэта, но Александра Маниченко нельзя назвать начинающим или малозначительным: выпускник Литературного института, лауреат премии «ЛитературРРентген» (Екатеринбург, 2009). Публиковался в журналах «Воздух», «Транзит-Урал», «Урал» и других. Как справедливо отмечает Данила Давыдов в послесловии: «Перед нами один из самых оригинальных и одновременно непрочитанных поэтов своего поколения».

Чем же может быть обусловлен столь поздний выход дебютной книги?

В какой-то степени иначе быть и не могло с учетом щепетильности и аккуратности автора, и в особенности качества его текстов. Примечателен самый первый, открывающий книгу, «Новогоднее обращение», устройство которого напоминает отрывок доверительной беседы, в частности, за счет синтаксического параллелизма и имен собственных. Во многом его можно было бы назвать принципиально важным для Александра Маниченко, в некоторой степени программным, максимально органичным ему.

Отдельно остановимся на трехчастном композиционном устройстве книги: «вот например о боли», «вот например о неловкости» и «вот например о памяти». Так боль, неловкость и память оказываются наиболее интересными для поэта состояниями. Кроме того, свойственными всем людям, человеческими, но



большее из них, безусловно, — нежность, неслучайно именно она вынесена в заголовок:

смерть нежна ночь ещё
нежней
***
что ты уходишь ночь ты
была так нежна
***
и от нежности крошится
сердца гранит
***
давай верить что сила
в мягкости
что кроме нежности больше
нет ничего
***
нежные мертвецы хрупкие
косточки

Нежность, с одной стороны, сопутствует смерти и мертвецам, с другой — объединяет живых, то единственное состояние, которое соединяет мир живых и мертвых.

Примечателен тот момент, что первая часть книги «вот например о боли» во многом сфокусирована на чужой боли, собственная боль почти никогда не явлена напрямую за редким исключением, боль проецируется на внешний мир и его обитателей:

а что я я яблоня я хочу любви
***
я лежу в грязи и в пыли
***
я девушка красивая
и с книжкой
меня вчера жестокие
мальчишки
смеяся в нашей речке утопили
красивая и мёртвая я пела

Голос чужой боли может быть как женским, так и мужским, речь же самого поэта графически выделена курсивом, как это происходит в тексте «Прогулки с Р. К. по преимущественно ночному Эльмашу». В особенности интересен и момент пересечения пишущего субъекта и языка, их сращение:

согласуйте меня управляйте
меня примыкайте меня

Я бы осмелилась назвать Александра Маниченко поэтом в высшей степени эмпатичным, если точнее — восприимчивым ко всему. Это особая чуткость к кодам культурным, человеческим, языковым, музыкальным. Неслучайно с сопричастности всему начинается книга, а в первом тексте «Новогоднее обращение» люди, окружающие поэта, становятся почти частью культуры.

Маниченко — автор, умеющий сочетать, казалось бы, несочетаемое или, по крайней мере, неожиданное, вплетающий несколько контекстов и дискурсов в единое поле текста (так, в одном ряду супергерои, пионеры, чип и дейл, штирлиц и Офелия, Великий А'Туин — персонаж книг Терри Пратчетта из цикла Плоский мир).

Поэт, постоянно обманывающий стереотипы и читательские ожидания, легко соединяющий разные текстуальные пласты: к примеру, в тексте «Стратегии выживания» появляется ссылка на статью «Медузы»:

что ты уходишь ночь ты
была так нежна
(цитата на две строки
про рассветный пейзаж
и никакой любви только
красное небо уходящая
нежность ночи)

Лейтмотивной оказывается тактильность, всё живет в прикосновении, и в ней имеет смысл:

при
мимолётном касании
обычный казалось бы участок
кожи
не просто становится
эрогенным
а становится билингвальным
пространством
полного и точного перевода
с языка меня на язык тебя
***
забудем бесплотных идей
тактильные чувства
оставим себе

Лирический герой не отделяет себя от мира и от других, напротив — стремится к единению с ним, в том числе посредством прикосновения:

наши ряды редеют

Кроме прочего, необходимо упомянуть и музыкальность этих текстов, сам автор постоянно прислушивается ко

всему: среди гомона этих звуков будут и Летов (так, один из текстов напрямую отсылает к последнему альбому группы «Коммунизм»), и русские народные любовные песни. Тексты многообразны, сложно устроены, целая полифония разрозненных голосов, среди которых не только друзья и знакомые, но и неизвестные. Как в целом и пространство представляет собой сочетание известных координат (ретроспектива), так и неизвестных.

Пространство, как и состояние, часто измеряется близкими, знакомыми людьми:

руфина галина андрей антон
люба алёхин света наташа
саша ваня оля маша женя
римма наташа артём геля
рома ксюша саша нина егана
аня ян лена катя руслан инна
настя вадим ника саша женя
юля миша ксюша андрей
катя гена даня ира коля эдик
наташа галя никита лена
катя андрей таня кирилл
катя миша ваня галя катя
артём маша татьяна ирина
владимр юлия зоя наталья
игорь петя лина илья расима

***

в центре живут наташа
маша памятник горькому
и курчатову

***

вокруг одни имена
всё остальное далеко
и незначительно

Вместе с тем важно, что написание имен собственных с маленькой буквы не умаляет значимости этих людей, напротив, то, как эти имена вплетаются в канву пространства и событий, указывает скорее на органичность восприятия мира сквозь призму другого / близкого или даже незнакомого. «Я» идентичность не может быть сконструирована без столкновения с Другим. Отсюда и появление антиномий, выделяющихся даже графически (отступ и пробелы в рамках одной строки):

много друзей у меня нет у
меня друзей
это хорошо или это плохо

***

буду помнить что ты со мной
знать как я одинок

Слово в целом принципиально значимо, оно единственное остается после всего живого и может быть спасительным:

лишь я плыву в могиле как
в реке
и слово доброе держу в своей
руке

У Маниченко, как и подобает талантливому поэту, текст всегда выше и больше человека, пишущий бродит по саду слов и их сплетений. Эмоциональность в этой поэзии спокойная, лишенная истеричности, поскольку для автора ключевым остаётся язык. Неслучайно вся книга заканчивается лаконичным и важнейшим утверждением поэта:

но
слова остаются

Егана Джаббарова

Девяностые, пришельцы и учитель иврита в доме со всеми неудобствами

Вячеслав Букур. Юбилейное. — Санкт-Петербург: «ФормаТ», 2018

Удивительное дело: это первый авторский сборник известного, можно даже сказать культового, пермского автора. Среди людей пишущих и читающих это признанное имя, а вот поди ж ты — первая книжка. Всё дело в том, что Букур — это половина писательского дуэта, который он составляет с женой, Ниной Горлановой. В составе этого небольшого писательского коллектива он и публикуется активно, и даже на «Букер» выдвигался за «Роман воспитания», но в единственном числе публиковался лишь в журналах и в давнишнем сборнике фантастики «Поиск».

Есть и ещё одна причина этого парадокса: личные знакомые знают, что Букур — блестящий мастер устного высказывания. Его речь пересыпана ироничными истинами, шутками, цитатами-парафразами, так что знай собирай. Он рассыпает их, как жемчуг из порванных бус: кто первый взял — того и бусина. В основном жемчужины достаются Нине Горлановой: она не расстаётся с листком бумаги, на котором фиксирует все перлы Вячеслава, а потом они украшают её фейсбук (у самого Букура социальных аккаунтов нет) и их совместные произведения.

Такое разделение труда: Вячеслав говорит — Нина пишет. И даже сейчас, когда в честь юбилея писателя в Санкт-Петербурге вышел его авторский, вроде как личный сборник, центральное произведение в нём — автобиографическая повесть «Учитель иврита» — написано опять-таки в соавторстве с женой. Даже оформление книги в очень большой степени заслуга Нины, которая по совместительству художник: на первой странице обложки — портрет Букура её работы, а на последней — оба автора с кошкой и попугаем, тоже её картина.

Самое сильное чувство, возникающее при прочтении книги, — острейшее дежавю. Всё здесь посвящено 1990-м годам и настолько укоренено в этом времени, что порой страшновато становится, как будто время действительно обернулось вспять. Это, между прочим, не редкость среди пермских писателей: только что в издательстве «Престиж Бук» (Москва) вышел роман Вячеслава Запольских «Любовь к ошибкам», написанный буквально вот-вот, а действие происходит в «девяностые», до него Владимир Соколовский написал свой шедевральный «Уникум Потеряева» — опять-таки про «девяностые»…

Соколовский и Букур — представители одного поколения, Запольских чуть младше, но и его юность-зрелость пришлась на это остро памятное время; неудивительно, что писатели оглядываются в своём творчестве на два десятилетия назад. Удивительно другое. Букур пишет не только про «девяностые», но и в стилистике «девяностых». Читаешь, вспоминаешь, какая литература была в то время в моде, и удивляешься, что мода эта практически ушла.

Сборник «Юбилейное» — отличный повод задуматься о том, как меняются литературные тренды.

Два-три десятилетия назад реализм был не в почёте. Фантастика рулила, мыслями сограждан владели инопланетяне, уфологи были героями СМИ. Не то чтобы все всерьёз верили, что в Молёбке высадились пришельцы, но поговорить об этом, а ещё лучше — съездить в Молёбку и поделиться своим «мистическим» ощущением от пребывания на «космодроме» — это было обязательно. Инопланетяне были частью нашей реальности, так же как экстрасенсы и телецелители. Конечно, к последним относились скорее иронически, но не сразу. Поначалу все как один, независимо от уровня ай-кью и наличия учёной степени, исправно отсматривали телесеансы Кашпировского.

Сложно сказать, откуда в годы перестройки возникла эта тяга к как бы научному, но при этом совершенно фантастическому. Возможно, острая усталость от обыденного и столь же острая потребность в резких, даже волшебных переменах — тому причина. Все серьёзные писатели сочиняли фантастику, реализм казался скучным и чуть ли не устаревшим. Букур — не исключение. Сборник «Юбилейное» открывается и закрывается короткими рассказами как раз из этого ряда. В рассказе «Постучи в окно и скажи Егорову» героиня встречает на лесной прогулке пришельца, а герои рассказа «Он меня отремонтировал» — разумные андроиды. Юмористический рассказ «Переговорщик» — о том, как пришельцы вербовали пермяка на должность контактёра с новооткрытыми цивилизациями.

Эти короткие сочинения воспринимаются как тренировка фантазии и разминка остроумия. Небольшая повесть «Охота на предка» — из другой парадигмы, тоже отсылающей в конец XX века. Помните, были в моде сочинения про первобытных людей, с одной стороны, пытающиеся моделировать ментальность и поведение далёких предшественников современного человека, а с другой стороны, использующие первобытную жизнь как универсальную модель для рассуждения о человечности, об обществе и личности? Именитые авторы, эксплуатирующие этот приём, склонялись к неутешительным для Homo Sapiens выводам, вспомним хотя бы «Две стрелы» Александра Володина или жёстких «Наследников» Уильяма Голдинга. У Букура выводы прямо противоположные: в его повести речь идёт о том, как сквозь дикость прорастают мораль и гуманизм. Позитивная, в общем, повесть… Но, когда читаешь текст, написанный от лица гражданина каменного века, кажется, будто это не вполне взрослая литература.

Всё же самые большие и серьёзные произведения в сборнике далеки от фантастики: это автобиографическая повесть «Учитель иврита» и «Сторожевые записки», которые фактически являются её продолжением. Действие происходит, ясное дело, во времена перестройки. Главный герой Миша — русский, который преподаёт иврит евреям, планирующим уехать в Страну обетованную, его жена — журналистка, редактор независимой газеты. У них три дочки и сын, квартира со всеми неудобствами (мыться ходят к знакомым), вечное безденежье и миллион друзей.

Знакомо? Ну, разумеется, там, где Горланова и Букур переходят от фантазий к реальности, они немедленно начинают писать о себе, о собственном опыте, благо, опыт этот богат, хотя и несколько однообразен. Любое самое, казалось бы, незначительное бытовое событие, каждая фраза очередного гостя становятся поводом для рефлексии и перерастают в экзистенциальное переживание, всё вокруг осмысляется в парадоксальном ключе, столь характерном для образа мыслей Букура. Порой повесть выглядит как собрание афоризмов: фраза за фразой — сплошные лапидарности. Открываем наугад, страница 129:

«Евреи делятся на храбрых и очень храбрых. Храбрые — это те, кто уезжает, очень храбрые — которые остаются. Там рядом Саддам, здесь страх гражданской войны и голода»…

Тут же, строкой ниже:

«Я давно понял, что у спиртного есть какие-то излучения, а у людей, живущих в совке, — специальный орган, ловящий эти излучения. Стоит появиться бутылке на столе, как все знакомые, которые идут по своим делам, вдруг меняют траекторию и закругляют её к заветной точке».

Эта взятая наугад секвенция очень многое говорит о повести «Учитель иврита». О чём ещё и как ещё рассуждать русско-грузинско-молдавскому семейству, погрязшему в еврейском вопросе и интеллигентских нетрезвых разговорах? Здесь ироничность и философия не просто помогают, а жизненно необходимы. Иначе кранты.

Герои на протяжении всей повести вслух мечтают о том, чтобы заработать еврейское право на репатриацию и уехать в тёплую, благоустроенную страну. Дети уже куклам придумали еврейские имена! Временами мечтается и о переезде в Молдавию, в Грузию — там есть родня… Куклы срочно переименовываются.

Понятно, что никуда Миша, Нинико и их дети не уедут, потому что невозможно уехать от себя и прожить чужую жизнь вместо собственной. Там и останутся — в доме со всеми неудобствами, в компании нетрезвых чудаков-друзей, в вечной, бесконечной зиме и вечных, бесконечных «девяностых».

Юлия Баталина

Лолита Агамалова родилась в 1997 году в Грозном. Учится на философском факультете ГАУГН. Публиковалась в журналах «Остров», «Гендерные исследования», в онлайн-изданиях «Полутона», «Сноб» и «Ф-письмо» на Syg.ma. Лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко-2019. Живет и работает в Москве.

Виталий Аширов родился в 1982 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал копирайтером и редактором. Пишет прозу и стихи. Публиковался в журналах «Нева», «Юность», «Здесь», «Опустошитель», интернет-ресурсах «Полутона», «Топос», «Новая реальность» и «Мегалит». Автор книги «Скорбящий киборг. Диаманда Галас за пределами ультрамодернизма» (Екатеринбург, 2019). Живет в Перми.

Игорь Ваньков родился в поселке Цепел Красновишерского района Пермского края. Посещал литературно-творческое объединение «Парус» при библиотеке № 18 поселка Северный Колчим. Победитель Пермского поэтического слэма (2018). Участник Всероссийского слэма в Красноярске (2019). Ранее не публиковался. Живет в Перми.

Оксана Васякина. Поэтесса, феминистская активистка, куратор курса Современные Литературные Практики на базе Московской Высшей школы социальных и экономических наук. Лауреатка первой степени премии «Лицей». Автор книг «Женская проза» (2016), «Ветер ярости» (АСТ, 2019).

Елена Георгиевская родилась в 1980 году в Ярославской области. Училась на факультете философии СПбГУ, окончила Литературный институт им. Горького (2006). Лауреат премии журнала «Футурум Арт» (2006), «Вольный стрелок» (2010). Публиковалась в журналах «Воздух», «Новый мир», «TextOnly», «Дети Ра», «Футурум Арт», «Волга», «Волга — XXI век», «Нева», «Урал», «Сибирские огни» и др. Автор книг «Вода и ветер» (2009), «Хаим Мендл» (2011), «Книга 0» (2012), «Сталелитейные осы» (2017) и др. Живет в Калининграде и Москве.

Настя Денисова родилась в Ленинграде в 1984 году. Поэтесса, видеохудожница. Публиковалась в антологиях «12 поэтов из России» (Латвия), Windows on the World: Fifty Writers, Fifty Views (США), Life Stories, Death Sentences: Contemporary Russian-Language LGBTQ+Writing (США), Tutta la pienezza nel mio petto (Италия), Antologia poeziei ruse contemporane Editura Paralela 45 (Румыния), сборниках «Под одной обложкой» (Казахстан), «Это ужас, котики», журналах «Воздух», «Двоеточие», «НЛО», TextOnly и др. Поэтические книги «Ничего нет» (2006), «Вкл» (2010), «Трогали любили друг друга» (2019). Тексты переводились на английский, итальянский, латышский и румынский языки. Живёт в Санкт-Петербурге.

Егана Джаббарова родилась в 1992 году в Екатеринбурге. Окончила филфак УрФУ. Кандидат филологических наук. Преподает русский как иностранный. Печаталась в журналах «Знамя», «Урал», «Новая Юность», «Новый мир». Лауреат премии «Поэтический дебют» журнала «Новая Юность» (2016). Автор поэтических книг «Босфор» (2015), «Поза Ромберга» (2017). Шорт-лист премии Аркадия Драгомощенко (2019).

Екатерина Захаркив поэтесса, исследовательница современной поэзии, переводчица. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Аспирантка, младшая научная сотрудница Института языкознания РАН, преподает русский и английский языки, литературная редакторка. Соредакторка журнала «Ф-письмо» на Syg.ma. Публикации в журналах «Носорог», «НЛО», «Цирк «Олимп», L5 и др. Лауреат премии Аркадия Драгомощенко (2016). Стихи переведены на английский, польский и латышский языки. Автор книги стихов Felicity conditions (2017). Живет в Москве.

Константин Комаров родился в 1988 году. Поэт, литературный критик, литературовед. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Автор литературно-критических статей в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Финалист премии «Дебют» в номинации «Эссеистика» (2013, 2014). Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Урал», «Гвидеон», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Бельские просторы», «День и ночь», в антологии «Современная уральская поэзия» и др. Автор нескольких книг стихов. Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живёт и работает в Екатеринбурге.

Елена Костылева поэт, журналист. Автор книг стихов «Легко досталось» (1999), «Лидия» (2009), «День» (2019). Публиковалась в антологиях: English-language anthology of contemporary Russian women poets (2005), disAccordi. Antologia di poesia russa 2001–2016 (2018) и Anthologie de la jeune poésie russe: Lauréats et finalistes du prix Début, и в литературных журналах «Вавилон», «Митин журнал», «п+1», Modern Poetry in Translation. Участница редакционного совета журнала «Ф-письмо», член попечительского совета и сокуратор премии Аркадия Драгомощенко. Живет в Санкт-Петербурге.

Люба Макаревская родилась в 1986 году в Москве. Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Транслит», «Воздух», «Волга», «Носорог», «Зеркало», «Новое литературное обозрение». Вошла в шорт-лист премии bookscriptor в жанре современная проза. В 2017 году выпустила альманах «След», посвященный теме насилия. Автор книги стихов «Любовь». Стихи переводились на испанский и английский языки.

Станислава Могилева родилась в 1983 году в Норильске. Публиковалась в журналах «НЛО», «Воздух», «Волга», kntxt, в сетевых журналах TextOnly, «Цирк «Олимп», «Двоеточие», «Артикуляция» и др. Автор книг стихов «Обратный порядок» (2016), «Это происходит с кем-то другим» (2018). Координатор премии Аркадия Драгомощенко, куратор программы событий в книжном магазине «Порядок слов», соредактор журнала «Ф-письмо на Сигме». Живёт в Санкт-Петербурге.

Юлия Подлубнова поэт, литературный критик, историк литературы. Кандидат филологических наук. Родилась в 1980 году в Свердловской области. Публиковалась в журналах «Урал», «Вещь», «Литеrrатура», Антологии современной уральской поэзии (4 том) и т. д. Книга «Девочкадевочкадевочкадевочка» (2019). Живет в Екатеринбурге.

Ольга Роленгоф родилась в 1979 году. Окончила исторический факультет Пермского государственного университета. Публиковалась в журналах «Урал», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Литературная Пермь», сборниках «Стерн» (СПб), «@нтология» (Москва) и др. В 2007 году вышла книга стихов «Зрение». Автор документального фильма «Мама и ракеты». Переводила Маргерит Юрсенар, Симону Вейль, Жака Бреля. Живет в Перми.

Катя Рубан родилась в 1990 году в селе Чермошнянка Кокчетавской области (Казахстан). В 2012 году окончила Северо-Казахстанский государственный университет по специальности «Русский язык и литература». Работала в сферах благотворительности, социальной журналистики. Финалист литературного фестиваля «Приношение» (Москва, 2017). Автор сборника стихов «Сохрани» (2019). Живет в Тюмени.

Галина Рымбу родилась в 1990 году в Омске. Окончила Литературный институт им. Горького. Изучала социально-политическую философию в магистратуре Европейского Университета в СПб. Редакторка онлайн-журнала, посвященного современной феминистской литературе и теории «Ф-письмо». Со-кураторка и учредительница премии Аркадия Драгомощенко. Стихи публиковались в журналах «Новое литературное обозрение», «Воздух», «Транслит», N+1, Arc Poetry, The White Review, Berlin Quarterly, Music&Literature, Punctum, Helikopter, Círculo de poesía, Asymptote, Powder Keg и др., а также в ряде международных антологий. Автор книг «Передвижное пространство переворота» (2014), White Bread (2016), «Время земли» (2018), «Жизнь в пространстве» (2018), Kosmiskais prospekts (2018), Tijd van de aarde (2019). Лауреатка поэтической премии фестиваля «Поэзия без границ» (Рига, 2017). Участвовала в ряде поэтических фестивалей и чтений в Германии, Румынии, Норвегии, США, Украине, Латвии, Нидерландах. Живет во Львове.

Дарья Серенко родилась в 1993 г. в Хабаровске. С 1997 по 2010 жила и училась в Омске. Феминистская активистка, художница, поэтесса, журналистка. Создательница акции #тихий пикет. Живёт в Москве.

Елена Соловьева родилась в 1970 году в Копейске. Окончила УрГУ. Лауреат международного конкурса «Новая детская книга 2011», обладательница Гран-при национальной премии «Рукопись года-2012». Автор нескольких книг прозы. Живет и работает в Екатеринбурге.

Марина Тёмкина родилась в 1948 году в Ленинграде. Окончила исторический факультет Ленинградского университета. С 1978 года живёт в США. Работала переводчиком в ассоциации беженцев и политических эмигрантов из разных стран, возглавляла Архив еврейской иммигрантской культуры. Её тексты стоят у истоков русскоязычной феминистской поэзии. Книги стихов «Части часть» (1985), «В обратном направлении» (1989), «Каланча» (1995), «Ненаглядные пособия» (2019). Публикации в журналах «Континент», «22», «Время и мы», «Ф-письмо», «Новом журнале» и др., антологиях «У Голубой Лагуны», «Строфы века», «Освобожденный Улисс». Американская премия National Endowment for the Arts (1994). Пишет на русском и английском.

Елена Фофанова родилась в Стерлитамаке в 1996 году. Живет в Санкт-Петербурге, окончила НИУ ВШЭ (исторический факультет), учится на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Участница теоретических семинаров «Ф-письмо» и «Красное знание». Публиковалась в интернет-изданиях Stenograme, «Ф-письмо на Syg.ma», «Артикуляция», Polutona.

Фридрих Чернышёв родился в 1989 году в Донецке. Учился в Донецком медицинском университете. Публиковался в журнале «Воздух», «Листок» (Киев), «Парадигма», сборнике «Под одной обложкой» (Алматы), сетевых изданиях Polutona и TextOnly. Переводы на английский опубликованы в выпуске Modern Poetry in Translation. Лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2017). Живет в Киеве.

Инга Шепелева поэтесса, писательница, видеохудожница. Родилась и выросла в Якутии, окончила Литературный институт. Публиковалась на сайтах polutona, syg.ma, snob.ru, в интернет-изданиях «Литерратура», «Артикуляция», «Ф-письмо». Участница музыкальных, видео- и поэтических фестивалей: «Структурность» (Москва), «Пушкинские лаборатории» (СПб), Totaldobže Karostas ūdenstornī (Латвия), «Пятая нога» (СПб), Международный фестиваль видеопоэзии (Афины), Международный фестиваль видеопоэзии и экспериментального кино Zebra (Берлин). Режиссер музыкальных клипов. Студентка Московской школы кино.

Валерий Шергин драматург, актер. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт, курс Николая Коляды. Участник фестивалей «Любимовка», «Евразия», «Текстура», «Действующие лица», «Пять вечеров». Один из победителей драматургического конкурса «Свободный театр». Автор пьес «Концлагеристы», «Очень нетеатральные пъесы три», «Чудо, а не дети», «Бес с небес». В ЦИМе идет спектакль по его пьесе «Колбаса/Фрагменты».

Лида Юсупова поэтесса. Автор книг стихов «Ирасалимль» (1995), «Ритуал С-4» (2013) и Dead Dad (2016). Публиковалась в журналах «Воздух», «Митин журнал», Modern Poetry in Translation, St. Petersburg Review и др. Стихи переведены на английский, французский, украинский, литовский, иврит, чешский, польский. Лауреат премии «Различие» (2017). Живет в Торонто и в городке Сан-Педро, который находится на острове Амбергис в Белизе (Центральная Америка).

**Проект осуществлен при поддержке
Министерства культуры Пермского края**

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2019. — 120 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Марина Артемова

В номере использованы картины Нины Горлановой и коллаж Анны Ли

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу:
e-mail: senator.perm@gmail.com

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Тираж 200 экз.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator.perm@gmail.com

18+

© «Вещь», 2019
© Авторы, 2019
© Издательство «Сенатор», 2019